

***Здесь
начинается
Родина***

Здесь начинается Родина

Бийск 2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (Рос=Рус) 6-5
3 46

Редакционный совет:

Л.В. Казарцева, Д.В. Каюшкин, А.Б. Кердан,
Д.В. Мурзин, А.П. Расторгуев.

3 46 Здесь начинается Родина. Сборник прозы и поэзии.
Редактор-составитель С.В. Филатов. Проект БО ОАКПО
«Союз писателей России». – Бийск, «Матрица», 2024. –
240 с.

Крупнейшие военные события русской истории ближайших неполных ста лет не оставляют в стороне ни зрелых граждан, ни детей. В сборнике представлена произведения писателей Урала, Кузбасса, Красноярского и Алтайского края, а также школьников-лауреатов литературного конкурса «Мой Шукшин». Идёт «переключка» участников Великой Отечественной войны, СВО, переключка тыла и фронта, переключка отцов, детей, дедов и внуков...

Книга предназначена для широкого круга читателей.
Ограничения по возрасту 12+.

УДК 821.161.1-3
ББК 84 (Рос=Рус) 6-5

ISBN ...

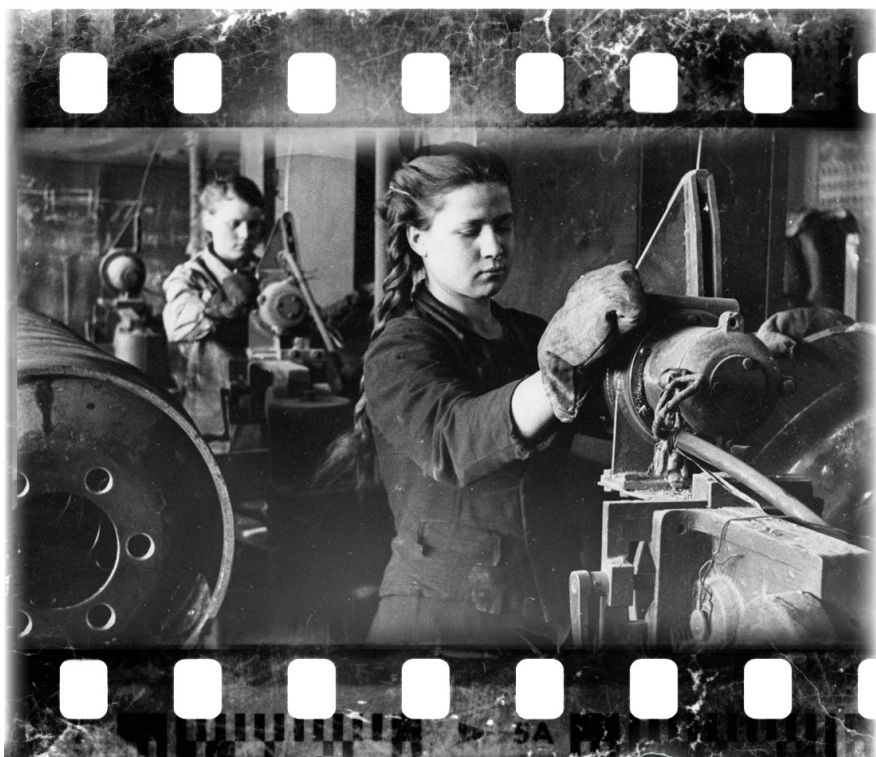
© С.В. Филатов, редактор-составитель. 2023.
© Коллектив авторов. Тексты. 2023.
© БО ОАКПО СПР. Проект. 2023.
© М.В.Косарев. Дизайн, оформление. 2023.

В поисках глубинного Слова

В начале 90-х XX века закинули нам с Запада обманку о неких эфемерных «общечеловеческих» ценностях: материальных, культурных, духовных... апеллируя при этом такими словами, как демократия, толерантность... В силу доверчивости своей, не разглядели мы сразу за теми слоганами самой обычной лжи и повелись, что дети малые. Стали всё по западным меркам перемеривать да перестраивать, да так рьяно, что ничего своего не щадили. Многие основы деформировали: экономику, промышленность, науку, образование обрушили... А самое главное, в чём недоглядели – духовность, память свою исконную позволили забугорными грязными руками лапать, высмеивать её, да ещё и поучать нас – мол, не так живёте, не тем богам молитесь, не те ценности проповедуете...

И Слово изначальное, глубинное от пошлости этой пришедшей схоронилось. В самых глубинках нашей Родины необъятной – на Урале, в Сибири... Там Оно сегодня – среди народа живёт, людьми из уст в уста передаётся. Много на земле нашей русской людей талантливых, которые скромно и честно, делают что должно – являют людям по капле Слово исконное, родное...

А то, что Оно, Слово, сегодня также необходимо, как Хлеб, как крепость Духа, как Вера в Победу – в этом сомнения нет. Ведь не зря в Священном Писании сказано: «В начале было Слово...»

Документальная хроника времен Великой Отечественной войны

Не случайно книга начинается с произведений детей, победителей литературного конкурса «Мой Шукшин». Так они, сегодняшние ровесники мальчишки в будёновке с обложки этой книги воспринимают войну прошлую, так видят войну нынешнюю...

Напряжённый, твёрдый взгляд пацана в старой отцовской будёновке... Этот образ мальчика – один из центральных кадров фильма Ларисы Шепитько – «Восхождение», снятого по повести Василя Быкова «Сотников». Зритель понимает – на уровне подсознания, яркого как вспышка озарения – мальчишка, не испугавшийся выйти в будёновке со звездой к полициям и немцам, обязательно запомнит это жуткое мгновение навсегда. Такое не забывается. И – точно – именно с этого потрясения для него уже начался приток в память, в сердце не осознанного, но неизбежного с этого момента ощущения Родины.

Он впервые в своей жизни так близко – глаза в глаза – увидел рядом мужество и трусость, смерть и восхождение, через которые один человек обретает величие, другой – духовное падение до банального предательства. И все – и силой согнанные на площадь сельчане, и даже немцы и полицаи презирают предателя, да и для него самого презрение это гораздо мучительнее смерти. Ведь до самого последнего момента он никак не мог – или не хотел – поверить в очевидное, что это всё совершает он сам, здесь и сейчас. Пытался убедить себя, что вот-вот, ещё немного и всё закончится как страшный сон, он вновь обретёт свободу и отомстит всем – и фашистам, и полициям – за смерть своего повешенного товарища. У которого, струсив, он, буквально минуту назад, своими руками выбивает из-под ног скамейку...

Мальчик в будёновке появляется в кадре всего на несколько секунд, но его взгляд, но эта старенькая будёновка со звездой... – именно он, наряду с взошедшим на голгофу партизаном Сотниковым, – один из главных героев фильма. И нет сомнения, что мальчишка обязательно, встанет вслед за Сотниковым, если того жёстко потребует время, на защиту своей Родины...

Больше, чем навсегда

У Васьки в руках изодранный плюшевый медведь и верёвка от санок. Он идёт осторожно, прихрамывая на одну, ушибленную при падении, ногу. Лицо его выражает тихую сосредоточенность, и отголоском отдаётся печаль в детских глазах, которую он пытается стряхнуть, упрямо трясая головой. Крупные завитки волос непослушно выскакивают из-под дырявой шапки, и край её перемещается с одного уха на другое, грея сначала правое, потом левое, и так по кругу, пока мальчишка, наконец, не видит знакомую дверь старого заводского цеха. За кирпичной стеной всюду кипит работа, изредка можно услышать окрик кого-то из старших, либо подбадривающий, либо осуждающий за медлительность. И не важно, какой оттенок этого крика. Главное ведь, что живые и трудятся. А где-то там и его брат стоит да собирает, собирает, собирает... Вытрет капли пота со лба, разомнёт уставшие руки и снова к станку. Одна деталь, другая, третья, четвёртая... А на рабочем столе коряво, но точно выцарапано его же рукой: «Хоть умри, но норму выполни!»

Старший брат только и делает, что шутит да пишет всякие глупости. Умирать он точно не умрёт, младший не позволит. Лучше бы написал вот так: «Не сделаю норму – отдам конфету Ваське!» Или «Не сделаю норму – перестану, наконец, общаться с этой всезнайкой Варькой!» От первой мысли слюна во рту жадно появилась, и в животе вдруг неприятно отдалось болью, а от второй улыбнулся довольно. Вот второе как раз то, что нужно. И Варька перестанет к брату приставать со своими поучениями, и Мишка уйдёт пораньше с этой ужасной работы на заводе. И не придётся таскать ему, Ваське, жалкий кусок хлеба да воду через весь город, который вдруг опустел и стал каким-то жутким, чужим, вызывающим мурашки по коже.

Вася толкает дверь, и после света яркого, но холодного дня помещение кажется таким тёмным, что ничего не видно. Он

стоит несколько секунд, привыкая, пока старшего брата зовёт кто-то из рослых подростков. Так и этак, мол, малой пришёл. Мальчишка недовольно бурчит, что не очень-то и маленький. Он уже Мишке до груди дорос. Ещё немного – и выше него станет, ведь он-то в папу пошёл, а Мишка – в мать.

Мальчик подбегает к знакомой ссутулившейся фигуре у станка, толкает в спину и усмехается. Старший брат чуть не падает от толчка, но вместо злого окрика лишь подхватывает игривое настроение и, повернувшись, хлопает Ваську по плечу. Потом спрыгивает с деревянной табуретки, пошатывается устало, но, расставив руки, удерживает равновесие. Прижимает мальчика к себе и крепко обнимает, пока тот пытается вырваться из сильных объятий.

– Я уж думал отпроситься да пойти тебя искать. Где ты так долго? Уж час, как прийти должен был, – отлипая, произносит Миша и недовольно хмурится, поправляет шапку на голове, но всё не может сделать так, чтобы та закрывала сразу два уха. Васька отмахивается: и так сойдёт, и незачем трогать.

– На птичек засмотрелся, – смущённо и тихо произносит он, опуская серьёзные глаза. – А ты, вместо того чтобы на часы смотреть, лучше бы работу делал хорошо. Небось, ошибок много допустил, пока за стрелками следил? – и показал язык, заставив не только Мишку, но и стоявших рядом сначала возмущённо нахмуриться, а потом рассмеяться во весь голос.

Мишка ёжится, тянется к маленькому свёрточку с хлебом и к кружке с водой, ставит её на край стола и голодно сглатывает. Улыбка его исчезает, на лице появляется выражение сосредоточенности. Он поворачивается к брату:

– Сейчас погреешься да домой. Я, наверное, не приду сегодня, останусь тут работать на ночь, помогу Варьке, ладно? Маме так и передай, понял? И...

– Ты и маме нужен, и мне, а не только своей Варьке, – вставляет между слов свои пять копеек Васька. Он обидчиво глядит снизу вверх на брата и, громко шмыгая, вытирает нос рукой. – Раз ночь, два ночь. И опять завтра не придёшь. А потом и вовсе помрёшь без моего разрешения! И всё сбудется, как ты написал! У тебя на уме только Варька, а меня с мамой там нет!

Мишка сглотнул, оторопел, кажется, даже слегка отпрянул, потом неловко усмехнулся, пытаясь скрыть смущение:

– Чего ты? Варя ведь девочка, ей помогать надо...

– Мама тоже девочка, и ничего, ей ты помогать не стремишься! Либо со мной домой, либо я никуда не уйду. Так и останусь с тобой сидеть, пока самому не надоест меня терпеть! – и плюхнулся прямо на санки, злобно уставившись исподлобья на непутёвого старшенького. – Вот и решай теперь, понял?

– Понял, понял... Мне пару деталей осталось, жди сиди.

И опять шарканье, скрежет, иногда неприятный да хриплый кашель то откуда-то издалека, то близкий совсем...

...Мишка сидел за столом и, задумчиво подперев подбородок, просматривал различные бумаги на предмет важности. Ненужные сразу отправлялись в огонь. Печка-буржуйка горела плохо, но старательно грела ослабевшие детские тела. А задумчивый Васька хмуро сидел рядом.

– Зачем ты их разбираешь? Разве там есть что-то важное? – скучающе произнёс мальчик, пододвигаясь ближе к брату.

– А как же письма дяди? – удивлённо спросил Мишка, вскинув брови. – Неужели забыл? Ну и неблагодарный же ты!

– Сам такой! – Васютка в порыве детского негодования стукнул рукой по столу да примолк, обидчиво уткнулся носом в рукав старого свитера, совсем чуть-чуть подглядывая, как отреагирует Мишка. Так-то ему, конечно, и неинтересно было. Смотреть на него! Вот ещё! Чести много. Брат же, как назло, даже бровью не повёл, просто пожал плечами:

– Конечно, я не забыл...

– Что-что? – шутливо переспросил его подросток. – Пищишь, как мышь, ничего не слышу.

– Не забыл я, говорю! Глухомань ты этакая! И если я мышь, то ты вообще ...крыса. Понял?

– Понял, понял... – покладисто согласился тот, почти не вслушиваясь. Его глаза то счастливо поблескивали, то вдруг мрачнели, и Васька заворожённо наблюдал за этими изменениями.

– А ты меня не бросишь, так ведь? Никогда-никогда? – неожиданно и для старшего, и для себя самого спросил Васька и отвёл взгляд.

– А что, боишься? – Мишке хотелось усмехнуться да ткнуть мальчика в бок, но сейчас он вдруг стал предельно серьёзным. – Не переживай. Конечно, не брошу, дурачок, куда же я без тебя?

Пропадут совсем.

– Правда?

– Правда. Врать что ли буду? Совсем за глупенького меня считаешь?

Младший покачал головой, лишь засмеялся да, соскочив с места, звонко шлёпнул брата по шее, а потом преданно уткнулся в плечо и прикрыл глаза. Желанное чувство полной защиты и спокойствия успокоили его, уняв ночные страхи. Понимая, что брат его не всемогущ, мальчишка всё равно радовался, ведь Мишка его в обиду не даст.

Маленькая фигурка Варьки скромно пристроилась рядом с долговым очертанием Мишки, они медленно приближались к дому. Васька ревниво поглядывал из окна, внимательно следя за каждым их шагом, со старанием полицейской ищейки пытаясь отыскать неприглядные черты во внешности девочки. Но тщетно: девчонка, что надо. Тогда он, нахмутив брови, попытался придумать, как же выпроводить её из дома побыстрее, а может, и вовсе, при лучшем раскладе, сделать так, чтоб её нога вообще не переступила порог их маленькой, непрочной крепости. Мать исподтишка наблюдала за сыном, пока её руки неустанно штопали рубаху. Васютка, словно почуяв неладное, наконец, отлип от окна и был тут как тут, готовый помочь маме.

– Иди уж, играйся, я сама справлюсь, – слабо отмахнулась женщина, но мальчик её даже не послушал и уже выбирал вещь из стопки ношеной одежды. Потом, со сноровкой бывалого портного, ловко воткнул нитку в иголку и, предельно горделиво задирая нос, с затаённым сердцем поджидал старшего братца, чтобы похвастаться, какой он молодец и как хорошо помогает маме латать рубахи, пока тот теряет время на всяких там неинтересных, занудных девчонок.

– Ну, ладно уж, раз хочешь, – покорно согласилась мать, ибо Васютка всё равно бы не отстал, даже если бы ему запретили.

Наконец двери скрипнули. Через входную дверь повеяло стылým зимним ветром, и две невысокие фигуры вошли в дом. Раскрасневшаяся от холода Варька приветливо махнула рукой и стянула с шеи алый шарф, который сразу приковал внимание Васьки, и он удивлённо округлил глаза от такой роскоши. Давно он не видел действительно не то что красивых, а хотя

бы не залатанных вещей. И теперь он не мог отвести взгляд от такого сокровища. Мишка, с лицом такого же цвета, как шарф, заглянул в комнату и торопливо обнял вначале мать, а потом потрепал недовольного братишку по кудрявой голове. На вопрос, что случилось, Васютка лишь качнул головой в сторону скромно стоящей в дверях девчонки.

– Что же ты, Варя, проходи, садись, – слабым голосом произнесла мать, прежде чем закашляться. Лицо её казалось сегодня бледнее обычного, в манере держаться чувствовалась слабость, словно ничего не осталось от той бойкой, строгой женщины, какой её знали сыновья. Кажется, такой мать осталась в прошлом, и ей на замену пришёл кто-то другой, совершенно иной, непонятный. – Кипятку, может? Предложить можем только это, не осуждай.

Варька потупила взгляд, аккуратно усаживаясь на табуретку рядом, и лишь молчаливо кивнула головой. От согревающего питья, и правда, сейчас грех отказываться, когда кое-как шевелятся даже кончики маленьких пальцев.

– Варь, ты что? – удивлённо спросил Мишка, заподозрив что-то неладное. Да и Васька заметил, что девочка ничего не сказала по поводу растрёпанных кудряшек.

– Никогда у вас прежде не была, вот и страшно, – медленно и неуверенно произнесла Варя, осматривая с интересом обстановку их дома. – И маму вашу вижу в первый раз. А вдруг произведу плохое впечатление?

– Ты-то? Точно не произведёшь, будь уверена, уж я-то знаю точно, – и Мишутка смущённо почесал затылок, а Варька звонко засмеялась то ли от такого комплимента, то ли от того, как Миша сам на него и отреагировал, отведя взгляд. Васютка лишь обречённо фыркнул. – Ты красивая, умная и...

– Всё-всё, поняла, уже не боюсь.

На кухне скрипели деревянные ящики стола и половицы, шоркала материнская стопа по старым полосатым половичкам. И Ваське стало казаться, что он так и заснёт на большом отцовском кресле от скуки и навалившейся усталости. Но стук упавшей посуды и ещё какой-то, пронизывающий ужасом тело мальчика, быстро вытряс из него остатки сна, заставив вздрогнуть. Соскочили и старшие. Мишка со страшным грохотом пронёсся на кухню, Варька осталась сторожить малыша.

Хотя чувство понимания случившегося уже селилось в ней и пугало, как и Ваську. И он, наконец, вырвавшись из слабых девичьих рук, проскочил следом за братом, да так и застыл, плотно обхватив руку старшего со стеклянными от страха глазами. То, что Васютка увидел в кухне, было ужасным и будто нереальным... Возле кухонного стола, на полосатом половичке, лежала мама...

Васютка несколько дней не вставал с кровати. Лишь изредка, плотно обхватив подушку, поднимался, чтобы иногда пожевать корку хлеба или глотнуть кипятка. Мальчик свыкался с мыслью о потере тяжелее, чем Мишка, потому что не давал себе плакать. Его глаза казались пустыми, и уши старались не слышать жалобного плача старшего брата из соседней комнаты. Варька приходила каждый день. Топила печку старыми книгами, получала порцию хлеба по карточкам и носила из колонки тяжёлые вёдра с водой. Дедушка Варьки целыми сутками дежурил, а потому её никто и не искал на протяжении дня. Под вечер она уходила, подолгу задерживаясь около Васюткиной кровати. Но Васька лишь плотно закрывал глаза, делая вид, что спит тяжёлым, беспокойным сном.

11

Он и в этот раз хотел притвориться, но узнал шаги брата. Высокая его тень неожиданно появилась перед ним. Мишка ничего не произносил, лишь настойчиво смотрел несколько минут, пока младший брат сам не повернулся к нему и не встретился с ним глазами. Они были пугающими, провалившимися и покрасневшими от пролитых слёз. Таким Васютка видел брата впервые. Наконец оба судорожно выдохнули, выпуская облачко пара, и Миша опустил голову возле кровати, облокачиваясь о сырую, холодную стену.

– Ты плакал? – дрожащим голосом спросил он брата, стараясь говорить ровно, даже равнодушно, предпочитая, словно от стыда, смотреть не на Васютку, а в окно перед собой. – Только честно. Я не буду ругать.

– Нет. Совсем.

– Значит, Варька не врала, – и Мишка усмехнулся, но эта полуулыбка не придала ему прежнего задора, скорее наоборот сделала его лицо более жалким. На несколько секунд он прикрыл глаза, потом глубоко вдохнул, словно собираясь с мыслями.

ми. – Ты молодец, братишка. Не то, что я.

Потом добавил озабоченно:

– Ты не обижаешься на маму? Ты же должен понимать, что...

– Она обещала нас не бросать, – начал Вася упавшим голосом. Он тихо всхлипнул, не позволяя слезе скатиться по щеке дальше. – Но я её не виню, не думай, – и потёрся щекой о колено, а Мишка непроизвольно хмыкнул, ожидая более ужасных слов, чем эти. Криков, отчаяния, но никак не поистине взрослого понимания ситуации.

– Что с нами дальше станет? Нас заберут в детский дом? – пламя маленькой свечки на тумбочке рядом отразилось в его глазах, и в них явно читалось неприкрытое волнение, что он пытался скрыть всё это время от старшего брата.

– Заберут, – ответил тот.

– Вместе? – не унимался Васютка.

– Вместе. Забыл что ли, что я обещал. Конечно, вместе, пропаду же без тебя, балбес! И ты без меня. Ты ум, а я сила – только так и живём, – пальцы его провели по выступающим рёбрам мальчонки, заставив непроизвольно громко засмеяться от щекотки. – Ты вон без меня какой слабенький, а я без тебя как дуб непробиваемый, не достучаться до меня совсем.

– Значит, не бросишь никогда? – повторил Васютка свой вопрос, прозвучавший уже когда-то давно.

– Обещался уже, – недоумённо прозвучало в ответ.

– А ты повтори опять, трудно, что ли?

– Да ну... – протянул подросток лениво, играючи отмахиваясь от Васьки.

– Ещё пообещай, говорю! – требовательно попросил Васька, и Мишутка, сдавшись, произнёс наконец:

– Больше, чем навсегда.

Диана МАЛЬЦЕВА

Бийский центр помощи детям,
оставшимся без попечения родителей

ДОРОГА ИЗ МАРИУПОЛЯ

отрывок

Из Мариуполя мы ехали колонной.
А за спиной пробитый миной храм
Машины наши с белыми полотнами
И словом «ДЕТИ» в путь благословлял...

Из Мариуполя мы ехали колонной,
Оставив детство где-то за спиной.
И небо, серое от дыма с непогодой,
Над нами плакало тоскою затяжной.

Течёт колонна из машин – их сотни,
Пробитых многократно по пути.
И в каждой переломанные судьбы
Детей и взрослых, женщин и мужчин...

Из Мариуполя мы ехали колонной.
И наша благодатная земля
Вдруг показалась нам совсем другою:
Чужие речки, яблони, поля.

Боль не ушла, она вся в заморозке.
Глаза сухие, нет для слёз воды.
И детям радость, коль на остановке
Рука прохожего протянет им еды...

Куда мы едем и когда вернёмся
Теперь не скажет вам никто из нас.
Нас позовёт земля – мы отзовёмся,
Пусть это будет даже не сейчас...

<...>

Нам вновь вернётся память братолюбия,
Врагов иноплемённых скинем прочь.
И никакое смертоносное оружие
Уж никогда не сможет им помочь.

Ксения РУДНЕВА

Бийск, кадетская школа

Кусочек сахара

Кусковой, пайковой

Горький сахар войны

Предрассветной порой

Пробирается в сны...

Сахар (из военной тетради)

Я, как и вчера, возвращаюсь вечером домой. Школа, художественная школа, дом, школа, дополнительная математика, дом, и так по кругу. Учебные дни, недели, месяцы. Совсем немного осталось времени до экзаменов... Я переступаю порог дома, меня встречает мама, а с дивана приветствует, не отвлекаясь от телевизора, отец.

– Как дела, Ксюш? – спрашивает заботливо мама.

Я не слышу её вопрос, ведь мой взгляд, как и папин, прикован к экрану. Военный сюжет – специальная военная операция (СВО): военная техника, люди, которые находятся там. В душе как-то всё сжимается: ты живёшь здесь, где твоя самая большая забота – это учёба, а самая большая проблема – плохая оценка по алгебре; где ты теряешь всего лишь ключи от дома, а не близких людей, где твоя рука дёргается от того, что написан ошибочный ответ на пробном экзамене, а не от того, что нанесён удар по противнику, который тоже – человек.

Мама с недоумением смотрит на меня, потому что я игнорирую её вопрос. Опомнившись, я тепло улыбнулась ей:

– Всё хорошо, мам, просто немного устала.

– Отдохни немного, поужинаем, и будешь делать уроки, постараемся сегодня все лечь спать пораньше!

Немного отдохнуть... Думаю – это то, что мне нужно! Я удобно укладываюсь в кровать и ставлю на телефоне будильник на 40 минут. Лучшее, что мне помогает уснуть – это мысли. Я всё больше углубляюсь в раздумья. Почему спустя столько лет люди идут на новые конфликты, жертвы? Ведь события

Великой Отечественной войны оставили свой след не только в истории России, но и в истории всего мира. Так почему всё снова? Неужели в людях не осталось той частички светлого и правильного, что могло предотвратить войну? Мне остаётся лишь задавать вопросы и самой отвечать на них. Мои глаза уже закрываются, я ухожу в мир сновидений с неприятным ощущением в душе...

Казалось, я только закрыла глаза секунду назад, но невыносимый громкий звук удара чего-то большого о землю заставил меня проснуться.

Я резко распахнула глаза. От чего в моих глазах потемнело? Запах сырости ударил в нос. Вот мой взор прояснился, и что я вижу? Я лежу на какой-то тахте, в какой-то каморке, куда еле попадает свет. Смотрю на предполагаемые окна, что там? Они наглухо заколочены крест-накрест. Испуг и лёгкая паника накрыли меня, но логика взяла верх: я только закрыла глаза, а перед этим много думала о войне, ещё и устала сильно. Вот мой мозг воссоздал все мои переживания в реалистичном сне. Это сон, а значит, нужно как можно больше в нём увидеть!

Я встала с тахты и решила осмотреться. Возле низкой двери стояло старое зеркало. Заглянув в него, я увидела всю ту же себя, но какую-то бледную и осунувшуюся. На мне поношенное серое шерстяное пальто и шаль, которая пыталась спрятать растрёпанные волосы. В каморке ничего, кроме зеркала и кровати, не было. Я хотела уже уйти, но услышала странный звук. Он был похож на мяуканье. Действительно – под кроватью, на дырявом пледе, лежал котёнок, тощий и грязный.

– Привет, малыш! Тебе, наверное, страшно? Давай, я возьму тебя с собой!

Я потянула свои руки к этому комочку, а он сам уже начал на меня карабкаться.

Мне хотелось, как можно больше деталей рассмотреть в своём сне. На удивление, он был реалистичным. Я поскорее вышла из этой тёмной комнатухи.

Похоже, я оказалась в здании полуразрушенного жилого дома. Первое, что я увидела за дверью, была лестничная площадка. Внизу послышалось, как кто-то торопливо спускался по лестнице. Всё отчетливее я слышала звук сирены, как в военных фильмах, которые мы смотрели с родителями по выход-

ным. Но когда же в городах звучал этот «голос» сирены? Кажется, тогда, когда противник наносил воздушный удар по городу. Все должны бежать в бомбоубежище.

– Точно! Бомбоубежище! – Сказала вслух я.

На глаза сразу попала надпись на стене крупными буквами «БОМБОУБЕЖИЩЕ» и характерная стрелка вниз.

Я решила направиться туда. Перед моим носом чуть не захлопнулась дверь, но я успела заскочить внутрь. Старушка начала ворчать на меня:

– Наська! Где тебя носило! Поди опять с Васькой спали! Так бы и схоронилась у себя в каморке! Ты и животинку с собой притащила!

Я немного смутилась и сильнее прижала к себе котёнка. Судя по всему, Васька – это он. А Наська – получается, это я.

– Извините, пожалу... – недоговорила я.

Старушка посмотрела на меня как-то с удивлением и опять проворчала:

– Чё извиняешься-то? Дело твоё....

Я обернулась и только сейчас поняла, что окружало меня. Люди, прижимаясь друг к другу, пытались разместиться на скамейках. Тот, кто не успел занять себе место, устраивался на грязном и холодном полу. Кто-то тихонько разговаривал, дети даже играли с какими-то незатейливыми предметами, а некоторые просто молчали. Казалось, что люди не напуганы снарядами, разбивающимися о землю. Скорее всего, они уже переживали это сотни раз, потому просто привыкли. Мне показалось пугающим то, что здесь это норма. Я подумала: так и на войне! Так, как в моём сне! Мурашки пробежались по телу от самой мысли, что люди не дрожали от страха в бомбоубежище, когда снаружи всё разлеталось в прах. До чего доводит война – человек начинает привыкать к своему страху, начинает жить ежеминутно со своим страхом.

Мои ноги как-то заныли, и интуитивно я стала искать место, куда можно было сесть. К счастью, свободное местечко увидела на лавочке рядом с молодым солдатом. Я умею различать воинские звания, по количеству звёздочек поняла – лейтенант. У него было обгорелое лицо и обветренные руки, тёмные волосы, но кое-где уже проглядывала седина. Наверное, солдат бывал в разных местах и повидал многое. Он улыбался, как улыбаются

самые добрые люди.

Мой сон меня всё больше увлекал. Я решила завести разговор со своим соседом по лавочке:

– Товарищ лейтенант! Разрешите обратиться! – выпалила я.

Солдат от неожиданности вздрогнул, посмотрел на меня с удивлением, но потом пришёл в себя.

– Конечно, девушка, спрашивайте всё, что хотите, я к вашим услугам! – подшучивая, ответил он.

– Каким вы видите будущее всего мира?

Я выглядела нелепо, задавая такие вопросы незнакомцу. Лейтенант ответил спустя минуту совершенно спокойно, ведь он со всей серьёзностью воспринял мой вопрос.

– Знаете, девушка, я часто мечтаю о будущем. Не только о своём, но и о будущем других. Сложно утверждать, какое оно, но мечтать никто не запрещал, а наши мечты могут быть не подвластны логике...

Он говорил это мягким голосом, очень чётко и красноречиво. Мне почему-то подумалось, что он образованный человек, много читает. Я всё больше уходила от реальности и от понимания, что это – сон, и просто решила слушать своего собеседника:

– ... я думаю, что все страны мира будут равны, нет, я не думаю – я уверен. Я считаю, что все люди начнут ценить друг друга и поймут, что самое ценное – это жизнь, а самое страшное – война. Что она не стоит власти, территорий и смерти людей. Война не стоит ничего этого! Поэтому везде должен быть мир! Быть может, мы это сейчас докажем, а, быть может, это только начало... я не знаю этого, я всего лишь мечтаю... я даже не знаю – вернусь ли живым с этой войны... Но очень хочу сказать потомкам – есть Страх, но также есть Любовь, Совесть и Честь. Это нужно помнить каждую секунду.

Он говорил, и с каждым словом в его глазах загорались огоньки – это были огоньки воли к победе.

– Товарищ лейтенант, а вдруг будет ещё война, война из-за всего этого же? А вдруг люди испугаются? Вдруг все побегут, представляя, какой горькой может быть она?

– Человек, который любит свою семью, свою страну не убежит, он будет благодарен Родине за то, что рождён на этой земле. Какой бы горькой война ни была, он будет защищать свою

Родину. Но если тебе язык сводит от горечи, то съешь кусочек сахара и подсласти её!

На такой шуточной ноте солдат закончил наш разговор. Он больше ничего не говорил, просто улыбался. Засунув руку в карман, он достал маленькую скомканную тряпочку.

– Поделись со своим другом!

Котёнок стал немного активнее и начал играть с этим комочком ткани. Он немного меня поцарапал, но я не обратила на это внимание.

Чем же я могу поделиться с котиком из этого свёртка? Аккуратно развернула его, ощутила комочек внутри ткани, последний моток и... я увидела... белый кусочек сахара.

Белый кусочек сахара... Чтобы подсластить горький вкус войны...

По моим щекам потекли обжигающие слёзы. Я чувствовала, как они оставляют за собой ещё тёплый влажный след. Я начинала осознавать, что пережили люди в годы Великой Отечественной войны, что переживают люди с 2014 года, да и с начала специальной военной операции. Безумно жаль становится всех людей, которые пережили и переживают это, они делали и делают всё, что в их силах, добивались, добиваются и будут добиваться победы! Но бороться с отчаянием они могли лишь, как этот солдат, улащая горький вкус войны кусочком сахара!

Моя голова закружилась, я моментально потеряла сознание, чувствуя, как пушистый друг спрыгивает с рук, а кусочек сахара рассыпается в моих руках.

– Просыпаюсь! – лишь прошептала я.

Действительно, я проснулась и открыла глаза. За окном уже было очень темно. Была глубокая ночь. Я подумала: слава Богу за то, что мы засыпаем и просыпаемся под мирным небом и на мирной земле; спасибо нашим военным за наш покой. Я утёрла влажные ото сна глаза, а может они были влажными от слёз? Что-то выпало из моей руки. Включила свет.

Белый, сияющий комочек, совсем маленький и неприметный. Машинально я попробовала его на вкус. И что? Он был сладким! Это сахар!

И второе, что я увидела на свету – протянувшуюся по моему запястью ярко-красную полосу...Царапина от Васьки...

Кадр из фильма «Два Фёдора»

Сегодня многие знают о той прошлой, Великой Отечественной войне вербально: по книгам, по фильмам, а кто-то – кому повезло больше – по рассказам своих отцов и дедов. Но, к сожалению, объективно всё меньше и меньше остаётся среди нас очевидцев тех событий. И всё больше и больше появляется тех, кто горит желанием переписать, переформатировать историческую правду в угоду своим корыстным интересам.

Невольно вспоминаются слова Николая Карамзина: «Старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина».

Хорошо, что у народа нашего память глубинная крепка: благо, что не забыли мы как деды да прадеды наши Европу от коричневой чумы спасли, как отцы наши после той войны народное хозяйство из полной разрухи подняли... И сегодня, сколько бы мы ни ругали детей, а они – промышленность в 90-е нами разрушенную восстанавливают, науку поднимают, и Родину защищают, по примеру отцов, дедов и прадедов.

Оттого так важно сегодня сохранить для всех, задокументировать память, которая ещё осталась в нас, передать её детям и внукам, чтобы не вырастить ещё одно зомбированное поколение «иванов не помнящих родства» или, как точно выразился один из авторов этой книги «маугли, воспитанных фейсбуком». Ведь им, этим новоявленным «маугли» абсолютно всё равно где скакать, на майдане или на болотной...

Виталий КУДИНОВ
Бийск

СОЛДАТ

*Наступит такой день, когда на
Земле не останется в живых ни
одного участника Великой Отече-
ственной войны. Кто будет тогда
нам рассказывать об этой войне...*

Зимой, как и летом, первой поднимается на ноги Мария. Едва по радио заиграют Гимн Советского Союза, она затопляет выстуженную за ночь русскую печь. Конечно, основную работу по хозяйству будет делать Иван, пока ещё нежившийся под стёганным одеялом. Ему, ещё полностью не отошедшему от сна, так не хочется вылезать из-под тёплого одеяла, что он и под музыку из радиоприёмника «вывернутого на всю катушку», и под привычный ему перезвон печной утвари в руках супруги его, Марии, всё равно умудряется снова задремать, хотя и ненадолго. Пока ещё мысли в голове его были такими же «бодрящими», как и утренняя прохлада избы, ещё не разогретой теплом печи. Но признаки нарождающегося дня всё равно пробираются в Иванову голову, и начинается там медленный разбег мозговых шариков. «Да, сегодня 23 февраля, День Советской Армии! – вспомнил Иван. – Праздник, конечно, не столь великий, как День Победы, но всё же... И предстоит хотя и не большое, но застолье, а значит будет и выпивка, и конечно же, праздничный концерт по телеку, а может быть перед концертом будет транслироваться и торжественная часть с речью Генсека Брежнева

о политической обстановке в мире и о текущей борьбе стран социализма с мировым гнивающим капитализмом...» От этих мыслей Ивану ещё теплее и уютнее стало под одеялом, и мысли его немного потеплели... «Но, вот, гадство, осечка вышла, – запнулась приятная мысль о какую-то нервную кочку, – телевизор-то не берёт программу после последних февральских буранов и снегопадов – свалилась антенна с крыши, а на земле совсем не хочет ловить волну, пробовал уже. Каждый день собираюсь поднять шест с антенной на крышу и закрепить, да никак не получается – одному-то несподручно, – ругал себя Иван. – Глазей, Ваня, теперь в пустоту, а ведь после концерта по программе картина «Офицеры» будет, любимый фильм наш с Марьей... – Иванова мысль перескочила эту кочку и опять, разгоняясь, побежала ровно. – А как хорошо лежу, бабка моя скоро оладышки с блинчиками напечёт, да с чаем, да с медком вприкуску... Хорошо! Но пора вставать. Ещё на пригон надо: кому сенца поддать, кому соломку подстелить... А тут ещё антенна эта, будь она неладна».

С такими перепадами настроения под «Вологду» «Песняров» откинул Иван в сторону одеяло и с деревянного настила вместо пружин, что не даёт проваливаться в кровати их с бабкой изношенным косточкам, спустил ноги на тёплый пока ещё пол и, засунув их на босу ногу в валенки, стоящие у кровати, прошёл к столу...

И только-только после чая с блинчиками и мёдом нервная система Ивана выправилась в лучшую сторону, как с крыльца донеслись звуки издаваемыми веником, сметающим снег с валенок: кто-то пришёл в такую рань. «Не время для гостей, это по делу. Кобель не брешет, значит кто-то из своих пожаловал», – анализировала события уже совсем ясная Иванова голова, всё ещё пытаясь настроить мысли на праздничный лад.

Открылась дверь в избу, и в клубах пара нарисовалась Фёдориха, она же Федóра, Марьяна младшая сестра, а всего у них в семье до войны было одиннадцать братьев и сестёр. Кто потом в ссылках помер, кто на войне погиб, а кто после войны от ран скончался. Теперь вот вдвоём Марья с Федóрой остались на белом свете. «Фёдориха пришла, с её Фёдором последнее время совсем плохо – всё болеет он да болеет, кабы чего не приключилось у них», – тревожно подумал Иван.

Федора же, лишь в знак приветствия махнув головой, сегодня не запричитала с порога, как было обычно и, по своей вредной привычке, присела на табуретку у порога.

– Здравствуйте, сестрица моя, да зятёчек родненький. Мой-то Феденька совсем плохой стал. Иван, приди, попроведай его, просит он тебя дюже. Марья предложила сестре пройти к столу и откусать блинчиков, но та отнекивалась и ждала Иванова ответа...

Да вот так: Фёдор и Федора сошлись когда-то как два голубка. Давно это было на памяти Ивана и не просто всё было. Иван и не заметил, как Федора стала для него Фёдорихой. Нет, от неё вреда им с Марьей не было никакого, она не виновата ни перед кем и ни в чём, – это из-за Фёдора какая-то родственная неприязнь к Фёдоре преследовала Ивана все эти годы. Из-за супруга Фёдора и своего злого языка она стала Фёдорихой. Иван с Фёдором никогда не то, что не дружил, он даже товарищем своим его назвать не мог; общались они только по-родственному: на юбилеях, свадьбах, ну и на похоронах.

24 Одно время Фёдора и Федору, когда они были уже зрелыми, деревенские звали – «Два Фёдора»... Был кинофильм с таким названием, шибко душевный. Так вот события этой картины, где фронтовик, потерявший семью, после войны встречает мальчишку беспризорника и усыновляет его, затронули сердца сельчан. А так как детей у этих родственников Марьи всё не было и не было, то сельчане, как бы, откликаясь на чувства, вызванные фильмом, желали семейной паре тоже подумать над возможностью усыновления. К тому же героя фильма и сынишку звали Фёдорами, то и местных Фёдора и Федору сельчане стали отождествлять с названием фильма и прозвали их – два Фёдора. Но для Ивана он был просто Фёдором, а она – Фёдорихой, даже думал о ней как о Фёдорихе...

Тогда, перед войной, получилось так, что Ивана забрали НКВД. Иван уже был женат на Марии, и она была на сносях, а Фёдор только что сошёлся с Федорой; сошелся как-то быстро, и все потом говорили, что не по любви. Так вот, перед самым Новым 1939 Годом пошёл санный обоз с пшеницей из колхоза в помощь городу, в обозе было 8 подвод, Иван – за старшего. Завьюжило так сильно, что перед самым поселком Катунским лошади встали – не видно дороги. Каждый вожатый саней под

уздцы довёл свою лошадь до местного сельсовета. Накормили лошадей тем, что взяли с собой в дорогу, напоили водой, там же и заночевали. Фёдор сам вызвался охранять обоз, чтобы утром, с согласия старшего, остаться в посёлке и провести своих родственников, а на обратном пути его подберут. Все знали: родня родней, но у Фёдора с давних времён была здесь зазноба. Мешки с зерном после ночёвки никто не пересчитывал, а по прибытии в город оказалось, что не хватает одного куля. Это была катастрофа... Эта недостача Ивану, как расхитителю народного имущества и врагу народа, обернулась статьёй 58-10 и ссылкой в Магадан. Фёдор же, как потом говорили сельчане, указал следователю на то, что все в тот вечер пили в домашнем тепле самогон, играли в карты, только он один караулил обоз той вьюжной ночью. О том же, вот что он какое-то время «отставал» от обоза – об этом Фёдор и другие промолчали. Даже Иван, когда его допрашивали...

– Ты, это, Фёдориха, пройди к столу, присядь, попей чайку, вот Мария сварит бульончик куриный, и я сразу же приду, не с пустыми же руками идти.

– Спасибо, тебе, Иван, ты уж уваж его, сильно уж он тебя ждёт не дожётся – говорит: не хочу умирать, не повидав Ивана. А я побегу, Феденька там один, ещё чего случится с ним, – она засобирилась домой.

– Сказал приду, значит, приду, скажи ему: пусть ждёт меня, с бульоном. Никаких этих... Скажи, чего, мол, в праздник-то удумал, – сбился Иван.

– Да не только в праздник заплохел он, у него сегодня ещё и день рождения, – напомнила Фёдора, видно, давно забытое Иваном и Марьей.

– Ах, да, Фёдора, прости, запомятавали мы, он же именинник нынче, – оправдывалась Мария. – Я не знаю, правда, винца можно ему али нет, разве к бульончику только, а то у меня есть казённое красное. – И тут, заметив, как встрепенулся супруг, Мария поняла, что проговорились: теперь если и не Фёдору в гостинец, так Ивану точно выставить зачанку придётся. Иван промолчал: насчёт даты рождения он и вправду забыл, хотя Фёдор если бы не заболел, то был бы для него и сейчас не тем человеком, о дне рождения которого надо было помнить. И Иван лишь ухмыльнулся Марьиной промашке насчёт бутылочки красненькой...

...В барак к политическим пришёл офицер НКВД – он набирал «добровольцев» на фронт, по слухам, в штрафные роты, так сказать, желающих искупить своей кровью грехи перед Родиной. И хотя судачили, что из этих самых штрафников после первого же боя никого не оставалось в живых, но получилось так, что вытолкнул вперёд из строя Ивана заключённый земляк – сибиряк, когда услышал вдруг, что фронту понадобились хорошо знающие и владеющие оружием. Он быстро сообразил, этот потомственный охотник Василий, что похоже набирают в снайпера, а у них, он слышал, больше шансов выжить, вот и поволок за собой Ивана, хоть и знал он Ивана как скотника – какой из него снайпер, и, видя недоумение на лице Ивана, проговорил тогда сквозь зубы: «Не дрейф, научу стрелять». И научил. Пока ехали в теплушках до передовой он на пальцах показывал, как обращаться с винтовкой, и даже объяснял, как стрелять. А когда прибыли на фронт, раздали оружие и поспешно кинули в атаку, и когда из двухсот бойцов после боя осталось всего десять вместе с Иваном. А земляка Василия всё же скосила пуля... Потом выживших всё же обучили наскоро снайперскому делу и бросили теперь уже в составе регулярных частей под Сталинград, где в первом же бою от взрыва авиабомбы Ивану придавило землёй ноги под самым крутым берегом Волги. Остальных семерых накрыло землёй живо. Он, слыша предсмертные крики товарищей, доносившиеся из-под земли, сумел откопаться лишь сам, а когда отдышался и немного пришёл в себя, то криков из-под земли уже не было слышно. Голыми руками он пытался раскапывать то место... Потом выполз бедолага к своим, обороняющимся у самой реки. Переправляясь через Волгу на плотках, сквозь стену разрывов снарядов и бомб, умудрился выжить, хотя кругом было море крови и трупов. В госпитале начал потихоньку вставать на ноги, но нет-нет да не слушались ноги совсем, и он неделями не мог подняться с кровати. Симптом длительного сдавливания признали медики. Повезло Ивану – мог бы тогда вместе со всеми живо похоронен под землей. Комиссовали, домой на слабых ногах вернулся, но с медалью, и его, как искупившего кровью вину перед Родиной, назначили председателем колхоза: некого больше было, так как в деревне остались одни старики, женщины да дети; всё тогда было для фронта, всё для победы. Вскоре и Фёдор вернулся с войны. Одноногим инвалидом...

Пока варился бульон, Иван переделал всё, что нужно было сделать по хозяйству в зимнее время и, зайдя в избу, засунув в карман полушубка бутылку вина, выставленную Марьей на стол, взяв с сундука приготовленную супругой сумку с тщательно закутанной в кусок овчины глиняной крынкой с куриным бульоном, перекрестившись, вышел из избы и по нечищенной от снега просёлочной дороге с еле видными следами конских копыт двинулся к дому «двух Фёдоров».

Иван догадывался откуда у него взялась эта неприязнь к Фёдору – тот похоже все эти годы продолжал любить Марию, которая ещё до свадьбы с Иваном была ему любя, но это были его лишь догадки. Мария же, что бы там ни было, ни разу словом не обмолвилась на эту тему.

Чисто выбритый, осунувшийся Фёдор лежал на кровати, его деревянный протез стоял у печи. «В нос бьёт табаком – в избе курит, значит, и вправду сил нет, чтобы выйти в сени», – отметил Иван, снимая с головы шапку-ушанку и крестясь на маленькую иконку, приютившуюся на полочке в переднем углу избы.

– Здорово будешь, – обнадёживающим голосом поздоровался Иван с Фёдором и всего лишь переглянулся с Фёдорихой, стоящей у изголовья кровати. Как только он произнёс слова приветствия, то сразу почувствовал внутри себя перемену: неприязнь к «двум Фёдорам», глодавшая, куда-то вдруг стала улетучиваться.

– Какое уж тут здоровье, Ваня, помирать вот собрался. Что-то совсем неважно стало мне, – бодрясь, проговорил в ответ Фёдор, но видно было, как он внутри весь напрягся, справляясь с жалостью к самому себе, накопившей на него.

– Ну, ты это, давай, кончай притворяться, вот бутылочку Мария сослала, велела поздравить тебя с днём рождения и с Днём Красной нашей Армии, – Иван поставил сумку с бульоном на лавку у печи, достал бутылку из внутреннего кармана полушубка и водрузил её на табурет у кровати. Снятый полушубок с шапкой приняла у Ивана Фёдора, шустро подскочившая к нему. Она ловко повесила одежду Ивана на вешалку и передвинула от печи, ближе к Ивану, ещё один табурет.

– Вот, бульончик тебе куриный в гостинец принёс, – сказал Иван для поднятия, так сказать, сил и духа.

Взяв с лавки сумку с крынкой бульона, он передал её Фёдоре:

– Курку вчера зарубил, похлебай, всё по жилам тепло пойдёт и энергию организму какую живую даст, – Иван присел на пододвинутую к нему табуретку и вопросительно посмотрел сперва на Фёдора, а затем на больного.

– Спасибо, Ваня, что пришёл, – натужно, на одном вдохе проговорил Фёдор и от нехватки воздуха задышал чаще, чем обычно.

– Да, ладно тебе, дело соседское и родственное. Фёдора, давай рюмки, – Иван лихо взял с табуретки поллитровку красной «казёнки», ловко сдёрнул за язычок металлическую пробку с горлышка бутылки и налил в две рюмки, быстро поставленные хозяйкой на табурет. – Третью давай, – строго сказал Иван, требовательно поглядывая на Фёдора. Иван налил и в третью рюмку, тут же появившуюся на табурете, передал её рядом находившейся Фёдору, затем, не торопясь, передал другую рюмку Фёдору и, взяв свою, торжественно её поднял:

– За тебя, Фёдор, ещё раз с днём рождения тебя, с Днём Советской Армии, здоровьица тебе хотя бы мало-мальского... – Иван выпил вино и стал смотреть, как свояк трясущейся рукой попытался поднести рюмку ко рту и, лишь пригубив вина, тут же передал рюмку жене, которая буквально подхватила её, выпадающую из ослабевшей руки супруга.

– Фёдора, дай Ивану закусить сальца с хлебом, – отдышавшись, проговорил Фёдор.

Хозяйка бросилась было к шкафу, но Иван её остановил:

– Погодь, Фёдора, обойдёмся.

Она перестала суетиться и вновь устроилась у изголовья кровати.

– Кури, Ваня, – по-хозяйски разрешил Фёдор. – А ты, Фёдора, иди в горницу, мы поговорим малость.

Когда жена вышла в горницу и закрыла за собой двери, Фёдор на одном дыхании, торопясь, выговорил то, зачем он и позвал Ивана:

– Я, Ваня, в молодости тебя к Марии ревновал сильно, нравилась она мне, а ты её быстро к себе прибрал... Вот от ревности и ляпнул я тогда, что вы все той ночью кутили. Злой я был на тебя, молодой был, не подумал, что тебе тюрьму обеспечил, а мешок тот, я только потом узнал, что родственнички мои дюзнули, когда ближе к утру я к ним в дом зашёл погреться... А на Фёдора женился из-за того, что она сильно похожа на сестру

свою, на твою Марию. С Фёдорой у нас сперва не заладилось, а потом ничего – обжились, слюбились, а зачать дитё никак не могли...Ты не говори Фёдоре моей о любви к Марии, мне неловко перед ней, ты и так на нас ненависть в себе давишь, я вижу, а она не заслужила этого... – он облизал сухие губы, глотнул воздуха и медленно закрыл глаза.

– Я догадывался обо всём этом, – ответил Иван, видя, как совсем тяжело стало Фёдору. – Я все эти годы успокаивал себя такой думкой: если бы не твоя клевета, то, наверное, не видать мне было больше ни света белого, ни жены, ни сына своего. Ты же видел, какая кутерьма творилось тогда, в первые дни войны, на передовой: вокруг бойня, одно пушечное мясо – наверняка и я бы сгинул, если бы сразу из дома забрали на фронт. Да и ты говорил, что сам случайно выжил. Я опять же всё думаю: что если бы в первые дни попал туда – конец бы мне пришёл, это уж точно, сколько тогда миру вокруг полегло – уйма, а у снайперов больше шанса было выжить. Об этом не я скумекал вовремя, а земляк наш, Василий – охотник из Алтайского. Случай дал мне тогда шанс выжить, хоть я и штрафные прошёл, а там уж, как получилось, так получилось... Я прощаю тебе всё, Фёдор..

Иван смотрел на Фёдора и чувствовал, что тот слушает его, хотя и видел, как тяжело и мучительно ему было снова открыть глаза... И вдруг, по лицу Фёдора сперва пробежала волна удовлетворения и он, казалось, улыбнулся, волна, которая, как бы, сбросила камень с души, а потом на какое-то мгновение пришла неподвижность, сковавшая своим холодом последние соки, идущие из глубины и пытающиеся сохранить живые черты человеческого облика, и ... лицо Фёдора сразу заострилось...Иван отвел взгляд от притихшего Фёдора, молча налил себе полную рюмку вина, выпил и, в последний раз посмотрев на Фёдора, неестественно вытянувшегося всем телом на кровати, громко позвал:

– Фёдора.

Та сразу же открыла дверцы, как будто подслушивала разговор и ждала, когда её позовут. Мгновенно оценив ситуацию, она тихо зарыдала, уткнувшись в изголовье кровати, где на подушке лежала голова Фёдора. Женщина всё понимала и тоже ждала этого... Иван, не торопясь, оделся и, больше и не сказав ни слова, перекрестившись, вышел из избы...

Долго Иван стоял на крыльце своего дома, стоял, курил си-

гарету до ожёга кончиков пальцев, и, отбросив окурок, снова прикуривал новую сигарету, курил... Думал... Жизнь с того несчастного обоза пробежала по закоулкам его памяти, и в свете сегодняшней смерти Фёдора память вытаскивала на свет забытые лучшие свои житейские эпизоды, и Фёдора была уже не Фёдорихой...

Дочиста отскоблив веником снег с валенок, Иван тяжело переступил порог своей избы. Мария сидела за столом на сундуке, и по её вынужденной позе видно было, что она давно ждала Ивана. Он, с трудом скрывая своё волнение, разделся, прошёл, не торопясь, через всю избу и сел на своё любимое место – на стул у буфета, напротив Марии.

– Как он там? – как можно спокойнее спросила Марья, не спуская с супруга своего взгляда.

– Прибрался, – вздыхая, ответил Иван, заставляя себя посмотреть в глаза супруге, но взгляд его так и ускользал в сторону. – Люба ты ему была, Марья... Вот так...

Марья уже всхлипывала так же, как только что у себя дома плакала Фёдора, а Иван всё ещё боролся с подступающим к горлу плачем; боролся упрямо и не справился – плач скривил в трагической гримасе черты его лица.

– Солдат, – ладошкой вытирая слёзы на лице, чётко проговорил Иван, – родился и умер 23 февраля, в день Красной Армии. Везёт... Солдат – он и есть солдат... Словно выполнил приказ: день в день родиться и помереть...

До самого позднего вечера сидел Иван в горнице у включенного в сеть телевизора, который излучал на него свой матовый мельтешащий свет... Иван понимал, что не антенна виновата в том, что нет трансляции праздничного концерта, – просто не к месту сейчас для души Ивана был бы этот концерт...

Он вышел из горницы, остановился у стола, где накрытый полотенцем стоял не тронутый праздничный и обед, и ужин, налил рюмку белой «казёнки» из бутылки, взятой из шкафчика, выпил, не закусывая, и лишь снова сказав вслух: «Солдат», – разделся, погасил свет в избе и прилёг на кровать под бочок своей Марии.

«Солдат» – это Иваново слово прервало думы о жизни и самой Марии, где воспоминания о Фёдоре и Фёдоре занимали совсем не последнее место.

Сергей ДОНБАЙ
Кемерово

Читаю книгу о войне:
Я выхожу из окружения,
И все орудия по мне
Палят, к лафетам отпругинивая.
В стволах четыре пули замерло!
Сторон четыре –
Белый свет!
За мной следят четыре снайпера,
Тая оптическую смерть...
Но я счастливо просыпаюсь.
Щекой на книге,
За столом.
Я просыпаюсь, как спасаюсь,
И, дай-то Бог, не в руку сон!
А ночь, как девочка босая,
В раскосых звёздах вся она,
Проходит в комнату такая,
Что ни при чём совсем война.
Но я читаю о войне...
Уже давным-давно за полночь.
Ракета падает к земле –
Я землю тороплюсь запомнить.

КАДРЫ ХРОНИКИ

Старая, старая хроника
Незабываемых лет,
Перекрути и напомни-ка
Неповторимый момент.

Серенький, маленький, бедный,
Поезда ждущий перрон –
С перекошенным победой
Женским счастливым лицом,

Вот они! Видели! Видели!
В звёздочках и в орденах
Высыпали победители:
Целые, на костылях,
С воздухом в рукавах...

И на плече у родимой,
Старый – не по годам,
Плачет непобедимый
Мальчик во весь экран!..

Солнечно, искренне, тесно!
Крики, улыбки, гудки.
Марш духового оркестра
Правит дыханьем в груди!

Но по перрону, как ранена,
Среди платков и пилотов
Мечется кинокамера,
Мечется, ищет кого-то...

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

А нас обернуло порознь
И вместе уже не раз:
Глядит сквозь военную прорезь –
Как целится – детство в нас.

И все эти годы мирные
В глубоких тылах страны,
Мы всё ещё эвакуированные
Сиротственники войны.

Отчётливо в детство, в отрочество
Вошла – до сих пор видна –
Как общее наше отчество,
Отечественная война.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Для меня становятся родней
Братские могилы – стелы, плиты
Той войны, в которую зарыты
Дни и судьбы Родины моей.
Братские могилы – стелы, плиты.
Не постигнув весь мемориал,
Я архитектуру подвергал
Критике, святую, деловито.

Здесь не пересматриваю взгляды,
Было в рассуждениях зерно,
Очень часто, очень заурядны
Памятники наши были, но
Не подвластен вырвавшийся стон!
Горе человеку неподвластно:
Не стараясь выглядеть прекрасно,
Как уж есть, рыдает просто он...

Той войны, в которую зарыты
Группами по несколько мужчин,
Я никак не понимал причин –
Каждому хватило бы земли-то!
А живые – как могли посметь? –
Всех в одной могиле хоронили.
Невозможно. Может, в спешке? Или
Братство перешагивает смерть?!

Дни и судьбы Родины моей...
Растворяюсь до последней капли,
И уже неразличим я как бы...
А война всё дальше,
Всё видней.

ВТОРОЙ ФРОНТ

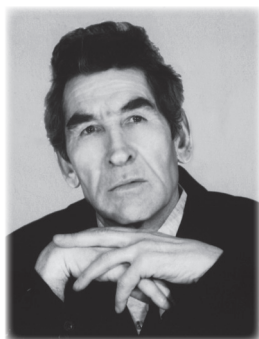
Когда мы под самой Москвой
За землю свою умирали,
Тогда вы нам тем, что второй
Откроете фронт, помогали...

Мы сами в Европу вошли.
Мы смерть за неё принимали.
Вы всё ещё были вдали.
Вы всё ещё нам обещали.

Когда же мы кровью своей
Досыта войну напоили,
Вы фронт свой открыли скорей –
Как будто на праздник спешили!

Тепло ли вам было вдали,
Когда на правах чемпионства
Вы сразу два солнца зажгли
В стране восходящего солнца?

Раздвинул расчёт горизонт:
Вы в звёздах окопы отрыли...
Когда-то открыли вы фронт –
Закрыть до сих пор позабыли.

Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ
Бийск

ВОЙНА

Внуку Виктору

Однажды ты спросил меня:
«Дед, почему такой печальный?»
И я ответил: «Не случайно
Опять ко мне пришла война.

Я в детстве пережил немало.
Питался жмыхом и травой.
Я до сих пор живу устало
Той прошлой, страшной, моровой...

Войну я вижу и во сне.
Она, как тень, идёт по следу,
Вот почему после обеда,
Хоть маленький кусочек хлеба
Я оставляю на столе.

Мне кажется, что кто-то рядом,
Прижавшись к сумрачной стене,
Следит за мной печальным взглядом
С рукой, протянутой ко мне.

Как будто чем ему обязан,
Как будто есть моя вина.
И я с ним кровно сердцем связан...
Вот что такое, брат, война

МОИ ОТЕЦ И МАТЬ

Тех, кто защитил страну от «фрица»,
Чтят и помнят всех до одного...
У одних – медаль с войны хранится,
У других – шинель, бушлат в петлицах, –
У меня на память – ничего,

Кроме строгой краткой похоронки
«...Был убит за Родину в бою».
Этот листик ветхий, жёлтый, тонкий
Много лет я у себя храню

Мой отец погиб под Ленинградом
В светлый день, когда пурга мела,
При прорыве огненной блокады,
Что навек в историю вошла.

Мама часто плакала ночами
И ждала, что всё-таки придёт.
Пусть контужен будет, пусть изранен, –
В отчем доме вскоре оживёт.

Отойдёт больной душой сначала,
Будем жить счастливою судьбой...
Не пришёл... И вот осталась мама
Навсегда печальницей-вдовой.

Я тогда совсем ещё мальчонка,
Только-только начинал ходить
И свои протягивал ручонки
К ней, родной, как к Солнцу, чтобы – жить.

РОДИНА

Где, в каких бы далях не бывали,
И в каком не жили мы краю, –
Всё равно в тяжёлый день печали
Вспоминаем родину свою.

Всех она жалеет и встречает.
И не потому ли на Руси,
Если в путь последний провожают,
То вослед усопшему бросают
Горсточку родной сырой земли.

Мне пока что в окна солнце светит,
Дышат вольной волей берега.
Кто-то, может, моря не заметит,
Ну а мне и капелька – река.

Для меня – окрест цветёт смородина
И ещё в придачу – лебеда...
Для кого-то просто слово – «родина»,
Для меня – святое! Навсегда!

Идалия ШЕВЦОВА
(Идия Урсатий)
Бийск

А мой отец погиб тогда,
когда медали не давали,
когда не просто отступали,
а набирали сил.
Беда
носила первый год, сжигая
живое в пепельном огне,
а дети,
через смерть шагая,
кричали страшно: но войне
всё было мало, мало, мало! –
она глотала всё подряд,
желая землю уничтожить...
Отца скосил шальной снаряд.
Но истекая кровью,
всё же
он знал, что в городе на Бие
три дочери растут любимых...
Войне назло – тройная сила
отца духовно воскресила...

Дмитрий ШАРАБАРИН
Бийск

СЛОВО

Дерзай глядеть в основу –
Глагол суров и строг:
Не ты владыка слова,
А слово – царь и Бог...

Но истина, как святость,
Прекрасна и светла,
Была с Христом распята,
Как он,
Во имя зла.

Оттуда до сегодня
Пошла – не разберёшь! –
Как будто злая сводня,
Воинственная ложь.

И слово лжи – оттуда
Не с праведных небес.
Им предаёт Иуда,
Им льстит коварный бес.

От века и донине –
Ясны, как дважды два,
Живут: слова-святости
И подлости слова!

Слова надежд, печалей,
Сгорающих сердец...
Слова – всему начала,
Слова – всему конец...

Готовые к атаке
До срока прячут меч.
Нет, слово – Бог
Не всяко,
Смотря, кто держит речь.

ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА

Проверенные вояки –
Элита!
Характер крут.
Психическая атака!
Не стой на пути –
Сметут!
Сквозь грохот и вой снарядов
Хрипели вдали слова:
– Дивизия СС рядом,
«Мёртвая голова»!..

Ночью звонок из Ставки
(Акцент. Холодок в крови):
– Психические атаки
Фашистов остановить!
У нас не впервой авралы.
Священна России честь!
Задумались генералы:
Такие солдаты есть.

И вот, словно из металла,
Отчаянна и строга
Дивизия наша встала
На чёрном пути
Врага.

– Браты!
Погуляем вволю!
Другого ведь не дано.
Здесь нам Куликово поле,
И здесь нам Бородино!
Ни танков, ни самолётов –
Сошлись
На грозу гроза!
Две силы –
Глаза в глаза!

Две ярости –
В рукопашной,
Последней,
Смертельной,
Страшной!
Где общая кровь – рекой!..
Остановилось солнце.
Хруст, хряст,
Матюги и стоны
Слышны были далеко!

Испуганно ветер реял!..
Как скошенная трава,
Лежала дивизия рейха
«Мёртвая голова».
Победа!
Но все герои
Умаялись навсегда
И некого было строить,
И некого награждать.

За полосую полоса.
За песней – песня снова.
И неизбывны голоса,
И неизбывно Слово

И за верстой сквозит верста,
А мы покуда живы –
Любовь и жизнь, и высота,
И Родина, и красота
Вовеки неизбывны!

РОССИЯ

Мы русские и потому победим.

А.В. Суворов

Несчётно их,
Поющих нам отходную!
А кто они? –
Продажные шуты!
Мир заражён хулой
И русофобией.
И вирусом доходной клеветы!

Разносят ветры всюду
Запах тления.
Да не погаснет
Истины свеча...
И не исчезнет
Вера в просветление!
Пусть факторы ракетные
Молчат...

Средь вечной тьмы
И злобных гнёзд осиных,
Средь подлостей,
Что в злобе проросли,
Быть светочем –
Твоя судьба, Россия,
И одинокой,
Словно исполин.

Нина БУЙНОСОВА
Каменск-Уральский

И нам не стыдно и не больно.
С. Симонов

Уже привыкли. И – не больно.
Чужое горе – не беда.
И выросла на воле вольной
Трава безлюдья – лебеда.

До обгоревших стен печальных,
До избяных пустых глубин
Почти по плечи мне, качаясь,
Стоит, хоть просеку руби!

Так было: снова, снова, снова
Над чуть подлатанным жильём
То грянет хан бритоголовый,
То сами кровь родную льем.

То сабли отблеск нестерпимый –
Над вжатой в плечи головой,
А то – прицельно, пулей в спину,
По безымянному – конвой.

Горим в домах, в канавах стынем,
Знак переделов – беспредел...
И обескровлен в битвах, ныне
Народ российский поредел.

Золой и прахом безвременья
Землицу кормит всласть беда.
...Богато зреет, сеет семя
И матерееет лебеда.

КАТЕРИНА

Творила лёгкий хлеб на жарких кирпичах,
Весёлые цветы по крынкам расставляла,
Любовь пила взахлёб, как воду из ключа,
Молилась всю войну, а после – перестала.

В платочек в чёрный день сложила ордена,
За чёрный вдовый цвет свет белый не корила,
Косила по росе, полола допоздна
И белый след коню усталому торила.

И затемно хлебы на дальний стан везла,
Укутав рушником горячие поставы,
И ставила повдоль скоблёного стола,
Всей статью – по себе, высокие купавы.

Старела. Связки трав сушила по углам,
На долгие чаи звала соседок вдовых,
Не хварывала ввек – и враз занемогла.
От старости и трав – ни горьких, ни медовых.

Не чаяла – слегла в уютскую кровать,
И хлеб пришлось жевать закалистый, казённый,
И стала ждать того, чего не миновать,
С больничным духом чай прихлебывать студёный.

И чудилось, когда пришёл остатный час,
Что с мужем молодым вершит стога до неба.
...Просила всё воды из дальнего ключа
И мягкого – сожми и выпрямится – хлеба.

ВЕТЕРАН

*Инвалиды и участники войны
обслуживаются вне очереди.
Объявление в магазине.*

Ему к утру приснился артналёт.
Накрыло снова их на том пароме,
А утром не глядел и на барометр:
Спиною чувал: нынче снег падёт.

Замедленно ботинки шнуровал
И шёл, как штык, прямой. Не видел город,
Что шла с ним боль. Ждала – унижить гордость
Того, кто кёнигсберги штурмовал.

А в магазине – очереди рать,
И в полный рост – молочная проблема.
И очередь, едва что не болела,
Что было сердце не на ком сорвать.

Привычной осторожностью налит,
Он той, другой, опасности не слышал,
С печатями неловко вынул книжку,
Всем признаваясь в том, что инвалид.

И было полсекунды тишины,
И голос вдруг, скучающе безликий:
«А ты б, папаша, – в хвост! Не из великих!
Тут много вас, кормящихся с войны!»

Он слушал обвиненье, не дыша,
Что выжил там, где пали остальные,
И боль – не та, левей, и не навывлет,
И не осколком – пулею вошла.

Он тихо поворачивался с ней
На голос тот. Лицо мелело, стыло.
Успел понять, что он – на той войне,
И кто-то свой в упор ударил с тыла.

В ДЕРЕВНЕ

Вновь мельтешит на косогоре
Немой раздор сердитых ветел.
В ракушке рук промёрзлый ветер
Гудит, как в раковине – море.

Позёмки белая волна
В который раз у ног вскипает,
И вот сквозь вьюгу проступает
Деревня. Избы – в три окна.

Метелью выплеснет меня
На мелководье, в переулок,
Где каждый шаг – щемяще гулок
К исходу зябнущего дня.

И взвизгнет дверь. К печи прильну,
Спиной пойму тепла забытость,
Душой – застольную открытость
Соседок стареньких приму.

Здесь, за какую ни возьмись,
Мужей война взяла до срока,
А дети-то живут далёко,
То – без работы, то – спились.

Помянут вдовы за столом
Лихое прошлое сурово
И новый день – перчёным словом,
И песней тешатся светло.

И будто горе им – не горе.
Терпенье – мудрость сельских буден.
...Гудят во мне те вдови судьбы,
Как в гулкой раковине – море.

Вячеслав КИСЛИЦЫН
Екатеринбург

И.Б.

Умолкли, устали кукушки
Впустую в лесах куковать:
На запад отправились пушки –
Им некому искренне врать
Под снег и цветенье черёмух,
Что будут и ночи, и дни...
Но в роще зелёной за домом
Молчат по утрам соловьи.

И что нам молчанье пернатых?
И что нам молчанье святых,
За веру и слово распятых?..
Вот слово – оно для живых:
Победа...
И, как междометья,
Пожары, Отечества дым...
Рассвет над спокойной Исетью,
Текущей к просторам иным.

Но тянется дым над лесами,
И стелется дым над водой.
Вода точит время и камень
Холодный, колющий, живой...

ДОМОЙ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ПТИЦЫ

...А превратились в белых журавлей...

Расул Гамзатов

Снова вижу, летят журавли
по заученным координатам...
Снова вижу дороги в пыли,
и по ним отступают солдаты.

Батальоны не просят огня;
где штабы, только Богу известно,
за спиной догорает броня,
а живым на земле стало тесно.

Батальоны идут на Восток,
потеряв свои роты и взводы.
Бог пометил уже номера
и открыл на бессмертие квоты.

В святцы пишутся их имена
и слезой наполняются кружки,
и не их эта, в общем, вина,
что в лесах замолчали кукушки.

Бьёт свинцом первый месяц войны,
и пока им ещё не понятно,
сколько вёрст до победной весны,
и когда повернут их обратно.

Это нам всё известно с тобой...
вдоль российских дорог обелиски,
на дощечках под красной звездой
тех солдат бесконечные списки.

Это мы знаем каждый их шаг,
и под утро нам в мае не спится.
Батальоны штурмуют Рейхстаг,
и домой возвращаются птицы.

Документальная хроника времен Великой Отечественной войны

И действительно, многие признаки добра и зла годами размывались в нашем сознании, нивелировались, в угоду чьёму-то злему замыслу. Чем дальше мы уходим от той памяти о той жестокой, ужасной войне, тем размытее граница между добром и злом, правдой и ложью. И если сегодня для кого-то Родина – это место, где он родился: старый мосток через небольшую речку, роща берёз там за околицей, в конце концов – капля росы, сверкнувшая вдруг на зыбкой тонкой травинке... то для другого – место «там, где кормят». Это хот-доги, айфоны... красивая и на первый взгляд, беззаботная жизнь.

Вот как об этом говорят герои фильма «Александр Невский»: «– Да стой, какая тебе русская земля? Где ты её видала? Каждый сам за себя стоит. Где спать легла, там и родина. – Врёшь, собака! – Всякий гад на свой лад. Не корми меня тем, чего я не ем. Им, богачам, всё едино: кто мать, кто мачеха. Где барыш, там тебе и родная земля. А нам, малому люду, под немцем смерть верная».

Так откуда же берёт начало этот ключик со студёной живительной водой, имя которому Родина. К этому думается, по большому счёту, что не столь важно, что написано на твоей футболке – «Z», «V» или что-то другое иностранное. И атрибуты сытой жизни здесь тоже не при чём... Может всё-таки Родина это что-то другое – рассказ деда, те судьбы сотен, тысяч людей, которые словно прошли через нас, оставшись в памяти навечно... Та речка, мосток, та роща берёз... или ещё что-то иное, что навсегда запечатлела твоя память, ещё с твоих детских лет. Те самые родимые пятнышки, над которыми и время не властно...

Сергей ФИЛАТОВ
Бийск

Где-то идёт война...

– Вы только гляньте – кто!.. В кои-то веки Галчонок в гости залетел! – Очень громкий, не менее большой, седой весь, Василий Михайлович Литовченко весело громыхает густым басом, широко раздвигая руки, приветствуя щуплую девчонку-подростка со смешным хвостиком русых волос, стянутым на затылке резинкой. – Что, опять, наверно, свои кровно-заработанные принесла? Сколько ж можно на войну-то?.. Братишке-малому оставь хоть немного, на «ляльки»?

– Здравствуйте, дядь Вася! Чего говорите-то, какой же Гога малой, в четвёртом классе, поди, уже!.. Взрослый мужик. – Видно, что девочка тоже искренне рада встрече с Литовченко, и, даже несмотря на разницу в возрасте общается с ним свободно как с другом.

Василию Михайловичу уже сильно за пятьдесят, но разговаривать с ним Галчонку-Гале – которой только-только вот шестнадцать исполнилось – почему-то просто и легко, почти как с отцом. Хотя, наверное, – проще. Отец, как-никак родной человек, ему всего не расскажешь, да и разговаривать отцу сейчас с ней особо некогда. Он нынче всё по сменам ходит. Да и Галя с утра на учёбе, а днём тоже подрабатывает. Опять же вечерами Галя здесь, в офисе добровольцев Донбасса чуть ли не каждый день пропадает. Потому и видится она с отцом редко, не говоря уже о том, чтоб как-то словом перемолвиться. А с дядей Васей – сейчас почти каждый день общается. Это как в поезде, когда

попутчик хороший попался, и пока вместе едете, можно с ним обо всём самом сокровенном переговорить. Потому как выйдет он, попутчик этот, на одной из следующих станций, или ты выйдешь – неважно, и больше никогда, скорее всего, вы с ним уже не встретитесь... Зато выговоритесь сполна.

Василий Михайлович – мужик надёжный, настоящий, так про таких как он, обыкновенно говорят. И словом не скривит никогда – скажет всегда прямо, что думает. Если радуется чему-то, то от души, ну а уж коли сердится на кого, то – тоже всерьёз... Потому Гале, даже просто так вот поговорить с ним после трудного учебно-трудового дня, всегда – как отдушина. Дядя Вася чаем опять же обязательно побалуует с печенюшками, вроде и ни о чём поболтают, но всю усталость, за день накопившуюся, после таких разговоров как рукой снимет.

Комнатушка в офисе у «добровольцев» маленькая, тесная, действительно, как купе в вагоне. Да и люди разные постоянно – то приходят, то уходят... лица меняются, как листки в отрывном календаре. Обстановка здесь, конечно, простая, нехитрая: стол у окна, на нём компьютер, чайник электрический опять же... Пачка печенья распечатанная – перекусить, да гостей таких как Галя, угостить... Рядом – пачка документов, вокруг стола стул да пара скамеек, вешалка на стене прибита – вот и всё, пожалуй.

А там, вон за дверью, за стенкой – склад, там места побольше будет. Только всё оно почти сплошь коробками позаставлено: консервы, тушёнка, печенье, упаковки с питьевой водой – словом, много всего полезного и вкусного. И всё это он, Василий Михайлович, председатель местного отделения Союза добровольцев, организует: и сбор, и сортировку, и отправку гуманитарки на Донбасс... Нынче там всё это – ох как нужно! И нашим ребятам, которые воюют, и местным, которые от украинских бомбёжек да обстрелов пострадали. Судя по тем ужасам, что в телевизоре показывают, там, на Донбассе, сегодня горе да беда сплошь да рядом ходят. Люди десятками гибнут, сотнями... – и взрослые, и дети даже – не приведи Господь такого никому!

И всё это огромное количество нужных вещей, что через склад ежедневно проходят – и продукты, и вещи – в офис люди приносят и привозят... Кто-то сам всё это закупает, кто-то деньгами даёт, как она – Галя. А сбор, комплектация, отправка всё

это на дяде Васе. Сам он по торговым базам мотается на своей старенькой «Ниве», обычно с утра до обеда в разъездах, а после обеда тоже сам – здесь, на складе, с ребятишками-добровольцами из соседнего колледжа сортируют гуманитарку, по коробкам раскладывают, партии под отгрузку готовят. У ребят как раз занятия к этому времени в колледже заканчиваются, вот и приходят помочь.

Глядит на них Василий Михайлович и о своём думает, – никак он с теми не согласен, кто ворчит сегодня, мол, вся молодёжь у нас нынче плохая, как и всегда было – разные они. Посмотришь: конечно, не такие, каким его поколение в детстве было. Нынешние подростки, информацией разной с головы до ног, считай с рождения, пропитаны, может и не столь закалённые к различным жизненным перипетиям, более утончённые, хрупкие что ли, но хорошие в основе своей ребята, и мысли у большинства из них правильные. Сейчас таких помощников модно ещё волонтёрами называть, только не к душе Литовченко слово это, какое-то не наше оно. Вот – добровольцы, скажем, это как-то более по-русски звучит, и более приятно для его уха. Здесь и «добро», и «воля» сразу вместе в одном соединились. И помогают они, ребятишки эти, конечно, сильно, грех этого не признать. Ведь их-то, штатных работников – добровольцев-донбассцев, здесь в офисе – раз-два и обчёлся: он, ещё двое мужиков, тоже из воевавших тогда, в четырнадцатом, да пожилая женщина-бухгалтер, которая всю отчётную документацию на себе везёт. И когда бы они без помощи этих ребят-добровольцев со всем справились?.. А потому, от всего сердца – спасибо им огромное, ребятишкам этим, и поклон низкий до земли!

Вот и девчушка эта, Галя-Галчонок, тоже Василию Михайловичу сразу по душе пришлась, шустрая, сообразительная, и рассуждает не по-детски совсем. Она тоже сортировать помогает, деньги приносит – сдаёт, и попробуй – откажи ей, не возьми ту её тысячу, обидится.

Чем-то она – Галя-Галчонок – Василию Михайловичу дочку его сильно напоминает...

Наташа у них с женой поздним ребёнком случилась, Марина её уже ближе к сорока родила. И они, на пару с женой, буквально пылинки с дочки сдували, не могли на неё нарадоваться-на-

глядеться, особенно он, Василий Михайлович – лелеял и баловал дочурку без меры. Был бы сын, наверное, наоборот бы всё было, недаром говорят, что, если дочь на отца похожа, а сын на мать, значит счастливые.

Всё, что с ней связано, и теперь он помнит, будто вчера случилось. Вот он её в детский сад впервые на санках повёз – там тёплое одеяло подстелено, на котором дочка сидит, вся с ног до головы в шубку укутана да шарфом замотана, только нос и глаза из-под шапчонки видны... Вот они с Мариной в школу дочку проводили вместе – с большим букетом цветов, с бантами огромными на голове... А вот и одиннадцатый класс – Наташка на четвёрки-пятёрки школу окончила – ну чем не молодец!.. На филфак в педуниверситет сама поступила – как и мечтала класса с восьмого... И всё, вроде, нормально по жизни шло... Но случилось... – врагу не пожелаешь!..

58 Марина в то время инженером на оборонном заводе работала после окончания института, а он после того же политеха, как в армии отслужил, по специальности ни дня не отработал. В полицию на службу устроился, сначала простым опером, потом до начальника отдела УГРО дорос. Лет пятнадцать, в общей сложности, в органах оттрубил, насмотрелся разного – и горя людского, и подлости, и трусости, и просто по-русски сказать – дерьма. Понял, выше майора ему никак не светит, и решил – хватит. Написал рапорт, уволился. Устроился, в конце концов, на тот же завод, где его Марина трудилась – пенсию побольше на старость заработать. Мастером в механический цех. Как-никак, и он всё-таки на инженера учился... Думал, заживёт без нервов, спокойно, в своё удовольствие. В саду ковыряться будут на пару с Мариной, дочку растить...

Но случилось, на первом курсе института, какой-то выродок его Наташку и подружку её на танцах ножом порезал. Когда это произошло, Василию сразу позвонили, он мигом в отдел примчался. Даже осознать толком не успел – что и как...

Потом уже узнал от парней – бывших своих сослуживцев, подонки этот, со слов свидетелей происшествия, ни с того, ни с сего на девчонок набросился. Глаза, как все в один голос утверждали, дикие, красные, навывкате, не иначе обожрался какой-то гадости и в мозгу что-то у этого гада переклинило, – нож выхватил и давай им размахивать...

Задержать его на месте происшествия не удалось, пока люди, которые опешили от случившегося, – опомнились, пока кто-то из них милицию вызвал... – приехали, а его нет, гада, как сквозь землю канул. И никто не заметил, куда, в какую сторону. Подружке-то Наташиной вскользь по рёбрам пару раз досталось, а вот дочке – три раза в живот!.. Крови Наташа много потеряла, когда Василий в больницу примчался, доктор из операционной вышел, сказал виновато: «Сделали, что смогли... – И добавил сухо, устало подняв глаза. – Характер полученных ранений несовместим с жизнью...»

Вот так... Несовместим с жизнью... А ему-то – как теперь? Что делать? Жить как?.. Дикая злость и желание прямо сейчас собственноручно разорвать на куски этого подонка – буквально выжигали Литовченко изнутри. Пять дней он практически безвылазно жил в райотделе, прямо в кабинете у бывших сослуживцев; самолично вместе с опергруппой множество разных злочных мест объехали, перетрясли – там, где наркоши тусуются, где торгаши этой гадостью... Хорошо, товарищи рядом с ним были, не то бы натворил дел, многим бы этим... не поздоровилось... И – нигде, ни одной зацепки. Никто ничего не видел. И не слышал.

На шестой день они вдвоём в кабинете его товарища – начальника УГРО, который раньше у него замом был – достали бутылку водки из сейфа, начальник разлил по полстакана, руками развёл, мол, сам всё, Михалыч, понимаешь...

Выпили. Конечно же, всё он понимал, если в течение трёх дней по горячим следам не взяли, потом вероятность найти почти нулевая. Но это умом... а внутри кипело – не переставало: ублюдок! гад! фашист! хуже фашиста!..

Товарищ, чувствуя это состояние Литовченко, ещё по полстакана налил. Опять выпили. Вроде бы, злость приглушил немного, только водки Василий совсем не ощутил, как вода внутрь провалилась, даже не обожгла. А там внутри, вместо души – пустота образовалась, от обиды на себя, от невозможности хоть что-то сделать, что-то изменить.

– Значит всё?.. – Спросил он товарища, хотя ответ и сам прекрасно знал. – Никакой надежды?..

Тот лишь взгляд притупил.

– Да ладно, – Василий посмотрел на него как-то очень спо-

койно, даже жутковато спокойно, от такого спокойствия обычно тревожно за человека становится, и сам разлил остатки. – Понимаю всё... Давай.

Эта пустота внутри надолго в Василии поселилась. Иногда, правда, злость подкатывала к глотке, в голову ударяла, заглушала пустоту. Та самая – первоначальная злость: как же так? Наташу, дочку?.. За что?.. Ей жить, детей рожать... Фашист, гад!..

Внешне, на людях, Литовченко старался держаться, никак не показывать этого своего состояния, только глаза выдавали – пустые, жёсткие, холодные.

А вот Марина, жена его, смерть Наташину перенесла тяжелее, если уж совсем точным быть, с большими для здоровья последствиями. У неё сразу инфаркт случился. Одну сторону тела напрочь парализовало. Ногу потом с Божьей помощью, врачи уколами привели в чувство, хотя и ходила, прихрамывая, а вот рука так и повисла у неё вдоль тела, как плеть, без движения. Быстро сдавать начала, частенько часами у окна сидела потерянная, вся в себе. А Литовченко ещё больше злился на себя из-за своего бессилия, из-за невозможности что-то изменить.

Схоронил Марину Василий Михайлович ровно год спустя после смерти дочери, так она и не оправилась после случившегося...

В офисе ветеранов-донтассцев под вечер уже не так суетно, практически все разошлись, остались председатель, один из его штатных помощников – он на складе посылки укладывает, да Галчонок вот ещё залетел...

Василий Михайлович хорошо помнит, как девочка эта в первый раз в офисе появилась. Народу как раз в тот момент полно было, люди несли, кто деньги, кто продукты. А она зашла, худая такая, щуплая, встала у двери и... растерялась будто. Не знает, к кому обратиться, у кого спросить.

– Тебе чего, девочка? – Спросил один из помощников Литовченко.

– Да мне это... Узнать, кому деньги сдать можно на помощь Донбассу?..

– Деньги? А у тебя откуда деньги? Поди, мамка на обеды в школу даёт, а ты не ешь – экономишь?..

– Да нет, мама у меня сейчас воюет. На Украине. А деньги... заработала я! Да и вообще, какая школа, в колледже я учусь...

– Ишь ты, в колледже!.. Зара-бо-тала?.. Ну, тогда тебе вон к тому большому дядьке, – мужчина указал ей на Василия Михайловича, который в это время с интересом наблюдал их разговор со стороны.

Он тоже спросил девочку нарочито строго:

– Не врёшь, точно заработала? – И, видя, как Галя нахмурилась, улыбнулся уже добрее. – Ну раз заработала, ладно, давай. Запишем сейчас всё в журнал для порядка... Вот, скажем, зовут-то тебя как?

– Галя!

– Стало быть, так и запишем, Галчонок прилетел, деньги в клювике принёс...

Галя сперва хотела было обидеться на этого огромного дядьку – она же серьёзно, чего дурачиться! – но, увидев его добрую обезоруживающую улыбку, поняла, нельзя на него рассердиться. Даже дружеское уважение и симпатию какую-то почувствовала. И Василию Михайловичу она тоже сразу приглянулась: серьёзная девочка, ответственная. И самостоятельная.

Как он узнал позже, из разговоров, Галя уже учится на втором курсе колледжа на технолога по металлообработке, а работает после занятий курьером в оптово-розничной торговой фирме. Заказы на продукты клиентам по адресам доставляет. Фирма, где она работает, забавно так называется – «Самокат», об этом она тоже ему рассказала. И объяснила:

– «Самокат» – потому что курьеры все у нас на велосипедах продукты развозят. Удобно: уложил аккуратно заказ в рюкзак, рюкзак за спину, и – вперёд!

Конечно, устаёт девчонка нешуточно, но зато семье реально помогает. Сама так решила и, что тоже уважения заслуживает, – как решила, так и сделала.

Мама у Галчонка медик, она сейчас по контракту служит. Постоянно по командировкам мотается: прошлый год в Сирии три месяца была, сейчас вот на Украине... А отец на оборонном заводе трудится. По сменам, практически безвылазно. Время такое нынче...

И что Гале сейчас, так вот за чаем, вроде между делом, с кем-то своими переживаниями поделиться нужно, он тоже понимает. И про братишку своего младшего Георгия, который «он же Гога», Галчонок тоже с Василием Михайловичем делится. Про

него вообще может много рассказывать, любит она его, это видно, но в строгости воспитывает. И права ведь! Как иначе, отец на работе в основном, мама на войне, вся ответственность на ком? На ней, на Гале. Гога, он пацан, хоть и взрослый, как она утверждает, а приготовить поесть ему надо?.. Надо. Проверить чтобы домашку нормально выполнил – тоже надо... С мальчишками в таком возрасте частенько бывает: маленько прослабишь контроль, может и глупостей всяких натворить – двоек понахватает или с компанией плохой свяжется – и не специально даже, просто по недомыслию.

– Ты давай-ка садись, Галчонок, чайком с тобой сейчас побалуемся, – Литовченко достаёт из ящика стола запасную кружку, прямо в кружках заваривает чай себе, Гале. – А то забегался я нынче совсем, так, что и перекусить некогда... Составь уж дядьке компанию... Тебе чай-то как, погуще, и сахара поболее?.. Или чтоб подкрашено было чуть-чуть, да не очень сладко?..

– Чего уж там, погуще, давай, дядя Вася. И сахара клади, не жмись...

– Понятно. Стало быть, опять в разгул с тобой пойдём! А, Галчонок!? Ты-то как к нам сегодня залетела: помогать останешься, или кровные свои мне по-быстрому скинешь, да опять бегом на своём самокате?.. – Дядя Вася подмигивает Гале, как только он и умеет, с добродушной хитринкой, протягивает ей дымящуюся кружку. – На-ка вот, держи! Да гляди, не обожгись. Горячо.

Галя в который раз уже смотрит на его изуродованную правую руку, два пальца – указательный и средний – на ней по нижние фаланги точно аккуратно срезаны чем-то острым.

Василий Михайлович перехватывает её взгляд и усмехается:

– Опять культей моей любишься?

– Ничё не люблюсь, дядь Вась... Скажешь тоже. – Виногато оправдывается Галя.

– Да ладно. – Он машет рукой с обрубками пальцев. – Не обращаешь внимания, Галчонок. Я же так... Шучу.

Галя знает, пальцы эти дядя Вася потерял ещё тогда, в 2014, когда вместе с другими мужиками-сибиряками, добровольцем самостоятельно поехал на Донбасс защищать мирных людей. Как пальцы потерял, он никогда не рассказывает, а на вопрос – чего он туда поехал, он так отвечает: «Судьбою жизненных об-

стоятельств, но по велению души. И потому как просто по жизни терпеть не могу никакой несправедливости...»

Так-то оно – так. Но первоначально тем самым главным и решающим жизненным обстоятельством, которое подтолкнуло уехать Литовченко на войну, были, конечно же, смерти его дочери и жены. Эх Наташка, эх Маринка... Что ж вы? На кого вы меня одного?.. Что я без вас!?

Схоронил он своих «девчонок» одну за другой, белый свет для него совсем померк. Какое-то безразличие на мужика навалилось, в депрессию впал. Потому-то, как только про Донбасс услышал, даже не раздумывал – сам собрался, рюкзак собрал да поехал войной горе убивать.

Опять же, какая-то цель у него появилась, не просто так – за правое дело, за людей, за землю русскую... Хотя, это уже потом, там, на Донбассе, почувствовал неожиданно, словно вернулся на историческую родину, пусть даже не на свою, – родителей. Что с того!

Именно здесь, – среди этих украинских посёлков – Константиновка, Яковлевка... среди городов этих с чудными – Изюм, Краматорск – и родными такими – Славыанск, Святогорск... – названиями, лежат где-то его дальние предки, в этой земле находятся, его, Василия, корни, здесь родилась однажды и до сих пор ро́дится его глубинная суть...

Конечно, сам он Украину не помнил, да и не мог помнить, поскольку родился уже в Сибири. Когда-то родители Васи Литовченко, примерно в начале шестидесятых годов двадцатого века, переехали в Сибирь со Слобожанщины. На строительство огромного оборонного завода. Того самого, где ещё с советских времён работало почти четверть их небольшого города – отец Галчонка, его Марина... да и сам он, Василий Михайлович Литовченко, в своё время, уже оттуда, с этого завода, на пенсию уходил...

Но теперь здесь, тот самый голос крови, что будто таился доселе где-то в самых глубинных уголках памяти, под натиском не просто увиденного, но прочувствованного, прожитого душой, пробудился, воскрес в его сознании совершенно по-новому. Он увидел страдание донбасских детей и стариков, оставшихся без крова, увидел тела людей, буквально разорванные

на части бомбами и минами... И вновь трясло его от гнева и обиды, что именно здесь, на этой доброй, щедрой земле, к которой он проникся неожиданно ещё не вполне осознанным, светлым чувством, творится такая жестокая несправедливость. Что какие-то нелюди в облике людском зверски уничтожают этих, ставших ему родными людей, отказывая им в праве – разговаривать на языке, впитанном с молоком матери; любить то, что они любили с младенчества; в праве не просто жить, но и даже называться людьми... Что повылазившее из самых тёмных закоулков времени, памяти, истории, возродившееся из небытия уродливое бандеровское отродье – самые настоящие фашисты, наподобие того, который отнял у него дочку, теперь терзают и калечат землю его предков, разрывают её на части, убивают...

Вернулся Литовченко с Донбасса домой в Сибирь без двух пальцев на правой руке, и со смешанным чувством той же вины за своё бессилие и обиды за людей, которых киевские власти планомерно уничтожали, даже в те периоды затиший во время минского неустойчивого якобы перемирия...

Все события тех дней, постоянно пульсирующей болью накрепко врезались в память, и пульсации эти уже не покидали его сознание. Временами боль притуплялась, но тотчас вспыхивала с новой силой, особенно по ночам, когда уже как бы терялась грань между сном и явью, и он не мог понять, где находится в настоящий момент: здесь, дома или там на Донбассе. Он, просыпаясь, часто ловил себя на мысли, что кричит по ночам: все эти картины и события разрывали его воображение на части и сами разлетались вокруг сотнями жалящих минных осколков. Мысли беспорядочно роились у Василия в голове...

Отступления от Славянска... Многие теперь, большей частью доморощенные «диванные стратеги», упрекают их за это. Конечно, если бы они с сотоварищами не были убеждены, что вернутся сюда, разве покинули бы этот город? Нет, остались бы умирать там. Рядом с ним воевало много местных, и настроение у них было общее, оно чётко отражалось в простом вопросе, который каждый из них задавал себе: «Почему я должен уходить отсюда, со своей земли?!»

И конечно, было больно покидать город, оставлять, практически бросать там мирных жителей, которые верили в них. Поначалу все товарищи Василия серьёзно готовились к отраже-

нию прорывов, к уличным боям, к защите города. Но за время коротких «перемирий», которые то объявлялись, то нарушались, украинские войска перегруппировывались, подтягивали к городу огромное количество бронетехники и тяжелой артиллерии. И начинались бесконечные прилёты: к «Гвоздикам» и «Градам» добавились уже 152-миллиметровые «Акации», 240-миллиметровые самоходные «Тюльпаны», 300-миллиметровые «Смерчи»... Прилетать с каждым днём стало всё сильнее и чувствительнее.

Они стойко держали оборону, решимость драться до конца жила в каждом из них. И лишь когда город был окружён полностью, и снабжение боеприпасами стало невозможным, всё яснее становилось понимание, что город не удержать. Тогда и было принято решение уходить, чтобы сохранить наиболее боеспособную часть ополченческой армии, и ещё – что тоже немаловажно – спасти город от полного уничтожения.

А дело вот в чём: ещё тогда украинская армия начала применять тактику беспорядочного обстрела и разрушения городов, палили по площадям из тяжёлой артиллерии, уничтожая не только защитников города, но и мирных жителей. После разгрома Николаевки массированный огонь был перенесён на сам Славянск. За несколько дней было разрушено много домов, в том числе и многоэтажек. Из ста двадцати тысяч довоенного населения города в нём теперь оставалось порядка пятидесяти тысяч. Кто-то успел уехать, многие погибли, и каждодневно количество оставшихся только уменьшалось. Это и послужило главным аргументом в пользу отступления. Однако, к сожалению, города и это не спасло. Каратели, вошедшие в Славянск после двух месяцев безуспешной осады, сполна выместили свою злобу на жителях.

Да и сами ополченцы выходили из Славянска с огромным трудом, просёлочными дорогами, отвлекая противника ложным ударом бронегруппы прикрытия по блокпосту на шоссейной дороге Славянск – Краматорск. Увы, многие из ребят, входившие в эту группу, навечно остались там, позволив пройти основной колонне. Не всё прошло гладко, по пути машины были несколько раз обстреляны украинскими разведывательно-диверсионными группами. Несколько человек были ранены и убиты. Однако большая часть колонны успешно вышла к

Краматорску, и заночевав там, – к Донецку...

Василию жутко везло, за всё время боёв в Славянске, во время отступления, он не получил ни одной даже самой малой царапины, хотя не прятался за других, напротив, вёл себя отважно, порой даже неоправданно дерзко.

Его снаряд – достал его уже в Донецке. Именно в боях за Донецкий аэропорт Василий и потерял свои пальцы. Получилось это всё совершенно нелепо. Сам прилёт случился где-то за углом здания, взрыва он даже не видел, только услышал хлопок, землю под ним трянуло, и он «на автомате» хотел укрыться в здании – запрыгнуть в него через окно первого этажа. Машинально схватился рукой за подоконник, чтобы подтянуться... тут по пальцам ему сверху шибануло. Сильно, у Василия аж в глазах потемнело. Только и успел заметить, как от подоконника разлетелись в разные стороны массивные куски разбитого литого стеклоблока. Ещё мысль мелькнула, что обычно из таких прозрачные фрагменты стен выкладывают... Боли сразу не почувствовал – просто тупой удар, темнота, и звёздочки в глазах... Сжал руку в кулак, присел на корточки и яростно закрутил головой, стараясь как-то снова собрать пространство вокруг себя в единое целое.

Помнит, как потом вместе с другим ополченцем помог дойти раненному в ногу парню до медицинской палатки. Товарищ его ещё разорвал футболку с себя, чтобы перетянуть парню ногу и остановить кровотечение. Хорошо, что базировались медики недалеко от линии соприкосновения, поэтому дошли быстро.

И то, как одна из медсестричек, принимая у них раненого, глянув Василию на руку, спросила строго:

– А это у тебя что?

– А!.. Где?... – Переспросил он её ошалело.

– С рукой что у тебя спрашиваю? Ну-ка покажи!

Тогда только Литовченко и сам обратил внимание на свою окровавленную, сжатую в кулак руку. Разжал и увидел обрубки двух пальцев, от которых осталось всего по одной фаланге. А из разжатой ладони, на пол палатки, упала одна из половинок его пальца, видимо, он после удара судорожно сжал его в кулаке и держал всё это время...

«Наверное, второй где-то там, на месте взрыва оставил..., – подумал, уже почти теряя сознание. – Этот тоже только выбро-

сильтеперь...»

Очнулся уже на кровати в госпитале. Посмотрел на забинтованную руку и вспомнил, что пальцев у него теперь нет. Сразу мысль мелькнула: «Надо как-то привыкать к такому новому состоянию тела. Ничего, пальцы – не голова и даже не рука», – утешал он сам себя. А вслух, на всю палату, громко шутил:

– Полпальца потерял, вторые – зачем-то с собой притащил, думал, может пришьют куда-нибудь. Оказалось – зря... Не пригодилось.

Соседи по палате гоготали в ответ:

– С такими, как ты, Михалыч, болеть и то – весело!.. Если помирать рядом с тобой будешь, то не поймёшь от чего: от боли или от смеха.

На что Литовченко с серьёзным выражением лица отвечал насмешникам:

– Ржите, ржите, жеребцы... Не дождётесь! Вот такой вам мой отрицательный ответ.

А вот он, Василий своего часа дождался. Именно поэтому с таким большим воодушевлением воспринял 24 февраля 2022 года известие о начале специальной военной операции на Украине:

– Ну вот, теперь мужики в Славянск вернутся! – Сказал удовлетворённо. И вздохнул. – Жаль без меня...

Каждый день до поздней ночи он пялился в телевизор, стараясь ничего не упустить. Радовался, за каждую весточку, полученную оттуда, ловил каждую мелочь. Поначалу, когда показывали чуть ли не каждую самую малую деревеньку, которую освободили российские войска вместе с союзными ЛДНРовцами. И даже на работе у себя карту Украины на стену повесил, специально нашёл большую, географическую. На ней разноцветными флажками отмечал все действия наших войск, все удары. Цветным карандашом вычерчивал линию фронта, – всю информацию на неё наносил, которую из официальных сводок Министерства обороны черпал, сводки эти чуть ли не ежечасно по каналу «Россия-24» передавали.

Как-то Галчонок его спросила, чего мол, дядя Вася, по старинке – флажками, как в кино? Сейчас такие карты в интернете на многих сайтах есть, причём интерактивные, всё на них в он-

лайн режиме меняется. Удобно. К тому же, там не только карты, но и фото, и видео – полно.

– Это вам всё виртуально, всё онлайн... А здесь, как в реальности, всё – своими руками отметил, как будто через себя пропустил. Вот оно у тебя и отложилось. А на компьютере, что?.. Надоело тебе информация – ты компьютер отключил, и забыл всё, «с глаз долой – из сердца вон». С картой так не получается, здесь, как в жизни, хочешь – не хочешь – всегда всё перед глазами. Порой и хотел бы забыть, да где уж... А насчёт картинок, так их и по жизни... и в «зомби-ящике»... – пруд-пруди, телевизор-то я дома, поди, смотрю...

Не согласна Галя в этом с Михалычем, всё там, в сети наглядно – не флажки на карте! – но в одном прав он, многое там, в говорильне увязло, как любое хорошее начинание. Конкретики мало стало, больше обсуждений, прогнозов. Мусолят одно и то же, да ещё и моду взяли перебивать друг друга, а то и орут, как торговки на базаре: мол, почему туда, а не туда наступают? А вот если вот так!.. Словом, «стратегии диванные» – воду в ступе толкут, да из пустого в порожнее переливают.

68

Ну, сказали один раз, то, что давно понятно, американцы за этим за всем стоят – они рулят всем, а сами сидят за океаном, колу попивают, да смотрят, как славяне славян до смертушки убивают. Да ещё и Европу эту, насквозь прогнившую, в ту же в топку запихнуть норовят. Им британцы со своих островов тоже во все глотки подтягивают, однако, и те сами ввязываться не спешат. Зачем, мало что ли – украинцев и прочего «расходного материала» из бывшего соцлагеря...

Непонятно, ни Гале, да и Михалычу тоже, похоже: зачем это целыми днями из телевизора нагнетать, да со всех сторон обсасывать, чего людям мозги попусту грузить своими прогнозами да предположениями, люди и сами во всём этом не хуже вас разберутся. Вы факты давайте, а то всё – «то да потому»... Порой вообще смотреть стыдно, смотришь, какой-то один «эксперт» что-то сказал утверждающе, второй то же самое, только другими словами повторил, слово за слово, в итоге, тут же в студии сцепились, ведущий едва растащил...

Сказали бы просто, мол на фронте то-то и то-то, такая ситуация на сегодня... Как Левитан в Великую Отечественную – факты, конкретика... да поправдивей, полевитанистей: «Говорит

Москва!..»

Только где там! Почему-то принято считать, что народ без повторений многократных да внушений ничего не поймёт. Вот и сидишь в итоге как дурак, перед этим «ящиком» в надежде из всей этой словесной шелухи да перебранки хоть что-то реальное выцепить. Нет, не зря, не зря все эти передачи у них ток-шоу-ми называются. Так и живём, кому война, а кому – одно сплошное ток-шоу...

Частенько сетовал Василий Михайлович после таких шоу-приятий и на себя, и на руку свою искалеченную, на то, что сам на Донбасс нынче не может:

– Хоть и староват для войны, но это ладно бы – старый конь, как известно, борозды... А вот пальцев, чтоб на курок надавить да перекреститься нет – это уже серьёзно...

Однако и теперь не хотел он оставаться в стороне, старался, чем мог, быть полезным тем парням, тем контрактникам, которые сегодня освобождали Донбасс и Луганск – ту землю, где он когда-то свои пальцы оставил:

– Гляди-ка, не зря пальчики там посеял! Взошли, поднялись рёдливые, аукнется ещё нацикам наша кровушка!..

– Дядь Вась, а можно я сегодня тебе денежки с карты переведу? С телефона... – это Галя его спросила, как-то нахмурившись. – А то с наличкой сегодня не задалось.

– С карточки, говоришь?.. С телефона?.. – Василий Михайлович, сразу заметил, что она чем-то озабочена, потому улыбнулся и добавил по-доброму. – Конечно, Галчонок, тебе всё можно... Девочка достала из кармана свой смартфон:

– А у тебя счёт на «Сбере»? А, дядь Вась?.. А номер на 20-22 заканчивается?.. – И увидев, как Василий Михайлович утвердительно кивнул: «Ну да, как год нынешний...», – стала сосредоточено тыкать пальчиком в экран.

– Ну вот, «Василий Л.»... Так? Тысяча рублей... Ловите.

– Ты уж хоть не каждую неделю бы... Самим, поди, денег не хватает. – Литовченко сказал осторожно, чтобы невзначай не обидеть, хотя знал уже, убеждать Галю бесполезно. Искренне понимал и её горячее желание помочь тем, кто сейчас там, на передовой, вместе с её мамой... Но для порядка всё же повторчал.

– Ничё, прорвёмся, дядь Вась! Папка у нас сейчас хорошо зарабатывает. Живём – ни в чём не нуждаемся. Он теперь на сдельщину перешёл, там вкалывает. Заказов у них, сам знаешь сколько... Считай круглосуточно на армию работают. А мамке... да и вообще нашим там, любая копейка лишней не будет.

– Да-а... – со знанием дела согласно выдохнул Литовченко. – Прорвёмся, Галчонок! Сейчас там действительно, каждая банка консервов на счету, каждый снаряд... Это здесь, чтобы его, снаряд этот сделать, несколько человек не один час работают... а там он раз – и улетел в никуда... БК на передовой быстро заканчивается, быстрее, чем провизия...

– А БэКа – это что?

– Боекомплект. Как раз то, что твой отец на заводе делает...

– Почему это «в никуда»?.. По нацикам! – Галя безапелляционна, и ясно дала понять, что не сомневается – всё именно так будет, и иначе даже быть не может. Никаких – в никуда, только в цель!

– Да, да... Конечно. По ним по проклятым... – Как-то легко и покорно согласился с девочкой Литовченко, и, услышав «пик-пик» своего мобильного, бросил взгляд на дисплей. – Ну вот, Галчонок, видишь, упала на счёт и твоя тысяча. Как раз завтра за консервами на базу поеду... Вот и отправим твоей мамке помощь.

– Кстати-и, тут вот ещё, дядь Вась... – Девочка протянула Литовченко альбомный листок. – Гога нарисовал. Попросил, чтоб я мамке отправила, через тебя. Малой он ещё, глупый. Не понимает, что к маме вряд ли попадёт... Но ты, всё равно, в коробку какую-нибудь упакуй рисунок этот вместе с продуктами. Может кто-то из наших получит картинку эту, своих домашних вспомнит, сам порадуетесь хоть чуть-чуть. Друзей порадует...

Василий Михайлович внимательно рассмотрел рисунок:

– Да... Молодец, парень! Зря ты, Галчонок, на брата напраслину говоришь... Ты уж определись как-то с ним – либо он взрослый у тебя, либо глупый. Ведь, судя по рисунку, всё здесь есть, что человеку для мирной жизни нужно: вот семья, вот дом, вот небо... Нет, правильный он парень растёт. А рисунок я обязательно вложу! И по поводу попадёт маме – не попадёт, как знать, чего только в жизни не случается...

– Твоими устами, дядь Вась...

– Моими-то?.. Пожалуй, уже только горькую... Мёд свой я отпил, да, как говорят, не в коня корм. – Литовченко усмехается, но в этот раз как-то не совсем весело.

– Ты это, дядь Вась, с горькой-то... того, не балуй!

– Ну ты прям журишь меня, как бывало мои девчонки, пока живы были... – Литовченко опять усмехается с горечью. – Лучше вот что посмотри. Ты тут сказала, а я вспомнил: нам вчера как раз учительница школьная тоже рисунки принесла. Пятиклашки специально для солдат на уроке рисовали. – Он протянул Гале пачку альбомных листов. – Я что подумал сейчас, разложим их, рисунки эти, тоже по одному по посылкам, пусть там, на передовой люди о доме, о семье вспомнят. Для них каждая весточка отсюда – как лучик тепла. Всегда важно верить и знать, что о тебе кто-то помнит, что ждут тебя. – И немного помолчав, добавляет. – Я-то знаю...

Василий Михайлович замолкает, думает о чём-то своём. О чём, Галя спросить не смеет, потому как понимает, если захочет человек выговориться, сам всё расскажет.

Но, видно, не хочет Василий Михайлович сегодня рассказывать, потому, помолчав, спрашивает Галю, переводя разговор:

– А что, Галчонок, мама-то, давно звонила? Где она нынче там?..

– Звонит-то, редко... – Галя тоже задумывается, напряжённо подбирает слова. – Чаше по «ватсапу» пишет: жива. Терпимо, мол, всё у них. Чтoб мы не волновались. Гоге привет шлёт, передаёт чтoб меня слушался и учился хорошо... Ну а как там на самом деле, где стоят?.. Про то, сам знаешь, им ни говорить, ни писать нельзя. Военная тайна.

– Эт-т точно, тайна за семью печатями, – соглашается Литовченко и, немного помолчав, добавляет, – ладно, заболтались мы, Галчонок. Пойдём что ли, посылки пособираем немного, а то завтра партию груза отправлять нужно, а мы её и скомплектовать-то толком ещё не успели. Такие дела...

– Лады, дядь Вась, пошли...

Действительно, настроение у Гали сегодня неважное, не зря Литовченко это подметил. Не то чтобы что-то особо плохое сегодня произошло. Просто нежданная, неприятная для неё встреча с бывшим своим одноклассником. С Тимом Фоминым.

Точнее Тим – это так, для выпендрёжа. Просто в классе все пацаны его так называли – Тим. Вообще-то, Артём он. Но Тим ему почему-то больше нравилось, наверное, думал, что более звучно. Гале, конечно, всё равно, что Тим, что Артём. Но, на её взгляд, Артём всё же лучше, более серьёзно звучит, более по-взрослому... А то – Тим, Тим – как щенка подзываешь...

Она ещё с первой их встречи подметила: парень самоуверенный, смазливый на мордочку, но задаётся. Наглый, хотя наутро и гниловатый. Она таких, не то чтобы не любит, просто относится к ним, ну, – никак.

К тому же, Тим этот на всех своих одноклассников свысока смотрит, видимо, нравится ему, когда перед ним лебезят и заискивают...

Когда Галину маму перевели служить в госпиталь в военный городок, который в этом районе находится, она в новую школу вынуждена была пойти. Поближе к новому месту маминой «дислокации». Конечно, волновалась сильно, все подружки её в прежней школе остались, переживала: как примет её новый класс здесь, на новом месте? Сумеет ли подружиться с кем-нибудь?..

В первый же день, к ней сразу же прилипла девчонка. Худенькая, остроносая, чем-то на лису похожая. По крайней мере, Галя так её сразу окрестила – «лисичка-не сестричка», а первое впечатление, оно, как известно, самое верное.

Бойкая, нагловатая эта её новая знакомка, и немного развязанная. Сразу спросила, критически окинув Галю взглядом:

– Новенькая?

– Ну да.

– Ну-ну... – Она ещё раз придирчиво осмотрела Галю. – Толстовка... Russia?

– Россия.

– А зовут как?

– Кого? Толстовку?

– Ой, не могу, расхохотала... Толстовку!.. Тебя, конечно...

– Ну, Галя.

– А я – Алиса, без «ну». Но не та, что из страны чудес. Потому что я – сама чудо... А одета ты правильно – норм... В такой одежке с тебя здесь за шмот никто не спросит...

– В смысле?..

– Да в том самом... Ты чё, совсем тёмная? Не сечёшь ситуацию?

Галя действительно не секла, она почувствовала, ей срочно требуются какие-то пояснения по поводу всего сказанного её новой знакомой, поэтому предпочла честно признаться Алисе:

– Не секу. – И не удержалась, съязвила всё же. – Проясни базар.

– Ха... Базар. Молодец, быстро схватываешь, не тушуешься! – Алиса продолжила. – Короче, слушай так, раз говорю, больше не повторяю! Если ты надела футболку Fred Perry, Tommy или... – В этом месте она буквально вывалила на Галю ещё целый ворох названий иностранных брендов. – За такой шмот могут и спросить – право носить его имеешь!.. – Заметив вопрос в глазах собеседницы, добавила. – Короче в глаз получишь, если не убедишь, что имеешь!

– Почему?

– Такие футболки раньше скины носили, оттуда всё... Вот они и спрашивали у лохов, если ты не скин, зачем футболку позоришь?.. А если, к тому же, прикид у тебя палёный, Китай какой-нибудь или другая хрень, то и футболку ещё порвут или в лоскуты изрежут...

– Зачем?

– Да потому что не фиг всякую паль носить, нормальных людей своим видом оскорблять!..

Галя с интересом слушала свою новую знакомую, не то, чтобы на ус мотала, но всё-таки не безразлично ей в каком «курытнике» теперь жить и учиться предстоит: «Паль, хрень... А школа-то, однако, элитной считается», – усмехнулась про себя она. Между делом заметила, что и сама мысленно переходит на этот Алисин сленг: «не секу», «базар»... Улыбнулась – с кем поведёшься...

– Ну, короче, как-то вот так. А и главное, ты с Тимом и его командой не конфликтуй... – Закончила свою воспитательную работу Алиса. – Тогда всё норм будет.

– Ты хотела сказать с Тимуром?

– Ну да, скажи ещё с Гайдаром... Или с Чубайсом. С Тимом Фоминым, я ж ясно глаголю!

– Да в целом ясно... А Тим – это кто? – На всякий случай спросила Галя.

– Да вон они стоят. – Алиса кивнула на стайку ребят, которые собрались в самом дальнем углу класса. Они явно кучковались вокруг белобрысого красавчика, что-то рассматривая в его руке. Присмотревшись, Галя довольно просто определила, что этот белобрысый и есть тот самый Тим, о котором Алиса её предупредила.

Тим с видом явного снисходительного превосходства, как бы нехотя демонстрировал кучке окруживших его парней, видимо, свой новый крутой айфон. Один из его свиты, чернявый парень – как позже Галя узнала от той же Алисы, Свищ или Олег Свищев, тоже мажорчик, но калибром помельче, чем Фомин, спросил оценивающе, хотя и подхалимским тоном с плохо скрываемой завистью в голосе:

– Одиннадцатая модель!? Дорогой, верно?..

– Одиннадцатый! – Ответил Тим после некоторой паузы, он, конечно, заметил, как смотрит на него чернявый, но вида не подал, только немного посмаковав его завистливый взгляд, добавил нехотя. – Да нет, пятьдесят две штуки... рублей.

– А хар-ки?..

– iOS 13... Память сто двадцать восемь гиг и ещё четыре оперативки... Ёмкость три сто десять... Две камеры...

«Конечно, не каждые родители могут позволить себе своему чаду такую «игрушку» купить», – отметила про себя Галя.

Первого сентября, ещё собираясь в школу на встречу, Артём спросил свою мачеху:

– Алёна, а где мой новый айфон? Не знаешь?

Алёна Владимировна – новая жена отца, молодая, старше Артёма на каких-то двенадцать лет, поэтому Тим с ней сильно не церемонился, называл запросто Алёной. Ничего, потерпит, до Владимировны не доросла ещё.

– Наверно, там, где ты его вечером положил. – мачеха громко, но слегка насмешливо ответила ему из своей комнаты.

Перекрикиваться во весь голос, так вот из комнаты в комнату, у них с Артёмом было в порядке вещей.

– Алён, ну, позвони, а... На мой номер...

– Ну, чисто детский сад. – Сказала мачеха, видимо, нехотя набирая его номер. – Младшая группа!..

Где-то из прихожей послышались громкие звуки государ-

ственного гимна.

– Ты бы хоть этот свой музприкол свой убрал. Поставь нормальную музыку на входящий... Допрыгаешься – спросят!

– Спросить! С меня!.. Я сам с кого хочешь, спрошу! А гимн сегодня в тренде – ничё не сечёшь...

– Ну-ну... Кичится поп, что патлы до попы...

Вредная она, эта Алёна, каждый раз норовит подколоть его. Отец недавно на ней женился, а так лет пять после смерти матери один жил, не сказать, что затворником, приводил, конечно, всяких таких, но так, старался всё же, чтобы с Артёмом дамочки эти не очень-то пересекались. Вечером попозднее приходили, когда Артём уже в своей комнате «ко сну готовился» перед телевизором, утром – такси вызывал и выпроваживал их пораньше, пока сын ещё спал.

А эту, Алёну, как-то привёл, да так она и осталась у них. Теперь вот официально с отцом расписались, даже в церкви повенчаться успели. Артёму, конечно, всё равно, пусть батя с ума сходит, коли невтерпёж. Только вот очень уж она его, в смысле батю, к рукам прибрала. Потому-то Артём Алёне тоже дерзит, не спускать старается её подколов:

– Сама-то давно в первый класс перешла! Вос-пи-та-тельница...

Алёна это, вроде, мимо ушей пропускает, но видно, что не преминет и обязательно припомнит при случае. Хотя бы тем отыграется, что от него, от Артёма, отцовское внимание по максимуму на себя оттянет. В последнее время батя из-за её этих хитростей, как-то не до Артёма почти. Заглянет он иногда к сыну в комнату, спросит:

– Ну как дела, сын?

– Норм, батон.

– А учёба?

– Тоже норм.

– Ну ладно... Не запускай только.

Он и не запускает. Хотя и не в интерес ему учёба эта, но учится ровно: по всем предметам четвёрки да пятерки. Учителя Тима уважают, а директор школы, так тот всё время поздороваться норовит:

– Здравствуй, Артём, – персонально по ручке. – Как у отца здоровье? Что-то он давненько к нам в школу не заходил?

Конечно, беспокоится. Ведь пока Артём здесь учится, отец школу щедро спонсирует: компьютеры вон новые подарил парочку в класс информатики, и так – если деньги на ремонт класса нужно, тоже никогда не жадничает. Тем более, при его-то оборотах, в его-то бизнесе, для него это копейки.

Батя рыбзавод в своё время успел к рукам прибрать, в мутные чубайсовские времена. Ваучеры по дешёвке скупил, их за акции завода отдал, немного своих денег в ремонт цехов вложил, оборудование кое-какое новое прикупил, со старыми друзьями своими камчатскими, с которыми ещё по молодости на путинах колымил, связь наладил, в смысле снабжения рыбой, – теперь они партнёры... И заводик этот нынче доход не плохой их семье приносит. Живёт батя – не печалится, да и Тима не обижает, теперь вот и Алёну эту... Словом, заводик – место действительно «рыбное», на всех хватает... И чего ж директору школы о батином здоровье не справиться...

Одноклассники Артёма тоже «уважают», кто-то заискивает, а кто-то и вовсе побаивается. Вот Тимом называют, ну и правильно, пускай! Ему-то что, даже приятно...

В этом году в класс к ним сразу две новеньких пришли. Конечно, надо сразу дать им понять, кто здесь в классе, а то и во всей школе, – главный. Но так чтоб кто-то это другой сделал, не он сам.

Одну из этих «мочалок» сразу эта трещотка-Алиса в оборот взяла, объяснила ей, что к чему, какие тут порядки. Ничего, пусть вразумит, может, дойдёт что-то до этой метёлки с хвостиком. А вторая, она вон – притихла в уголке, сжалась воробышком.

– А футболка-то у неё Tommy! – Это Свищ Тиму подмигнул. – Только, Китай – там, не иначе...

– Так чё мы стоим тогда? – Тим посмотрел на парня с ухмылкой. – Давай, тащи ножнички, сейчас покоцаем.

– Где их взять-то?.. – Свищ от неожиданности растерялся даже.

– Да хоть у директора школы иди спроси, – пренебрежительно хмыкнул Тим и выжидающе уставился на Свища. – Ну!..

Тот сжался, засуетился как-то, видимо, не зная, что ему дальше делать: шутит дружок его или серьёзно наехал.

Но тут он увидел Галин старенький «Самсунг», который ле-

жал на парте, и зацепился за него как за спасательный круг, чтобы как-то вынырнуть из этой неловкой двусмысленной ситуации:

– А глянь-ка, Тим, какой кирпич! Ему давно на помойку пора... Ща выкину схожу!.. – Свищ усмехаясь пошёл к окну, наблюдая за реакцией Гали.

Недолго думая, Галя быстро подошла к Артёму, вырвала у него из рук его крутой айфон. Тим явно не ждал от неё такой прыти и наглости и застыл в недоумении.

– Эй ты, Свищ, или как там тебя! – Галя, обращаясь к Свищеву, подняла высоко вверх руку с зажатым в ней Артёмовым айфоном. – Быстро положил мой телефон на место! Не дай бог кинешь, и айфон дружка твоего следом полетит! Или об пол его сейчас грохну!.. – Заметив, что чернявый застыл от такой неслыханной наглости, добавила. – Не сечёшь что ли? Быст-ро!

Похоже, что Галя и сама от себя такого не ожидала, но – сами виноваты! – довели. Наверное, вид у неё был действительно грозный и убедительный, потому что даже в глазах Тима она увидела растерянность:

– Ты! Ты... Отдай лучше! Не расплатишься ведь, дура...

– Расплачусь, не заплачусь – не то твоя печаль. А кто из нас дурак, мы ещё посмотрим!

Свищ тоже замер рядом, ждал, что ему Тим на это скажет, будто гончая стойку принял. Фомин, сжал губы, поморщился, но собрался, и пренебрежительно бросил Свищу:

– Отдай.

– Может ей это, того... лучше под зад пнуть?.. – С надеждой посмотрел Свищ на Тима.

– Отдай, сказал! – Артём резко развернулся, и как будто ничего не произошло, стал разговаривать с кем-то из окружающих его парней.

– Н-на! – Свищ, небрежно положил Галин смартфон на парту, хотел что-то добавить, но глянул на неё зло и осёкся.

Дошло видимо, что коли даже Тим спасовал – за него не вступился, от этой бешеной чего угодно ожидать можно. Подошёл было ко второй новенькой, хотел за футболку рвануть, девчонка сжалась испуганно, однако Галя, уже почувствовав вкус своей нечаянной победы, пригрозила Свищу:

– Отстань от неё! Сам напрашиваешься...

Он ещё раз зло сверкнул глазами в Галину сторону и отошёл от греха подальше к своей компании.

Новенькую девочку, за которую вступилась Галя, звали Татьяна. Они сразу подружились, и с самого первого дня крепко держались друг друга, хотя, если точным быть, это Татьяна держалась за Галю, с первых же минут почувствовала в ней защитника.

Отец новой Галиной подружки токарил на том же оборонном заводе, что и её папа, мама работала в небольшом магазине продавщицей, то есть на статус мажора Татьяна никак не тянула, как и Галя. Крутыми гаджетами и шмотками, которые были у большинства их новых одноклассников, ни Галя, ни Таня похвастаться не могли. Поэтому приходилось, подбирая вещи и одежду, довольствоваться заполонившим магазины обычным китайским ширпотребом. Качественные вещи китайцы делать научились – и прилично, и не дорого – но всё равно, «тимовцы» относились к этим подделкам под западные бренды с высокомерием. «Палево», – презрительно кривились они.

Не сказать, что это сильно Галю угнетало, но всё-таки... Хотелось ей иногда что-нибудь такое покруче, чтобы взять и утереть нос всем этим мажорам. Помнит она, как однажды устроила маме истерику из-за телефона. Присмотрела себе в комиссионке сравнительно новую модель, и недорого, как ей показалось. Конечно, айфон классом пониже, чем, скажем, у Тима. Не новый, с небольшим дефектом, но зато – всего за тридцатку. Она долго не решалась, и всё-таки желание иметь этот айфон взяло верх, в конце концов, Галя отважилась сказать об этом маме. Хотя примерно и предвидела её реакцию. У мамы округлились глаза, и чуть не повыскакивали из орбит:

– Ско-олько!!! Трид-цать тысяч? Всего-то!?. Слышишь, отец, девушка наша шикарно нынче живёт!.. А Гошку в школу на какие шиши собирать будем?..

Отец промолчал, по обыкновению, только недовольно покачал головой.

– Конечно! – Взорвалась Галя. – Всегда у вас так – всё для Гоги!.. А то, что у всех в классе – айфоны, одна я – нищенка!..

– Прям уж, у всех? Твой смартфон тоже нормальный, по крайней мере всё поддерживает – и интернет, и почту...

– Конечно, поддерживает!.. Кир-пич – он кирпич и есть!
– Ну, извиняйте, бананьев у нас нема... – Мама развела руками. – Ничего, обойдётся пока. Потерпишь. – И твёрдо добавила. – Сейчас лишних денег у нас нет!

– Для меня у вас всегда нет. – Пробурчала Галя обиженно и заперлась в своей комнате.

Уже потом, успокоившись, поняла, конечно. Преувеличила она свои «страдания». Вон, у Таньки тоже телефон старенький, ещё кое у кого в классе тоже всякие есть – но ведь хочется, хочется же – покруче!..

Тем более, что после того первого дня в новой школе, Галя почувствовала к себе некоторый холодок со стороны большинства одноклассников. Она даже подозревала, вернее, почти наверняка знала, кто этот холодок вокруг неё «подогревает». Конечно же, это всё – Тим и его подпевалы, такие как Свищ. Тот вообще буквально из кожи вон лезет, чтобы поддакнуть дружку и унижить её при всех, потому что понимает, во многом его авторитет в классе зависит от Фомина.

Впрочем, сам Тим вообще делает вид, что Гали для него не существует, так, пустое место. А эти пресмыкающиеся – Свищ и еже с ним, то ли из желания угодить Тиму, то ли чтобы тоже в изгой не попасть, время от времени ей какие-нибудь мелкие пакости делают – то кнопку на стул подсунут, то и вовсе стул мелом измажут, то какой-нибудь мусор в её рюкзак тайком на толкают. Однажды вон дохлую мышь подложили, думали, испугается – закричит. Не испугалась. Внимательно посмотрела на всех, поняла – Свищ это сделал. Спокойно усмехнулась:

– В следующий раз на физре мышь эта, скорее всего, в твой кроссовок залезет... – И бросила мышку ему. – Лови!

Свищ вздрогнул от неожиданности. Конечно, возможно, не веда она себя так вызываяще, не противопоставляй себя этим «моральным уродцам», как она их для себя окрестила, они бы успокоились со временем. Но Галя – гордая, почему она должна перед ними слабину показывать!

С некоторого времени она заметила, что даже подружка Таня, как-то стесняться Гали начала. Кучкуется больше с Алиской да с тимовскими прихвостнями, а от Гали в стороне держится, вроде и разговаривает с ней, а сама оглядывается – не видит ли этого Фомин или кто-то из его дружков, не донесут

ли ему... И они все – даже Олег Свищев, который всех презирает, и только перед Тимом хвостом вертит – в последнее время с Татьяной общаются. Не то чтобы совсем её в свой круг впустили, конечно, и разговаривают свысока, но рядом со своей стойкой находиться позволяют. Татьяне и этого, видимо, достаточно: хоть – не трогают, гадостей ей не делают...

А вот Галя совсем одна осталась, не то, что поговорить, даже просто словом перекинуться, ей в классе не с кем. Да и о чём: весь интерес у них сводится к тому, чтобы шмотками да гаджетами померяться, кому родители что крутое купили, куда на курорт свозили... Как-то пригласила подружку Таню в кино. Та замялась как-то:

– Да ты знаешь... Мне сегодня некогда...

– А что так?

– Да... у Алиски сегодня день рождения. В кафе пригласила...

– Понятно.

Словом, как-то так всё, не то, чтобы грустно совсем, но – не весело. И когда вопрос перед Галей встал ребром, куда ей после девятого класса податься – в десятый или в колледж, она ни секунды не сомневалась – нужно профессию приобретать, если «жизнь так складывается». Родители, конечно, не восторженно её решение восприняли, но она упёртая – в колледж, и всё тут! А про себя добавляла: хотя бы ради того, чтоб этих рож подхалимских не видеть!

Словом, поступила она в колледж и не пожалела. Значит, правильно сделала: здесь постепенно открыла она для себя, что учиться, оказывается, бывает интересно. Особенно ей спецпредметы понравились, слушая лекции – будь то теоретическая механика или сопромат, она чётко понимала и представляла, для чего это ей нужно, как этим можно будет пользоваться. Не то что в школе: вроде, что-то узнаёшь, но абстрактно всё: зачем? И как потом эти знания по жизни применить?..

Удивительное дело, всего второй год она в колледже проучилась, а уже твёрдо знает, обязательно надо его с красным дипломом окончить, а после – в институт...

В этот день Гале, как обычно заказали две пиццы с уже знакомого адреса. Она знала, заказывает там постоянно одна и та же женщина, молодежавого вида, красивая. Зовут её, кажется,

Алёна Владимировна, это Галя подсмотрела, когда набирала на складе заказ, в журнале приёма диспетчер обязательно всё записывает. А Гале это тоже нужно знать, потому что вдруг какой-нибудь вопрос возникнет, как к клиенту обратиться? Не будешь же безлико или «эй ты». Лучше в таких случаях по имени-отчеству назвать.

Впрочем, в этом доме проблем никогда не случалось, женщина и рассчитывалась с ней всегда сама, всегда наличными, всегда без лишних слов. Спрашивала только:

- С грибами?
- Да. Две, как заказывали.
- Сколько с меня? Двести?
- Двести рублей!

И никогда хозяйка не забывала поблагодарить:

- Спасибо.
- Пожалуйста.

А вот в этот день мелких денег у неё не случилось, и у Гали сдачи с тысячной ещё не набиралось, она сегодня только-только начала развозить заказы.

– Извините. Сейчас всё решим, – женщина заглянула в одну из комнат, и Галя услышала, как она с порога громко спросила кого-то. – Слышь, малой, у тебя мелочь есть? Двести рублей...

– Есть, только мне ж отец на кафешку дал. Вечером с пацанами собрались.

– На вот тебе тысячу, на кафешку. А ты из своих, пожалуйста, с девочкой за пиццу рассчитайся. Так и быть, одну – тебе отдам.

– Ла-адно, рассчитаюсь... – По голосу слышно было, что «малой», к которому Алёна Владимировна обращалась, не очень-то этим доволен.

А хозяйка, как обычно вежливо поблагодарила Галю, и ушла. Вот тут-то из комнаты, и появился – Артём Фомин!.. Этого Галя никак не ожидала. Конечно же, она знала, что живёт он, вроде, где-то в этом районе, но чтобы вот так вот, неожиданно столкнуться с Тимом, в его квартире, лицом к лицу!.. «Повезло же!»

– Ты-ы!? – По тому, как он застыл с широко открытыми глазами, было видно, что и Тим искренне удивлён.

– Нет, не я, пицца! – Усмехнулась Галя, сдерживая неприятное раздражение внутри, причем, ей быстро удалось взять себя в руки.

Артём что-то буркнул, недовольно опустил глаза, нехотя хмуро покопался в карманах висевшей в гардеробе ветровки, достал и подчёркнуто небрежно кинул ей на небольшой столик, стоявший здесь же в коридоре, пару скомканных купюр:

– На вот. Сдачи не надо.

Не то чтобы это Галю зацепило, но как-то неприятно стало: она сюда, в конце концов, не за подачкой пришла, чего швырять-то. И сама не знает, как у неё вырвалось:

– Слышь, себе оставь. Потом, когда заработаешь САМ, отдашь. – Галя спокойно и одновременно подчёркнуто презрительно произнесла это САМ.

У Артёма просто челюсть отвисла. Да, он знал, что эта дикая нищесбродка – бывшая его одноклассница может дать отпор, не забыл и ту историю со смартфоном, поэтому он и предпочитал не связываться, просто презрительно не обращал на неё внимания. А тут, нос к носу, и это спокойное, презрительное – «когда заработаешь САМ»! Какое-то время он так и стоял, опешив, даже после того, как Галя вышла из квартиры и захлопнула дверь.

– Рассчитался с девочкой? – Это Алёна выглянула в коридор.

– А-а?..

– Чего тормозишь? За пиццу, спрашиваю, рассчитался?

– Да-а... Конечно. Рассчитался... – Неуверенно соврал он.

Вечером после того, как они с Василием Михайловичем полностью управились на складе – собрали и подготовили всю партию гуманитарки, Галя возвращается домой обычной дорогой: заходит в магазин рядом с небольшой кафешкой в соседнем доме, чтобы купить Гоге чипсы.

Сегодня, как всегда, там за столиком в летнике опять тусуется Фомин со всей своей бандой. Как всегда, громко орёт музыка, парни курят, о чём-то слишком громко разговаривают, перекикивая музыку, и друг друга.

«Видать, опять пивка лишку хватанули...», – отмечает про себя Галя.

Забавно, все они как на подбор – в чёрных футболках с символами Z и V. Совсем недавно такие же футболки подарил им дядя Вася – и Гале, и всем другим ребятам-помощникам из колледжа. Добрый он дядька, не иначе как на свои деньги футболки

эти специально купил, чтобы хоть как-то ребят отблагодарить. Она и сейчас в этой футболке с буквой Z. Тоже, какая-никакая поддержка тем, кто там на передовой.

«Надо же, и эти туда же... Золотая молодёжь. – Грустно, но не зло усмехнулась она про себя, и невольно съязвила. – Не иначе, как в свете всех последних событий нынче такие футболки в тренде, если даже эти «отметились»... Да-а, взрослые уже вроде мальчишки, через год школу окончат, а ведут себя как... Гога и то, пожалуй, повзрослее и поумнее этих будет...»

Подумала так и даже пожалела их: чем занимаются? Что у них за проблемы, что за заботы? Кучковаться вот здесь, пиво халкать, горлопанить, айфонами меряться – в этом главный смысл!?

Да нет, всё это от безделья, от отсутствия настоящих серьёзных проблем, которые ей, к примеру, каждый день решать нужно... А эти... – в стайки сбиваются... а поодиночке – что каждый из них из себя представляет? Что может!?

Вернувшись домой, Галя почти сразу, передохнув от силы минут десять, начала готовить ужин своим «мужикам»: отец, видимо, вот-вот с работы приедет, Гога тоже с улицы подтянется, Галя, проходя издалека видела, как он сейчас на детской площадке с пацанами футбол гоняет...

Закончив с готовкой, она садится за свой курсовой, настраивая себя: надо! Надо его сегодня срочно доделать, завтра зачёт!

...Ну, вот и всё, кажется. Так она вжилась с головой в этот чертёж, что пока сначала мысленно, потом на листе ватмана кроила стальной лист – чтобы максимум деталей из него получить и при этом в допуски попасть – даже и не заметила, как вернулся с работы и поужинал отец; как Гога, тоже поужинал и спать лёг.

«Молодцы, мужики, посуду за собой помыли», – машинально отметила она, заглянув на кухню. И почувствовала внезапно, что глаза у неё начинают закрываться сами по себе, вот-вот уснёт прямо на клавиатуре компа.

«Гога, тот уже мирно посапывает на своей кровати, отец тоже, похоже, уснул, только телевизор бурчит что-то про Украину у него в комнате. Куда стреляли, куда попали, чего и сколько уничтожили... – это по делу, это всё Конашенков рассказывает...», – думает Галя.

Курсовой она уже закончила, а эту сводку она уже днём в офисе у Михалыча на карте видела... Галя тихонько, чтобы не разбудить отца, заходит к нему в комнату, выключает телевизор.

Можно, конечно, спать ложиться. Но есть ещё одно дело, которое ей непременно нужно сделать сегодня.

Она умывается, специально очень холодной водой, чтобы глаза поменьше слипались, наливает крепкого чая и снова садится к компьютеру, пишет: «Милая мамочка! Знала бы ты, как нам с Гогой без тебя тяжело, как скучаем!.. Нет, не думай, я не жалею».

Гога наш подросток, совсем вредный стал, огрызается. Приходится иногда ему и подзатыльник давать, иначе не переубедишь... Но это редко, чаще всё-таки он меня пока ещё слушается.

А вообще, живём мы дружно... Скучаем только. Отец работает много, домой усталый приходит, поест и спать. А утром опять на работу... Я тоже работаю, но ты не волнуйся, на учёбе это не отражается. Всё успеваю.

Так что, на хозяйстве у нас главный – Гога. Я ему список с утра пишу, отец – деньги оставляет, а Гога днём сам все продукты на семью закупает. Вечером прихожу – готовлю, так что они с отцом у меня голодными не сидят. Да и Гога сам уже научился кое-чему, к примеру, яички поджарить вполне может. Так что, днём, если что, что-то перехватить он себе и сам сообразит. Глядишь, в скором времени, и суп у меня варить научится...

Ты прости нас, мамочка! Что мы часто не слушались тебя, расстраивали из-за всякой ерунды... Теперь-то я прекрасно понимаю: ну, не нужен был мне этот дурацкий дорогой айфон, футболка эта Тотту... У меня теперь другая есть с буквой Z, дядя Вася подарил Литовченко, чтобы я и тобой, и всеми нашими солдатами гордилась. А капризничала я тогда – только из вредности и по недомыслию. Хотелось, наверное, быть не хуже других. А на проверку, оказалось, что определяется это не крутым телефоном, не шмотками, не тем, что на них написано... А тем, что ты сам из себя представляешь. Что ты по жизни делаешь, с чем живёшь, кого любишь, что защищаешь... И всё это сегодня, сейчас с тобой, с нами со всеми происходит...

Мама милая, мы с Гогой гордимся тобой! Вы там побеждайте скорее... и возвращайся...

Твои Галя и Гога».

Андрей РАСТОРГУЕВ
Екатеринбург

Разлом идёт на глубину, круша
былые дружбы призрачные в чате,
и говорит смятенная душа:
ни другу, ни врагу не отвечайте...

Чья сторона крива или права,
теперь не здесь решается, и даже
все правильные русские слова
сегодня тоже ходят в камуфляже.

И оттого сердешной тяжело
ступать босой по мысленному краю,
что понимаю, до чего дошло.
И что случится, если... – понимаю.

27 февраля

И когда мы весело курочили
заживо родимую страну,
знающие самые пророчили
эту украинскую войну.
А когда не мы или невесело –
всё едино очи позавесило
говорливой вольницы хмельком,
как вина распитым бутылком...

Хоть уже давно зовут по отчеству,
хмель ещё не выветрился дочиста,
но сегодня вольные слова
изрекает реже голова.
Словно ледяной водой окаченный,
жизнью поверяю – не окончена,
да, видать, потрачена не впрок
на один вселенский кувырок.

14 марта

МИТИНГ

Отечества напрягшегося ради
от широты душевной – не со зла
народ честной подплясывал эстраде,
что певчую бредятину несла.
Сияет солнце, ночь идёт на убыль –
и что не погулять рабочим днём,
пока на Украине под огнём
пехота зачищает Мариуполь?

Ораторы по свойству естества
вышаривали годные слова,
но песни даже про вневременное,
что прежде в горле скатывали ком,
на сходбище и стойбище таком
теперь не задевали за живое...
И к этой необъявленной войне
мы подошли готовы не вполне.

19 марта

Только душа сподобится
свыкнуться с межевой –
русская межусобица
снова на ножевой.

Где Родина начинается,
наскоро без затей
заново сочиняется
для следующих детей,
чтобы могли упрочиться
Родины той же для
видеть в ином не родича –
кацапа да москаля...

Сами, с чужой подачи ли
между живой земли
белые, красные начали,
жовто-блакитные ли –
сколько опять укроется
степью, пока устроится
наземь кровавая взвесь...
Русская межусобица –
двое, другой не лезь...

Чёрточкою неброскою
в будущие умы:
если они малорусские –
много ли русские мы?

27 марта

*Я привыкла в любой ситуации
верить только в самое лучшее...*

Из письма школьницы солдату

Время сделало оборот
или выверт – и снова дети
пишут письма на Южный фронт,
хоть сегодня – не сорок третий.

Хоть шатания в алфавите
от докатывающихся зыбей,
ни в одном не прочтёшь: «Убей!» –
лишь настойчивое: «Живите!»

Вот – «Не бойтесь!» – ещё одно...
Кратки с нынешней непривычки.
И, как в чатах заведено,
дальше – котики или птички...

*Памяти
матроса морской пехоты
Ивана Лукина*

Он не пишет, не спит, не кричит –
в телефонную плитку молчит.
Не звони, даже если дела –
похоронка на сына пришла.
Он бы сам, если надо стране,
за победу погиб на войне –
про былую до нынешних слёз
много слов он всерьёз произнёс.

А слова, что живая трава,
в наших детях растут на раз-два.
Сын морпехом ушёл на контракт,
и теперь – у невидимых врат.
В южном городе русской земли,
где людей языки развели,
за присягу, солдат рядовой,
он ответил своей головой.

Чтобы на ветер слов не бросать,
что отцу в Телеграм написать?
Если слово вернётся к нему,
я поверю ему одному.

14 апреля

Хоть ещё Россия велика,
некуда опять нам на попятную.
Были войны после сорок пятого –
а подобной не было пока.

Жизнь моя в запасе прожита,
а не под зелёными погонами
потому, что жизнью миллионами
наперёд оплачены счета.

Долгий мир не всякому вредит,
но, похоже, кончился кредит –
те, что не пошли на мировую,
новых повели на мировую.

14 мая

Гражданская питает не изюмом –
забывшие скорбуют животом...
Те, что проспали контру под Изюмом,
объявятся, наверное, потом.

Что именно они – надежды шатки,
но, может быть, случится увидеть,
на ком однажды загорятся шапки,
которыми хотели закидать.

Заполыхают среди бела дня
не от стыда – от Вечного огня...

10 сентября

На границе ветрено и скверно –
днями толпы очереди ждут.
Мальчики эпохи постмодерна
от мобилизации бегут.
Помолчи о долге – многа букоф.
В рюкзаках за каждою спиной
скоростные складни ноутбуков –
собственные окна в мир иной.

Не судить бегущего дай Боже –
всё, что об Отечестве напел,
сам я в девяностые, похоже,
детям передать не преуспел.
Сыщут ли пристанище подённо?
Поглядят в глаза ли без вины
мальчикам эпохи постмодерна,
что вернуться с нынешней войны?

1 октября

Борис БУРМИСТРОВ
Кемерово

РДОВА

Сыну Сергею

Это дерево вечно растёт.
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течёт
Кровь язычества и христианства.
Перемешана, смешана кровь
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла любовь,
И коснулась дыханием слуха.
О, далёкие предки мои,
Россияне – сыны вольнодумства,
В моём сердце доныне горит
Ваш огонь доброты и безумства.
Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.
Горе сгинет, и смута пройдёт,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядёт,
Русь, Россия – судьба и опора.

Вся надежда нынче на мессию,
А другой надежды, видно, нет.
Мне б вернуться в Русскую Россию
Через сто и даже триста лет.
Кто-то скажет: ничего нет проще –
Надо только выбрать верный путь,
Чтобы очутиться в этой роще,
Русский воздух с жадностью вдохнуть.
Чтоб услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я ещё с рождения поверил –
Русский мир, как космос, навсегда.

ЗАПОВЕДЬ

На грешную жизнь не ропщите, –
Всё было, всё будет в судьбе.
Друг в друге врага не ищите,
Но Бога ищите в себе.
Друг в друге лишь друга ищите,
Отринув хулу и враньё,
И памяти тонкие нити
Не рвите во имя своё.

Вы говорите, что стихи грустны,
Они теперь не могут быть иными.
Ну, что поделать, если даже в сны
Приходят все трагедии земные.
Такое время нынче на дворе,
Всё злее зреет мировая ссора.
Горит уже не шапка на воре,
А целый мир сгорает от позора.
Всё оттого, что тает доброта,
Как снег весенний, вглубь земли уходит,
И жизни безоглядной суета
Нас друг за другом строем гонит, гонит.
Чем ближе к краю, тем прозрачней даль
И тем яснее перепуток дальний.
Мои стихи печальны, но печаль
Струит по миру свет исповедальный.

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Не озлобляйте ум и сердце,
Не оскверняйте души злом.
Всегда вы в роли иждивенцев –
Пасётесь во поле чужом.
В миру безмолвного творенья
Вам, громогласным, не понять,
Что исихастское моление
Нам до поры велит молчать.
Молчит народ, потом как ахнет
И разметёт смердящий дым...
А русский Дух – он Русью пахнет
И оттого неистребим.
И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша – русская звезда...

ОТВЕТ РУСОФОБАМ

Где тот забытый причал,
Даль далека и близка –
Русская наша печаль,
Русская наша тоска.
Сотни и тысячи лет,
Не изменить ничего:
Только словесный бред,
И поцелуй в стекло,
Только щенячья дрожь,
Призрачный свет вдали...
Только бесстыжая ложь
В адрес моей земли.
Где тот затерянный мир –
Земли, моря, города?
Я выхожу в эфир –
Слушайте, господа,
Русскую нашу печаль,
Русскую нашу грусть.
Только не надо кричать,
Что безответна Русь.
Встанем ещё не раз
В полный, как водится, рост
С русским прищуром глаз
С вечною правдою звёзд.

ПРОШЕНИЕ ЗА СЫНА

Дай ему посох по силе его,
Посох, что временем строган.
Чтоб в этом мире обид и тревог
Выстоять мог он.
Путь, что отмерен Тобою ему,
Добрым пусть будет.
Сам ведь ты знаешь – непросто в миру –
Путь этот труден.
Господи! Дай нам терпенья и сил,
Мудрости старцев святых,
Это и всё, что бы я попросил
Для сыновей своих.

Наталья МУРЗИНА
Кемерово

ТЫЛОВАЯ

Время трудное, доля бренная, хмарь тревог, холодок тоски.
Я солдатские, я военные, я из пряжи вяжу носки.
Я в тылу сижу. Я носки вяжу, чтоб на фронт их отправить. Там
Ночь кровавая, пекло адово, горе с яростью пополам.

Шерстяную нитку плету-плету и молитву творю-творю.
С русским парнем сквозь расстояния тихо по сердцу говорю.
Пусть любовь моя сохранит тебя, когда ринешься напролом.
И незримый друг в самый лютый час пусть прикроет своим крылом!

За твоей спиной мать с отцом стоят и любимый твой младший брат.
Место отчее, небо синее. За тобою твой Дом, солдат!
Я в тылу молюсь, чтобы ты прошёл невредим сквозь огонь и дым.
Я носки вяжу, я молюсь, родной. Невредимым вернись, живым!

Время трудное, доля бренная, хмарь тревог, холодок тоски.
Я солдатские, я военные, я из пряжи вяжу носки.
Я хочу, солдат, чтобы ты скорей бездны адовы превозмог.
Слышишь, Родина, мы ведь сильные. Мы ведь русские. С нами Бог!

О, чистый лист и неизвестность! Свою волшебность не тая,
Слова сквозь сумрак, боль и нежность рождаются из небытия.

Слова теснятся, осыпаясь на белый лист живой пылью,
Снежком из форточки бросаясь в разгорячённое лицо.

В них всё проступит: вспышка счастья, утраты горестная стынь.
И хмель любовного участия. И смех. И прошлого полынь.

О, чистый лист и неизвестность! Навеки определено
Нам так беречь свою словесность, как в голод берегут зерно.

Сегодня снег, как очумелый,
Из поднебесной вышины
на город сыплет – белый-белый,
и кажется, что нет войны.
В тот час, когда над каждым домом
Сгустилась мировая мгла,
Как пропасть, линия разлома
по нашим душам пролегла...
Бездонный мрак на белом свете,
Смертельный выбор: быть – не быть.
Но и в войну родятся дети,
и верится, что будем жить.
И верится, что из стихии
Мужья вернутся и сыны.
Снег сыплет над моей Россией,
и кажется, что нет войны.

Предновогодним торжищем страна увлечена,
А где-то на окраине свирепствует война.
Поймите вы, беспечные, очнитесь вы от сна!
Война с ордой проклятою, в наш дом пришла война!

Пока гудел корпоратив (у гульбищ нету дна),
Вы шумным сытым табуном скакали допоздна,
А у солдата в блиндаже проступит седина.
Ведь жизнь одна и смерть одна. И Родина – одна.

Кому-то муки неземной отсыплется сполна.
Их кровью, как святой водой, земля окроплена...
Донецкий дым, луганский дым... И деток имена...
Одна мечта, одна душа. И Родина – одна.

А где-то дома бьётся мать, печалится жена.
Любить и ждать. Любить и ждать. Вот участь им дана.
У них молитвой и слезой душа обожжена.
Одна семья, одна стезя. И Родина – одна.

Накрыли пеплом и золой лихие времена.
Но воздаянья час придёт. Всему своя цена.
Звучи мощней, сияй в глазах, Победная весна!
Одна любовь и честь одна. И Родина – одна!

Знал солдат войну не понаслышке,
Крепко знал. Теперь всё позади –
Ближний бой, неистовая вспышка
И отверстие жгучее в груди.

В госпитале. Так и не очнулся.
Врач – не чудотворец, явь – не сон.
Лишь едва заметно улыбнулся
И ушёл в небесный батальон.

И, наверно, сам себе неведом,
Цел и неизбывных полон сил,
Встал он в батальоне рядом с дедом,
Что фашиста бил, но не добил.

Сколько их... Навеки молодые...
С фотографий в форме строевой
Молча смотрят наши неземные,
Нас, земных, прикрывшие собой.

Он стоит – бессменный и суровый,
Он собрал героев всех времён,

Крепёж державы оплативший кровью
Доблестный небесный батальон.

Вновь разлом. Оплакиваем павших,
Поминая их по всей стране,
Жизнь свою безвременно отдавших
на братоубийственной войне.

...

Все, кто тянет будни боевые
Под прицельным вражеским огнём,
Возвращайтесь целые, живые,
С радостью Победы! Мы вас ждём!

«Опять метель в окне гудит. А с высоты любовь глядит
глазами синими.

Как не спугнуть счастливый час, когда она ласкает нас руками
сильными...

Хочу волнение это длить и мимолётно ощутить твоё дыхание.
В горячем мареве любви губами нежными лови миг узнавания...»

«Но скоро вздрогнет городок. Прощальный вырвется гудок,
пронзив окрестности.

Состав умчится на войну. И долго будем мы в плену
у неизвестности...

И неотлучно буду я с тобой на линии огня сквозь расстояния.
Одним желанием дышу – хорошей весточки прошу,
как подаяния...»

«А я тяну армейский быт. Вопросом «быть или не быть» себя не
мучаю.

В слепом безумии огня осколок выхватит меня звездой падучею...
Окоп снарядами прошит. И жизнь на ниточке висит над грозной
бездною.

Всё иллюзорно, как во сне. Уже разъяты в вышине миры
небесные...»

«И затихает сердца стук... Но где-то всколыхнётся звук родного
имени,

И ты придёшь в себя. Живой! Ведь тихий ангел над тобой
с глазами синими!

А дальше – буден толчея. Стенные ходики стучат. Зал ожидания.
Нешадно-долгий перелёт. И самолёт тебя вернёт без опоздания...»

«Опять метель гудит в окне. И слово «мама» на стене большими
буквами.

И чайник греется, пыхтя. И синеглазое дитя играет с куклами.
Но мне опять пора туда, где не окончена беда, где путь
непройденный.

Посадим сад, построим дом. Но только это всё потом.
Сначала – Родина!»

Ну давай о хорошем! Ну хватит уже о войне.
Ведь когда-нибудь этому необходимо случиться:
В обожженной пожаром эпохи огромной стране
Долгожданным победным восторгом наполнятся лица.
Справедливое солнце – поверь! – непременно взойдёт
И плеснёт ослепительным счастьем – от края до края.
Как окурок, потухнет война. Замолчит миномёт.
И отпустит мужчин из-под смерти передовая.
Сумасшедшим душистым кипеньем ответит сирень.
И, букетики радостных слов раздавая прохожим,
Мы вкусим, словно светлую Пасху, тот солнечный день.
И не нужно опять о войне. Говори о хорошем!

Снегу-то выпало сколько в твой ослепительный день!
Из белоснежного шёлка платье, невеста, надень!
Радости полная чаша, нежно лучится душа.
Милая горлица наша, как ты сейчас хороша!
Памятная картинка: пара стоит на свету,
А кружевные снежинки мягко летят на фату.
Но не до свадебных шуток, сердце забота берёт,
Что через несколько суток муж уезжает на фронт.
Скоро заплачешь, читая весточку с той стороны:
«Для маскировки, родная, белые сети нужны!»
Белые... Мчишь по соседям. Пишешь по всем адресам:
«Женщины! Белые сети сделаем нашим бойцам!»
Срочное дело! Но где же ткани достать на ходу?
Завтра ты первой изрежешь платье своё и фату...
Бусинки и серебринки видит на сетке солдат.
И кружевные снежинки на маскировку летят...

Александр КЕРДАН
Екатеринбург

НА ПОЛЕ БРАНИ

Нет ничего для нас важней пока,
Чтоб наш язык не превратился в «языка»,
Чтобы врагами не был взят в полон,
Замучен, лютой смерти предан он.

Мы породнились воинской судьбой,
Он, как солдат, встал с нами в ратный строй,
Мы нашу память общую храним –
Его на поруганье не дадим.

Чтоб, победив, он процветал в стране
С другими языками наравне,
Вобрав в себя, и драматизм, и боль,
Надежду славил, веру и любовь...

...Всё это будет после, а пока
Мы в бой идём за право языка
Собой остаться подлинным, навек,
Покуда дышит русский человек!

Надо о мире, а я – о войне,
Хоть о войне и не хочется мне...
Девка бесстыжая эта война –
В каждую щель проникает она,
В душу, в подкорку пролазит легко,
Даже, когда от неё далеко.
С телеэкрана и стонет, и ржёт,
Горько рыдает и матом орёт.
Машет кровавым обрубок руки,
С рожей расхристанной рвётся в стихи...

Надо о мире, а я – о войне,
Ибо остаться нельзя в стороне.
Как ни отвратна мне эта война,
Но понимаю, что это – цена
Прежним ошибкам, беспечности, лжи...
Да, мы сдавали души рубежи,
И вот теперь наступил тот рубеж,
Что не оставим, хоть сразу нас режь!

Прямо по сердцу проходит окоп –
Надо сражаться и выстоять, чтоб
Землю родную и память сберечь –
Мамину песню, отцовскую речь,
Шёпот любимой, младенца «агу»
Не отдадим никакому врагу.
Чтобы потомки росли в тишине,
Все мы сегодня на этой войне.

УЗЕЛОК ДЛЯ ТЁТИ РИММЫ

Тётя землицы мне взять наказала,
Горсточку милой уватской земли –
В Малом Нарысе, на родине малой,
Где её детские годы прошли.

Ссылка – для взрослых – и спецпоселенье,
А для ребёнка – везде как в раю...
– Мне бы припасть к той земле на мгновенье,
К сердцу прижать ридну неньку мою...

Просьбу я выполнил: вот – узелочек
С бурой, прогорклой сибирской землёй...
Только одна недолга: и захочешь –
Не передашь его тёте родной.

В Киеве тётя свой век доживает,
И между нами – война и беда.
Землю в платочке храню и не знаю:
Этот подарок вручу я когда...

Дал бы Господь одолеть супостата,
К тёте приехать, отдать узелок,
Крепко обняться, как было когда-то,
Чтобы никто разлучить нас не смог!

НА СМЕРТЬ ДЯДИ ПЕТИ

В Днепропетровске умер дядя,
Мой постаревший идеал...
Он – не наград и славы ради –
За эту землю воевал.

Преподавал и был парторгом,
Познал забвенье и хулу...
А вот теперь в районном морге,
Как каменный, лежит в углу.

Уже не учит, не воюет,
К победам новым не зовёт...
Моя родня о нём горюет
И, поминая, слёзы льёт.

Да я и сам слезою брежу,
И утешенья не найду,
Но в дом его правобережный,
Всё ж на поминки не приду,

Поскольку там сейчас – засада:
Пришли бандеровцы во власть,
Внучата тех, в кого когда-то,
На фронте, он не смог попасть...

И вот теперь войны героя,
Защитника страны своей
Поспешно крышкой закроют,
Упрячут в землю поскорей.

Но справедливость есть на свете,
И тень не заслонит плетень!
Пусть спит спокойно дядя Петя –
Наступит скоро Судный день

Для всех врагов – его и наших,
И для дрянных потомков их,
Легко забывших славу павших,
Приняв бесславие живых...

НА ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ

Сынок, отринь всё прошлое своё,
Забудь, когда рука оружие стиснет,
И повиликой порастёт быльё,
И злобы яд в тебя эпоха вприснет,
И в бой погонит, смыслу вопреки,
И новыми законами обяжет
Пить зверем воду из чужой реки,
Той, что тебе форсировать прикажут
И, словно зверю, горло рвать врагу,
Что встанет поперёк дороги к дому...
На взятом в диком штурме берегу
Забудь о том, что можно по-другому:

Читать стихи, потягивать вино,
Ловя соседки взгляды золотые,
И думать, что все люди заодно –
Счастливые, любимые, святые...

Всё это там, в немыслимой дали,
Что позади и впереди маячит...
Ты в бой идёшь. Здесь слово о любви
Совсем иное, да, иное значит.
За други душу положить свою,
За землю, что забыть вовек не вправе –
В сраженье горьком, в праведном бою,
На переправе, сын, на переправе...

НОВОРОССИЯ

Заря тяжёлая кроваво
Стекает с кручи терриконов,
И ополчения застава,
Как в храме русская икона,
В которую в упор стреляет
Зверьё со свастикой на лапах...

Но свет победный воссияет,
И тьма покатится на Запад,
Влача свой серный след поганный
К норе, где можно затаиться...

Донбасс, твои святые раны
Нас учат верить и молиться.
И помнить, кто мы и откуда,
И сколько жизней стоят память
И мир, нетленный словно чудо,
Бессмертный, как икона в храме.

Дмитрий МУРЗИН
Кемерово

За окнами хмуро и сиро,
Уснёшь и увидишь во сне,
Что мир разделён на два мира
В какой-то ужасной войне.

В какой-то продуманной бойне,
В каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
Звонит обо всех на земле.

Ты держишь винтовку, как палку,
От страха и злости дрожишь,
Такой близорукий и жалкий,
Кого-то убить норовишь...

Окопы, обстрелы и взрывы,
И будет всё именно так,
Пока не увидишь красивый,
Пробитый осколками знак:

До вражьей столицы две мили.
И тут же проснёшься без сил
От счастья, что мы победили
И ты никого не убил.

2006

НОВОЕ КИНО

Прогуляться выйти субботним днём,
Завернуть в кафе невзначай.
И, давайте, папе пива плеснём,
Маме с дочкой заварим чай...

Но в кафе какой-то холодный свет,
Пиво – тёплое, чай – с тоской,
Потому решит семейный совет
Двинуть дружно в сад городской.

Там в саду стоит голубая ель
Там когда-то белка жила,
Там в саду лошадка и карусель
И пин-понговских два стола...

Продают какую-то ерунду,
Постоять – устроит цена...
Духовой оркестр в городском саду
Так хорош, словно завтра война...

2012

Накосячил наш конь с бороздой.
Накосячил со щукой Емеля.
Поманило нас небо звездой –
Вот и цель. Ну а кто мы без цели?

А куда нам без цели? Куда?
Лишь на кладбище, либо к острогу...
Путеводная светит звезда,
Освещая, к примеру, дорогу,

По которой – ни славы, ни mzды,
По которой шагаем повзводно
Мы на свет путеводной звезды.
Биполярной звезды путеводной.

2018

Старый виски в правильном бокале,
На плече – партак с единорогом.
Ничего не знает о Байкале
Маугли, воспитанный тик-током.

Кубик льда в бока виски тает,
но не растопить хандру и скуку.
Ничего не знает об Алтае
Маугли, воспитанный фейсбуком.

Ест окрошку только на кефире –
Как ему в отчизне одиноко...
Ничего не знает о Сибири,
Маугли, воспитанный тик-током.

Наплевать, что обстреляли Счастья,
Слышал лишь, что «лайнер сбили «Буком»
Ничего не знает о Донбассе
Маугли воспитанный фейсбуком.

На себя примерил роль мессии,
Гибель нашу скорую пророчит.
Ничего не знает о России,
И, что характерно, знать не хочет...

2019-2022

Выйду на улицу – будто и нет войны.
Солнышко светит, слышится птичье пенье.
Стрельнуть пытаются курево пацаны,
На автомате ворчу о вреде куренья.

Всюду покой. Налаженный лёгкий быт,
Едут машины, кругом самокаты, дети...
Хочется верить: если сюда прилетит,
За нас отомстят, и враг наш за всё ответит.

2022

На здорового мужика
Накатила печаль-тоска.

Нет, не баба. На этот раз
Тянет мужика на Донбасс.

На войне, он думает так,
Проверяется человек.
Но не так, как казённый банк
Перед выдачей ипотек.

На Донбасс! Суету отринь!
Наконец-то посмей посметь!
На войне – настоящая жизнь.
На войне – настоящая смерть.

2022

ТИШИНА ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Есть приказ. И значит мы должны
Не стрелять. И не стрелять в ответ.
Выдержать в режиме тишины
Бог пока не явится на свет.

Тишина – она не навсегда.
В эту тишину подмешан яд.
Светит Вифлеемская звезда,
По Донецку третий раз палят.

У поэтов кончились слова,
Да они пока и не нужны.
В первый раз мы ждём не Рождества,
А конца режима тишины.

2023

Отчего, скажи, сегодня солнце так тускло,
В воздухе разливается запах тлена?
От того, что Киев, мать городов русских,
Медленно становится Карфагеном.

Вот паренёк из Омска или Иркутска,
Против нас воюет. Измена – всегда измена.
Ну а Киев, Киев, мать городов русских,
Медленно становится Карфагеном.

Где же память предков, русские гены?
Помолчи дружок, не трави душу,
Не мешай смотреть как Киев становится Карфагеном,
Карфагеном, который будет разрушен...

2023

Кадр из фильма «Сказание о земле Сибирской»

Родина и память... Они точно связаны некой незримой нитью, которая помогает сохранить нам в себе всё человеческое, предохраняет от недобрых мыслей и поступков. Но вот засверкает впереди, из-за дальнего, чаще иноземного, горизонта что-то блестящее, гламурное, яркое, слепящее глаза, и ощущение этой нити в твоих ладонях на время притупляется. И мы летим как мошка на этот свет, на эту обманку в поисках призрачной лучшей жизни. Однако сколько по свету не мыкайся, пытаясь ухватить за хвост ускользающую птицу – не то счастья, не то достатка и сытности – а к родимому крыльцу всё одно тянет.

Что это? Может та самая память, которая живёт в нас на глубинном, генном уровне, и которая просыпается в трудные времена, ставит нас лицом к лицу перед выбором: а собственно, я-то кто на этой земле – сын?.. пасынок?.. или вообще человек случайный; зачем я здесь? И тогда кто-то – кому сытность дороже и предпочтительнее всего с детства в душу запавшего, а может этого памятного и не было, не случилось вовсе в их жизни – собирается и уезжает через «верхний ларс» на «землю обетованную» ли, или ещё куда подальше, и, желая понравиться новым хозяевам, по-лакейски начинает клясть всё своё вчерашнее бытие, людей, среди которых он ещё недавно жил, их обычаи, культуру, язык...

А кто-то готов пожертвовать всем – если нужно, зачистую и жизнью самой – во имя общего дела, общей Победы. И вот, вчерашние дети собирают деньги и посылки для солдат, туда на передовую; пенсионеры и женщины плетут маскировочные сетки для своих защитников; бабушка вяжет шерстяные носки для сынков, чтобы у них родненьких там, в блиндажах да окопах, ножки не замёрзли...

Вчеслав ЛЯМКИН
Бийск

Патриот дядя Ваня

Лёха Чураев принципиально не смотрел телевизор.

Он даже раз повздорил с женой и в сердцах взял этот, как он выразился, «зомбоящик» и запер в кладовке, а ключ кинул куда-то в огород.

– Осторожно, плазма же! – охнула жена, поддерживая дорогую технику, когда муж запикивал его на полку. – Кредит даже ещё за него не выплатили!

– Целее будет! – сказал Лёха, словно отрезал.

– А ребятишкам мультики посмотреть! (у них их двое – дочка и сын) – давила жена.

Но Лёха непоколебим:

– По ноутбуку посмотрят, телефоны у каждого!

– Зимой чего делать будем, вечера длинные...

– Вязать научимся, книжки читать начнём!

«Ну ты, Лёха, даёшь! – скажет иной читатель. – А как же новости посмотреть, погоду, курс доллара, политику и всякую другую дребедень?»

А для этого Лёхе хватало соседей.

Первый из них – Васька Лаптев, или Васька Радио, лет сорока пяти мужичок. Жил с престарелой матерью и работал сторожем на почте в райцентре. Издержки быта и профессии (Васька работал сутки через трое) сказывались на нём: чего мужику делать – ни ребёнка, ни котёнка, хозяйства, кроме собаки да кош-

ки, никакого, сходит в магазин, молочка матери купит и сидит, новости всякие смотрит, жёлтую прессу на работе читает, ютуб шерстит – ролики лайкает. Так, скажем, поглощает информацию, а она же трансформируется в его голове и требует выхода.

Второй сосед – пенсионер дядя Ваня. Захвативший ещё тот период, когда на заслуженный отдых пошёл в шестьдесят.

Он охарактеризовал это так:

– Везунчиком, мужики, родился! Пронесло, как фанеру над Парижем! А вы теперь трудитесь, ребята, на благо Родины!

Раньше дядя Ваня работал прорабом на стройке, а теперь переквалифицировался в слегка выпивающего диванного политолога. Тоже своеобразные издержки нынешнего статуса.

Вот и сегодня, в первые дни марта, Лёха вышел на улицу узнать, что там творится в мире, – все эти дни разговоры только об одном – спецоперация на Украине.

Лёхе даже спрашивать не надо. Васька Радио только видел на горизонте свободные уши, иногда забыв даже поздороваться (всё зависело от важности информации), выдавал какую-нибудь сенсационную новость.

Васька и сейчас себе не изменил: увидев Лёху, бросил все дела и к нему.

Но не успел он и рта открыть, словно джин из бутылки, вальвавшей на обочине дороги, появился дядя Ваня. Чуйка у дяди Вани как у собаки: только заметит, какое движение на улице, он тут как тут – прислушивается, не про политику ли говорят.

В извечной своей облезлой шапке-ушанке из кролика, по его рассказам сшитой им самим, в камуфляжных дутышах и замызганном пуховичке, на котором спереди молярным скотчем наклеена буква «Z».

Дядя Ваня достал сигаретку, прикурил, ожидая реакции «зрителя».

– Молодец, солидарен! – протянул ему руку Лёха.

– Пускай все знают мою позицию, – ответил дядя Ваня. – Мне не стыдно, что я русский!

– Ну что там слышно? – спросил Лёха, доселе находясь по собственной инициативе в информационной блокаде. – Жена с работы приходит, страсти рассказывает.

– Война, она и в Африке война! – махнул рукой дядя Ваня. – Бомбят, люди гибнут! Всё равно правды не узнаем... санкции

вводят...

– А, слышали! – «заработало радио», сделало паузу и, удостоверившись, что его слушают, с придыханием продолжило: – Это на тему санкций. Макдональдс-то от нас уезжает...

– Мать честная! Сдался тебе этот макдолбанс ихний! – задирижировал патриот-политолог рукой с дымящейся сигареткой. – Вон матери скажи, пускай блинов напечёт, и хряпай за обе щёки. Без этих бургеров жили и сейчас проживём. Пшеницу сами растим, ещё за бугор отправляем. Я этот ихний бутерброд ни разу не пробовал и даже не тянет.

Васька старался с дядей Ваней не спорить – бесполезное дело.

Он просто выдавал информацию, и по его тону трудно было понять, осуждает он или одобряет действия, о которых идёт речь.

– А ещё слышали? – не обращая внимания на сигаретку у носа, которой размахивал дядя Ваня, выдал Васька. – Икеа сворачивает лавку. Очереди в последний день километровые, всё подчистую вынесли, за последний день миллионы выручки...

Дядя Ваня поперхнулся:

– Вот дурачьё! Да вы к Петьке, племяннику моему, придите, он из любой тесины вам такое сделает, закачаетесь. Поеду завтра в райцентр, хоть рекламу дам.

– Какую ещё рекламу?

– Таковую! Которая прогресс двигает! Что Петька теперь у нас вместо Икеи. Пусть к нему едут. Нужно же как-то развивать импортозамещение.

– А слышали? – выдал следующую новость Васька Радио. – Эпл айфоны у нас продавать не будет! Вывозят всё. Сказали, обойдётся!

– И пускай вывозят! К едрене фене всё пусть вывозят! Ты вообще знаешь, что обозначает их надкушенное яблоко? То-то и оно! Означает греховное падение. Баба, которая совратила Адама, как её...

– Ева, – подсказал Лёха.

– Она самая! Дала, стерва, надкусить яблоко мужику, и тот сгреховничал, вкусил страсти, макнул карасика... Вот и эти всякие джобсы- момбсы нам то же самое впаривают!

Дядю Ваню никто не перебивает.

– Покажи у тебя какой телефон – кнопочный? И у меня такой же.

Дядя Ваня достал из куртки свой затёртый телефон, протёр жёлтым от табака пальцем экран:

– Чего ещё надо! Безотказный! Как Калашников. Зато слезки нет! Вот позвонил: алле, Маша, чего в магазине купить? Ага, кашу и туалетную бумагу. Все мои потребности! Даже, Лёх? Подтверди! Это я на тему того, что шарик наш с катушек скоро слетит. Моя бабка вчера подруге звонила. У той внучка звóнит... или звонítт, как там правильно – всё путаюсь. Ну ладно, продолжу мысль, звонит внучка и в трубку рыдает. Та спрашивает: что случилось? А она: «Баба, как жить теперь буду, что носить? Адидас в России закрывается!» Понимаешь, для неё это трагедия! Она неделю на китайской лапше сидеть будет, зато пойдёт себе штаны за восемь косарей купит, пол моей пенсии, можешь представить! Это не Адидас, а абьебас, который в Пакистане сшили и нам, русскому Ване, на блюдечке преподносят!

– Тебе, дядь Вань, в Думу пора! – сказал Лёха.

– Я бы им шухеру навёл, – соглашается дядя Ваня. – Они бы у меня про эту толерантность бы забыли, как мы забыли про свою идентификацию, но меня туда не возьмут! Нам с Жириком там тесно будет!

– Слыхали? – Вася вспомнил ещё одну новость. – Кока-кола тоже свою продукцию поставлять больше не будет.

– Ой, умора! Напугали! – парировал дядя Ваня. – Да я тебе этого жжёного сахара сам могу сварганить! Небось, когда жара стоит, ты квасок попиваешь! Или забыл, как последний раз заводил!? Так приходи, я тебе закваску отолью!

– У молодёжи эта кока-кола спросом пользуется, – вставил Лёха.

– А то я смотрю, молодёжь-то вся с неё толстеет. Для меня лучше кваска нашего ещё ничего не придумали. Он и жажду утоляет, и сил придаёт.

– Ох, пострадаем мы сейчас от этих санкций, – вздохнул Вася-ка Радио. – Пачка чаю на тридцать рублей уже взлетела...

– Ты-то чего сикотишь? Раньше на Руси, знаешь, чего пили? Нет, не знаешь! Травка такая у нас волшебная растет по обочинам дорог, иван-чай зовётся, кипрейник. Вроде и неприметная травка, а для здоровья очень полезная, особо мужикам. Так что

обойдёмся без твоего чаю... в пакетиках. И санкции переживём! Это глобалисты пусть боятся да за свои миллиарды трясутся, а нам с тобой за свою тыщу чего переживать. Я её завтра в магазине и оставлю. Нам, главное, за землю держаться нужно.

Дядя Ваня перевёл дух и всем видом своим дал понять Ваське, чтобы не перебивал – сейчас скажет главное:

– Русскому мужику в пользование – десятину земли, и никакие санкции нам не страшны. Помнишь такое: ты эту помидорку не ешь, я её на семена отложила, а потом весь подоконник в газетках, на них семена и сушатся. С нашей сноровкой не пропадём. Насадим картохи и будем жить! Вот ты, Лёха, правильно сделал! – Вся деревня знала, что Лёха телевизор в кладовке закрыл. – Сразу голову освободил, живёшь настоящим, как есть! Кстати, ты его проверял? На месте, нет? А то, поди, мыши его включили и смотрят. К-хе, к-хе.

И дядя Ваня подмигнул Ваське Радио:

– И ты, Васька, так же сделай! Голове сразу легче станет.

Постояли ещё, поговорили и вскоре разошлись...

Лёха зашёл в ограду, покрутился у трактора и задумался, перерабатывая в голове полученную информацию.

Прав же дядя Ваня: наступит весна, Лёха начнёт пахать огороды. Люди насадят картошки, помидоров с огурцами, и никакие санкции уже не будут страшны.

С дядей Ваней не поспоришь – с голоду не помрём, у нас под ногами земля – трудись и получишь урожай, рядом речушка бежит, можешь рыбку поудить, хочешь, иди в лес – собирай грибы да ягоды.

А без этих «Икеа», телефонов и кока-колы как-нибудь обойдёмся!

Но без дяди Вани никуда: он как пограничный столб – с ним и жить рядом не так страшно.

Любовь КАЗАРЦЕВА

Бийск

Для человека в мире законном,
Когда фашизм Европой завладел,
Жила природа по своим законам,
И пели птицы, и рассвет алел.

Светило солнце вдохновенно,
Дожди поили влагою поля...
Твердила мать, что будет непременно
Свободной русская земля!

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Пойду на площадь Шукшина –
Там судьбы сходятся, тревоги.
Там рядом радость и вина,
Не только в мир – на крест – дороги.

С вокзальной площади Шукшин
Ушёл в далёкое высоко...
И осветлил Судьбою Сын
Глаза Отчизны нежноокой.

Я медлю шаг. С небес летит
Шукшинский голос – звень и воля.
О Стеньке Разине... гранит...
Под колесом неправды стонет.

Остановлюсь. Слезу смахну.
Вдохну бальзам родных просторов
И... на свиданье к Шукшину
В исповедальный рейс шагну –

На главную в России Горю.

Сегодня я в стальном строю,
В бою, незримом, нервном,
Несу Историю свою –
Иду в полку Бессмертном.
И согревают небеса
Моих родных святые Лики.
Смотрю я воинам в глаза –
Молюсь на лица-обелиски...

Бессмертный полк непобедим,
Овеян вечной славой.
Он снова жив, и будет жить
Российская держава!
Горят Победы имена
В груди наследников героев...
Шагает вместе вся страна
Одним священным, гордым строем!

Горят закаты. Цветут рассветы.
В строю солдаты – отцы и деды...
И нашей памятью о них жива планета.

Упал в сплетенье наших рук
Необратимо чёрный вечер,
В бездонной пропасти разлук
Нет сил надеяться на встречу.
Но даст ли свидеться с тобой
Огонь зарниц над Украиной...
Остра, невыносима боль,
И эта боль, увы, взаимна!
За окнами поёт весна,
Но мой покой разлука выпила,
И на рассвете седина
Не на виски, на сердце выпала.

РУСЬ-ТРОЙКА

Горит донбасская земля,
Людскою кровью истекая,
Войной изрытые поля
Зерна живого не рожают.

Заоканский Белый дом
Нацистов танками снабжает,
А украинский чернозём
Гниенье трупов изрыгает.

Варшава гордая и Рига,
Берлин, закованный в гранит,
Легли под колесо блицкрига...
А Дон за русский мир стоит!

Назвал Россию Гоголь – Тройкой,
И это имя стало явью...
Но все ли знают, почему?
Здесь дом Христа, Аллаха, Яхве –
И каждый лишь в России только
Свободно верит Богу своему!

Русь мчится Тройкой сквозь века –
В забвение лихие годы гонит...
И не слабеет Господа рука,
Храня мою Отчизну на ладони!

Алексей КУЗИН
Екатеринбург

ШИНЕЛЬ

Шинель английского сукна,
Зелёный цвет приглушен серым.
Отец мой не был офицером,
Но, если кончилась война,
Шинель сержанту – по размеру.

И годы мирные пошли,
Шинель изрядно порусела –
На холодке в сенях висела
Вдали от аглицкой земли.

Затем шинель хранил мой брат –
Он мастер острых был заточек
И по грибы сходить в лесочек –
И превратил шинель в бушлат.

Но – старшинство мне сдал на смену...
Бушлат оставил в гараже.
Размером – я готов уже,
И скоро я бушлат надену –

Как инок надевает ризу –
Так я, с улыбкой на лице,
И с благодарностью к ленд-лизу,
И с тёплой думой об отце.

Славно птице-ворону
Жить на свете этом –
На любую сторону
И зимой, и летом.

Хорошо летается
По долам ли, в высь ли –
И легко читаются
Человечьи мысли:

Всюду в парках лебеди,
Всюду встречи знойны...
Но повсюду нелюди
Затевают войны.

Ворон – тоже мнит своё,
Он сварлив и чёрен,
Всё же глаз не выключает
Ворону-то ворон.

Чтоб понять отличие
Всех людских наречий:
На три века птичьих –
Краткий человеческий.

Александр ШАЛОБАЕВ
Каменск-Уральский

В час, когда я завершу
Путь среди могил,
Что на небе я скажу
Тем, кого убил?
Может стану сказки петь
О своей любви?
Но куда мне руки деть?
Ведь они в крови!
А быть может им сказать,
Что, мол, не хотел?
Но куда мне деть глаза?
Это же прицел!
А быть может их презреть,
И не дать ответ?
Но куда мне душу деть,
Если тела нет?

ИГРА В ВОЙНУ

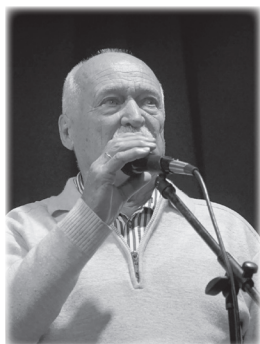
Двор акациями был окружён.
До зубов я был вооружён.
И ведь знал я, кто за мною следит!
– Падай!, – крикнул Владька. – Падай! Убит!
Я упал и оставался лежать.
Через двор идут отец мой и мать,
Словно боги с золотом в волосах:
В прахе ноги, головы – в небесах.
Вот подходят и становятся в ряд:
– Что лежишь ты, Саша, – мне говорят,
С дрожью в голосе я им отвечал:
– Я убитый, я убит наповал.
Через двор бежал я наискосок,
Пуля Владькина попала в висок,
Как июньский металлический жук.
Я упал, и автомат – вон из рук.
– Не беда, – мне отвечает отец, –
Досчитай до десяти, и конец,
И вставай, и можешь бегать опять,
Не до вечера же будешь лежать.
Я скорей до десяти досчитал.
Досчитал до десяти я и встал,
Так по младости и не осознав,
В чём отличие войны от забав.

Поле боя впереди.
Аллилуйя!
Это поле перейти
Не смогу я.
Упаду я на стерне,
Словно колос.
И поплачет ли по мне
Чей-то голос?

Поднимусь я над землёй,
Над комками.
Поплыву я над страной
С облаками.
Ветер встречною рукой
Треплет волос.
Слышу – речка подо мной
Плачет в голос.

И на запад, на закат
Всё быстрее!
А навстречу мне летят
Молний стрелы!
Это что над головой
Расколосось? –
Это небо надо мной
Плачет в голос!

И наполнилась Земля
Плачем-воем.
И наполнилась душа
Покою:
Раз они что было сил
Голосили,
Знать не зря я проходил
По России!

Евгений КУЗНЕЦОВ
Екатеринбург

Фронтовые отцовские письма я снова читаю,
пожелтела бумага, но память бессмертно чиста.
Я в промёрзшем окопе о встрече с родными мечтаю
и встаю во весь рост. И душа улетает с листа.
Я жене напишу, что вернусь и что жизнь мы наладим,
будет снова богатой весёлая дружная Русь,
будет хлеб на столе, новогоднюю ёлку нарядим
для детей наших милых... Но я никогда не вернусь.
Не вернусь, не узнаю, как выжила, вынесла сколько,
как, детей сберегая, сама голодала жена.
Колоски на полях да трава на лепёшки, и только,
только памятник ей не поставила наша страна...
Перечитаны письма, видения тяжкие тают,
помолюсь потихоньку в преддверии нового дня.
Но из чёрного неба фашистские мины влетают
в дом донецкий, и все попадают в меня.

Еду потихоньку на родную дачу
К радости крестьянской, радости земной.
Сколько раз уж ездил – верилось в удачу,
Будто вся природа ехала со мной.

А красотка-осень на прогулку вышла,
Праздничное платье, любо посмотреть.
Но враги внезапно все надежды выжгли,
На земле родимой вновь гуляет смерть.

Вот мои деревья, что садил когда-то,
Вот мои лужайки с травкой-муравой.
Как легко дружилось с ловкою лопатой,
До начала страшной третьей мировой.

Задаюсь вопросом и не жду ответа:
Как прожить мне тихо с милою женой,
Если взрывы где-то, если смерти где-то,
Если враг глумится над моей страной?

Ольга БЕРЕГОВЫХ

с. Петрокаменское
Свердловская обл.

ВОЙНА

Поле. Рожь уже созрела.
Клики журавлиных стай...
Утра рань туманом белым,
Золотым узором край.

Клонят головы колосья,
Только нет на них вины,
Что осколки жито скосят –
Горек хлебушек войны.

Мучка та и те же дрожжи,
Да солёный в горле ком...
Не унять сердечной дрожи.
Плачет дождь сейчас о ком?

Сменят вёсны холод зимний –
Маем выйдут молодым...
Зелень свежая озимых
Да туманов серых дым.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нашу память у нас не отнять
Как из сердца не вытеснить боли –
Смотрит с неба бессмертная рать,
И шумит ковылём поле боя.

В темноте яркой вспышкой салют,
Ввысь сигнальные взмыли ракеты!
И полки по призыву встают,
И идут вместе с нами к рассвету...

Чуть забрезжит мерцающий свет,
Где черёмух нежны ароматы.
Обелиск, у подножья – букет:
Не забыты герои-солдаты.

Майским громом взрывная волна,
А потом тишина... Только снова
Эхом прошлого – слово «война»,
И страшнее не выдумать слова.

И страшнее не сыщется бед,
Что война принесла нам с собою...
Всё пройдёт, но останется след –
Обелиски с пурпурной звездой.

Дни бегут чередой по весне,
Только памяти вечная треба –
Майский день. В приоткрытом окне
Отражается мирное небо.

Небес материю отмерю,
В ткань эту душу оберну...
Я до сих пор ещё не верю,
Что ты уехал на войну.

Всё кажется, что мне приснился
Под утро страшный, тяжкий сон:
Перрон гудел, народ толпился,
И за вагоном плыл вагон...

Весь мир за поездом вдогонку,
Сначала шёл, потом – летел!
И лишь вокзал стоял в сторонке,
Оставшись словно не у дел.

А рельсы холодом дышали,
И времени храня печать,
Часы на башенке молчали,
Отсчёт разлук боясь начать.

И в небесах на миг застыла
Большая стая белых птиц...
И синим это небо было,
Как ткань для сотни плащаниц.

Наталья ДЕНИСЕНКО
Екатеринбург

Из моего окна не увидеть фронта.
В наших широтах стоны войны не слышны.
Артиллерийских дуэлей гневные ноты
Не нарушают в ночь городской тишины.
Лишь раздаются возгласы электричек,
Визги и шелест автомобильных колёс,
Лишь по утрам тяжёлых из дальних больничек
К центру несут винты синеватых стрекоз.
Я возвращаю полке томик Бальмонта.
Даже стихи померкли. Вскипает огнём
В рёбрах бессонных кварталов линия фронта,
Густо рокочет через сердечный разлом.

В мире стало столько смертей.
Как с родными людьми проститься?
Как собрать на руке своей
Все цветы с бесконечных ситцев?
Как, за тысячи вёрст от них –
Бледный крест на груди сложивших –
Всех запомнить, ещё живых,
Всех оплакать, ещё не живших.

Всё на войне, как в жизни,
Будничное, простое.
Только горнило боя –
это совсем другое.
Действо между мирами,
На острие тончайшем –
Там, где столкнулись лбами
В ярости величайшей
Боги огня и дыма,
Боги войны и света,
На килотонны пыли
Разворотив планеты,
Выпив вселенной токи,
Обезоружив звёзды.
Бурые гимнастёрки
Часто легли на склоны
Пашни умалишённой,
Сгладив её морщины.
Кто там идёт колонной –
Боги или мужчины?

Старики остаются.
Не из упрямства, не потому,
что характер скверный.
Потому остаются,
что в них больше чувства –
столетия чувства и веры.

Новой памяти мало:
о том, для чего эти кнопки,
где очки, как идти к подвалу.
Старой памяти много:
всё, что дорого, помнят,
всех помнят, кого не стало,

кто в земле отдыхает,
но всё ещё близко к сердцу,
лежит в остановке отсюда.
Старики разбивают
весенний цветник под окном,
засыпают в ожидании чуда.

Всё вокруг принимает
их очертания, дышит любовью,
старики как дети смеются.
Снова не гнутся колени,
старики подходят к серванту –
взглянуть на мамины блюда.

И когда прилетает
в их дом фугасный снаряд,
на всех этажах вышибает стёкла.
Отшатнувшись, стена
толкает советский сервант,
и сервант кричит, весь в осколках.

И тогда старики
отползают в дальние комнаты,
в угол забьются, сидят без звука.
К ним приходят коты
откуда-то сверху, соседские,
и, пристроившись, греют руки.

Дерись, как в детстве, сам, не чуя боли,
загнав под веко жалости слезу.
Дерись не мышцей, а движеньем воли,
остановив секунду на лету.

Дерись! Мне тоже драться приходилось,
когда и силы были не равны,
но я не за себя – за справедливость
и против нападавших со спины.

Теперь всё так же, только не по-детски,
за что стоим, ты понимаешь сам.
Дерись, мой брат, ты – тот орешек грецкий,
который никому не по зубам.

РОССИЯ, ВСТАВАЙ!

Многолетней травой-муравой
Поросли вековые раны.
И курганы, курганы, курганы
Над полями Второй мировой.

А на Русской равнине война
Разгулялась и стала Великой.
Дым отечества тает на лицах,
Голос крови твердит имена.

Помолчим. Нет числа именам
Тех людей, чья крылатая юность
В пекло первых боёв окунулась
И сразилась, и сгинула там.

А потом за солдатом солдат
Поднимался из пыли окопной, –
Кто в атаку, в момент поворотный,
Кто до неба – проведать ребят.

С той поры мы рождаемся в май,
По проспектам шагают святые
И трубят через горны витые:
– Просыпайся, Россия, вставай!

Людмила НИКОРА
Каменск-Уральский

Я ВЕРНУСЬ

Я приеду домой ранним утром, ещё на рассвете.
И с вокзала пешком по притихшим кварталам пройду.
А в домах будут спать – сны цветные досматривать – дети.
И не сможет никто помешать их спокойному сну.

Я приеду с войны в этот мир, отвоёванный кровью.
Слившись с прадедом, с тем, что когда-то Донбасс защищал.
Как и он, я пойду по земле с теплотой и любовью,
Полной грудью дыша мирным небом, как прадед дышал.

Я приеду домой. Буду долго курить у подъезда,
Наблюдая, как мирное солнце по небу тихонько ползёт.
Как галдят воробьи, отыскав себе тёплое место.
И как жмурится рядом со мной на скамейке пригревшийся кот.

Я приеду домой ранним утром, ещё на рассвете.
И с вокзала пешком по притихшим кварталам пройду.
А в домах будут спать – сны цветные досматривать – дети.
И не сможет никто помешать их спокойному сну.

Похоронка опять. Молодой...
Снова сердце удар пропускает.
Снова с матерью вместе, с женой
Неподатливый воздух глотаю.
Не родной. Не знакомый. Чужой.
Отчего же душа наизнанку?
Он не первый уже, не второй...
И я всем им жена и мамка.
И я всем им сейчас сестра,
Что молилась и днём, и ночью.
С ними вместе я умерла,
Чтобы снова родиться дочерью.
Чтобы вновь научиться жить
За мужей, за отцов, за братиков.
Жизнь неласковую любить
За себя и за тех солдатиков.

НОСОЧКИ

*99-летняя участница
Великой Отечественной войны
Александра Старцева
из Пермского края, вяжет носки
для земляков-участников СВО.*

Пока в интернете ломают копья,
Оглохнув напрочь от злобного лая,
Друг другу пишут: «Да что б вы сдохли!»,
Носочки вяжет бабушка седая.
И отправляет на фронт солдату
С простым наказом: живым вернуться.
Не ищет правых и виноватых.
Болят суставы и плохо гнутся...
Почти сто лет уже той бабуле,
С сорок второго солдат спасала.
Сейчас не сможет уже под пули.
Но вот носочки сама связала.
Мелькают спицы, мелькают будни,
Спешит старушка связать носочки.
Успеть, пока сердце биться будет,
Согреть брата, мужа, отца, сыночка.

Документальная хроника времен Великой Отечественной войны

Всё для фронта, всё для Победы! – Наверное, сегодня это главное, всё остальное не важно. Иначе просто не выжить: не осознав это, не остановить жестокую, запущенную кем-то кровавую бойню – хотя любой мало-мальски мыслящий человек понимает, кем она запущена, для чего, откуда у этого «ноги растут».

А пока всё сильнее нарастает, продолжает полыхать это всепожирающее неистовое пламя, точно из самых адовых куш. И горит, разгорается оно, сжигая всё вокруг тебя, и вот, кажется, уже всю землю охватит это пламя, всё выжжет вместе со всем живым и сущим на земле, вместе со всей нашей родной родовой многовековой памятью. Словно какое-то жестокое, пронизанное звериной ненавистью марево окутывает, давит на нас со всех сторон, витает вокруг, над нами и оседает внутри нас, где-то в глубине души горьким, несмываемым осадком дыма и гари, разъедая и убивая в людях всё человеческое...

И вот уже – брат на брата меч поднял, сын на отца, мать дочь страшным словом проклясть готова!.. И трудно этому противостоять. Но нужно. Чтобы найти в себе силы разглядеть, понять на чьей стороне правда – нужно твёрдо уверовать – с нами Бог, а за нами Россия! Родина... И, если мы не защитим её, если не мы закроем собой – то кто?!

Андрей ПУЧКОВ

Сосновоборск Красноярского края

Удачный выстрел

– Ау-у-у-у! Степаныч!.. – услышал я сквозь сон голос Мишки-Черепы и, открыв глаза, уставился на мощные брёвна блиндажного потолка. Вставать не хотелось, тем более что сон шикарный приснился! Закрыть бы опять глаза, да досмотреть!..

– Ну и чё ты, как потерпевший, орёшь? – зевнул я, выбравшись из блиндажа в окоп, и, зябко поёжившись, вопросительно посмотрел на своего напарника. Мишка, приткнувшись к брустверу окопа, вкусно чавкал бутером и в бинокль всматривался в сторону нашего тыла.

– Чего, чего... – усмехнулся Мишка, не отрывая глаз от бинокля. – Новости у нас нарисовались! Гости, по-видимому!.. Сам вон глянь.

– Куда смотреть-то? – вздохнул я и ещё раз сладко, со слезой, зевнул.

– Да вон, возле бывшей водокачки восьмидесятый пристроился! Видишь?.. Из-за него тёмно-синий круизёр морду высунул. Вот на нём гости и прибыли.

– Ага, сейчас глянем, – пробормотал я и навёл свою СВД на кучку военных, которые топтались возле своих машин, с любопытством осматриваясь по сторонам. Прижался щекой к упору и, привычно убрав в прицеле полутени, поймал себя на мысли, что уже на автомате, машинально, подгоняю фигурки людей под разметку и определяю расстояние до них.

– Вот бы кто-нибудь сообщил им, что они на мушке у снайпера, – хихикнул Мишка. – На цирк бы посмотрели!.. На куриный!

– Это точно! – поддакнул я напарнику, не отрываясь от прицела. – Носиться начнут покруче клуш деревенских! Штабные почему-то думают, что суетливой беготнёй можно создать проблемы снайперу, – и я сплюнул, вспомнив, как «азовские» стрелки разом грохнули наших трёх штабных офицеров, которых нелёгкая занесла на передовую. Не получилось у них от пули убежать! От пули надо прятаться, а не бегать от неё!.. Хотя... если умеючи... А с другой стороны, откуда у них возьмутся эти довольно специфические навыки!

Мы с Мишкой уже отобедали, закончив греметь ложками по котелкам, и теперь неторопливо смаковали чай, заваренный с известными только нашему повару травами, когда в дверь блиндажа засунул голову «Гаврик» – невысокий худощавый татарин, исполняющий неизвестно какую роль при штабе, и заорал:

– Степаныч! Давай бери свою «черепушку» и ходи до Ма-
кляя! Дело у него к тебе.

– Сам ты «черепушка»! – заорал в ответ Мишка и запустил в посыльного пустым «цинком», который он использовал вместо пепельницы. «Гаврик», взвизгнув, спрятался за дверью и в ответ проорал что-то на языке родных осин.

– Мамай недобитый! – пробормотал Мишка и начал собирать окурки, разлетевшиеся по всему блиндажу. Я заржал – худощавое Мишкино лицо с кожей, обтягивающей прямой подбородок и скулы, действительно смахивало чем-то на стилизованный череп, отсюда и прозвище.

Сразу к командиру я не пошёл, отправил туда Мишку, а сам, чтобы разнюхать что к чему, направился к гостям.

– Здоров, ребята! – поприветствовал я бойцов, расположившихся рядом с прибывшим бэтээром, и присел на корточки, привалившись спиной к могучему колесу. – Откуда гости? Наши? Али как...

– А хрен его знает! – хмыкнул лежащий на крыше бэтээра боец, судя по масляным пятнам на камуфляже, механик-водитель. – Нам, батя, не докладывали, сдёрнули с места и отправили. Гости есть среди них или нет, нам знать без надобности.

– А чего они не на броне? А на этой фиговине, – кивнул я в

сторону японского красавца.

– А это они до первого обстрела форсят! – засмеялся другой боец, удобно развалившись на выложенной из битого кирпича лавке. – Как только первый раз прилетит, так сразу же внутрь забьются, а в следующий раз ещё и танк потребуют! Были уже случаи.

– Степаныч! Давай сюда! Ждут! – высунулся из командирского блиндажа Мишка и махнул мне рукой. Я поднялся, попрощался с бойцами и потопал к напарнику.

Почему нашего командира батальона, майора Свиридова Алексея Николаевича прозвали Маклаем, я не знал. Маклай и Маклай, не лучше и не хуже других. Хотя, подозреваю, что того немало поболтало по жизни, вот к нему и приклеилась фамилия русского путешественника Миклухо-Маклая.

– Проходите, присаживайтесь! – пригласил нас с Мишкой комбат и движением руки указал на свободные стулья, стоящие возле его стола, на котором была развёрнута крупномасштабная карта.

Как и ожидалось, у командира были гости. Два человека: один в гражданке, одет неприметно, тёмно-серая матерчатая куртка, чёрная футболка и тёмные штаны, но по манере держаться и по выправке сразу видно – кадровый военный. Примерно сорок пять лет, мой ровесник. Глаза спокойные, но не оставляло ощущение, что, в случае чего, они сразу же прищурятся и начнут выискивать цель. В общем, волк стреляный, и за себя, в случае чего, постоять сможет.

Второй, в отличие от своего напарника, практически неподвижно сидевшего за столом, на месте без движения усидеть не мог, всё время перебирал под столом ногами, словно ему жали ботинки. Руки тоже не знали покоя и жили своей суетливой жизнью, перекладывая на столешнице с места на место карандаши, ручки, линейки – всё, до чего могли дотянуться. Но больше всего меня в нём поразило его звание – полковник! И это несмотря на то, что ему от силы чуть за тридцать. Было видно, что третью звезду он получил недавно, так как время от времени косился на свои плечи. Сначала мне, со свету, грешным делом показалось, что это старлей. Но нет, точно – полкан! Большие звёзды едва поместились на маленьких погончиках новенького, пиксельного камуфляжа.

– Как вы уже знаете, – начал комбат, дождавшись, когда мы устроимся за столом, неделю назад к «азовцам» прибыла батарея гаубиц, которая расположилась в десятке километров отсюда, и три дня назад сработала по жилому сектору...

Майор помолчал, как будто давал нам время привыкнуть к этой мысли, а потом, приподнявшись на стуле, ткнув карандашом в карту, продолжил:

– Основные удары пришлось сюда и сюда. Есть погибшие – ребёнок и две женщины...

Новостью это не было. Мы это знали. Снаряды разорвались прямо во дворе пятиэтажки. Новостью было то, что комбат не представил ни нам гостей, ни нас гостям. Если в тайны играть начали, значит, точно какую-нибудь дрянь ожидать надо.

– Они это и без нас знают, – перебив вдруг командира батальона, сказал полковник и, взяв карандаш, постучал им по столу, словно ожидая, что кто-то из нас должен высказаться по этому поводу. Не дождался. – Они это знают, – повторил он и, ещё пару раз стукнув карандашом по столу, добавил: – Но они не знают, кто командовал батареей, обстрелявшей посёлок, – он помолчал немного, а затем, резко поднявшись, прошёлся по блиндажу и остановился за нашими с Мишкой спинами.

Я еле удержался от того, чтобы не обернуться к нему. Не люблю, когда у меня кто-то за спиной стоит. Напрягает, знаете ли.

Передо мной на стол упали несколько цветных, хорошего качества фотографий, на которых на фоне Киевского «Самсона» был запечатлён молодой мужик лет тридцати пяти. Лицо полное, но не заплывшее, стрижка короткая, под коричневой курткой надета тельняшка. Куртка, скорее всего, гражданская, никаких нашивок на ней не было, поэтому, определить принадлежность его к роду войск, да и вообще к вооружённым силам, было невозможно.

– Молейко Егор Демидович, полных тридцать семь лет, кадровый военный, капитан, служил в береговой обороне ВСУ в Крыму. В четырнадцатом году, после известных событий, сбежал на Украину. Несколько лет о нём ничего не было известно, кроме того, что он совершал набеги в зону конфликта, командуя обстрелами жилых зон. Три дня назад он опять всплыл, ну а результаты его появления вам уже известны.

Полковник вернулся на своё место, сел и, опять постучав

ручкой по столу, спросил:

– Вам, наверное, интересно, зачем я всё это рассказываю? У вас никаких мыслей на этот счёт не появилось?

– Появились мысли, – вздохнул я, – как не появиться? Я так понимаю, что этого Молейко Егора Демидовича надо ликвидировать, так сказать, в назидание другим, чтобы неповадно было. Тем более, что он на этот раз оказался довольно близко к нам. Отомстить, одним словом.

– Именно! Чтобы они тоже боялись, знали, что и они не бессмертны.

– Да, мы с этим согласны, – кивнул я и мельком глянул на напарника. Дождался, когда Мишка тоже кивнёт, и спросил: – Нам только не совсем понятно, каким образом снайпер, который должен будет убить этого типа, – ткнул я пальцем в фотографии, – подберётся к нему на дистанцию выстрела? До батареи, насколько я знаю, добрый десяток километров. Сколько-то мы пройдем по серой зоне, это вполне возможно, и мы, и добробатовцы там ходят. Однако останется ещё очень даже приличное расстояние, преодолеть которое весьма и весьма проблематично!

– Охотно верю! Проблема есть! – легко согласился полковник и, опять постучав карандашом по столешнице, добавил: – Но ведь эта проблема решаема! Уже ведь ходили и, насколько я знаю, не один раз! – Не дождавшись от нас каких-либо возражений, полковник посмотрел на своего молчаливого спутника и сказал: – Капитан, прошу Вас!

Поморщившись, как от зубной боли, тот, не глядя на своего большезвёздного соседа, вдруг выдал:

– Я изначально был против именно такого способа попадания на сопредельную территорию. И по-прежнему считаю, что...

– Я бы Вас, капитан, попросил держать при себе то, что Вы считаете! Решение принято, и Вам осталось только поделиться с исполнителями новостью.

– Я так понимаю, что Вы в исполнители назначили нас, – кивнул я в сторону Мишки, – и почему-то решили, что мы согласимся с этой самоубийственной авантюрой! Да! Ходили мы туда, но не более чем на два-три километра.

– Прошу Вас, капитан, сообщите, что нам удалось узнать! –

опять повторил полковник и, посмотрев на меня, добавил: – После того как вы узнаете, каким путём доберётесь до нужного места, я приведу вам доводы, почему именно Вы не только согласитесь, но и радостно побежите, чтобы пристрелить этого Молейко!

– Это правда ОН? – спросил я и, с трудом проглотив вставший в горле комок, посмотрел на капитана.

– Да, старшина, это именно он командовал обстрелом, когда погибли Ваши жена и сын. Ошибки быть не может. Поверьте, мы самым тщательным образом собираем доказательства виновности...

– Я знаю это, и потому верю Вам, – не дал я ему договорить, – давайте вашу идею, что придумали-то?

Капитан посмотрел на своего молодого начальника, и тот, вытащив из лежащей на столе папки карту, развернул её и, подвинув к нам, сказал:

– Зелёной линией обозначен ваш путь, по которому вы доберётесь почти что до самой батареи. Это коллектор. Если по-другому – подземные коммуникации, в которых когда-то проходили линии связи, принадлежащие Министерству обороны Советского Союза. Поскольку этим коллектором пользовались военные, информация о его наличии вообще и местоположении в частности была строго засекречена. Другими словами, о нём не знает никто и, по нашим сведениям, не знают до сих пор. Нам повезло, что бывшие военные, проходившие в те времена здесь службу, вспомнили о нём и предоставили нам сведения.

Полковник подался вперёд и ткнул карандашом в карту.

– Коллектор берёт начало в серой зоне, вот тут, – сместил он карандаш к зелёной точке, – а затем проходит под лесополосой, ширина которой составляет примерно сто метров. С обеих сторон от этой лесополосы имеются дороги, грунтовая и заасфальтированная, ведущие в посёлок, из которого и был произведён обстрел. Выход из коллектора расположен на территории бывшей воинской части, где имеются с десятков ныне разрушенных кирпичных зданий. От этих развалин до нужной нам батареи не более полукилометра. Я думаю, что эти руины можно использовать как позицию для стрельбы.

Словно во сне слушая бормотание штабиста, я не мог сосредоточиться на его словах.

Перед моими глазами всплыла дикая картина – мой сын, мой мальчик, лежит на спине, зажимая рану на груди ладонями, из-под которых толчками вырывается кровь...

Я поддерживаю голову сына, чувствуя, как его колотит мелкая дрожь. Потом он вздрагивает всем телом последний раз и затихает, обвиснув на моих руках. И тогда я начинаю выть. Я стою на коленях и, прижимая к себе неподвижное тело сына, вою, как волк, вою, тоскливо и протяжно, раскачиваясь из стороны в сторону...

– У тебя есть вопросы, старшина? – обратился ко мне полковник, игнорируя моего напарника.

– Нет, товарищ полковник, вопросов нет. Разве что... выйдем мы не завтра, а через три дня, в одиннадцать часов вечера.

Полковник несколько секунд разглядывал меня, словно впервые увидел, а потом спросил:

– Почему так долго? Почему через три?

– А я, товарищ полковник, не люблю торопиться, – пожал я плечами, – каждую охоту тщательно готовлю. Мне надо три дня!

– Хорошо!.. Три так три! На том и порешим. Надеюсь, за это время батарея позиции не поменяет. Всё, свободны!..

От отряда, который должен был нас сопровождать по серой зоне, я категорически отказался, заявив полковнику, что и два-то человека много, а если через зону начнёт ломиться целый отряд, то нас не заметит только ленивый. Мы идём вдвоём.

– Целых три дня! А ты чего столько дней-то запросил? – спросил меня Мишка, когда мы отошли от блиндажа комбата на приличное расстояние. – Чё сделать-то за это время хочешь?

– Какие там три, – усмехнулся я, – сегодня ночью и выйдем.

– Какого хрена?! Почему?!.. Ты чего, затылок, что ли, себе шокером почесал?!

– Сам подумай, мозгами пораскинь...

Несколько минут шли молча, а потом Мишка поинтересовался:

– Не веришь им?

– А ты веришь? – вопросом на вопрос ответил я.

– Честно говоря, теперь уже не очень. Уж больно у него как-

то всё гладко получается. Залезли. Прошли. Вылезли. Выстрел. Ушли обратно.

– Вот именно, – вздохнул я, – если об этом сооружении вспомнили наши военные, то могли вспомнить и украинские военные с той стороны, которые тогда тоже Союзу служили. И попадёмся мы с тобой, как куры в ощи́п.

– Тоже верно, – согласился напарник и, ускорив шаг, спросил: – Насколько я понимаю, мы сейчас топаете за бандеровским тряпьем?

Я кивнул.

О том, что мне надо в военкомат, я узнал совершенно случайно, от своего соседа, который после смерти моей семьи частенько забегал ко мне. Проверял, не наложил ли я на себя руки. У меня, если честно, были такие мысли.

Через три дня после смерти сына, не приходя в сознание, умерла и моя жена, раненная тем же взрывом. Жизнь после этого вообще смысл потеряла. Единственное, что несло облегчение, если это, конечно, можно так назвать: жена не узнала, что сын умер.

– Ты бы, Степаныч, к военным подавался, туда тебе щас дорога, – как-то раз посоветовал он, – может, и отведёшь душу-то. Завалишь бандеровца какого! Глядишь, и полегчает.

Сосед был прав, может, и полегчает, тем более, что находиться одному в пустой квартире было невыносимо.

– Слышал я о Вашем горе, – вздохнул военкоматовский подполковник, к которому меня направили как добровольца, – и сдаётся мне, что Вы теперь смерть искать будете.

– Нет, не буду, передумал уже, – усмехнулся я, – нельзя мне, командир, теперь умирать, должны мне эти твари слишком много! И пока они сполна со мной не рассчитаются, на тот свет я не собираюсь.

– Я так полагаю, что за это они с Вами никогда рассчитаться не смогут, – сказал подполковник и, открыв какой-то журнал, спросил:

– Что умеете-то хоть?

Умел я многое. За прожитые годы научился. Но главное, что было у меня за плечами, это умение стрелять.

Родился я в небольшой сибирской деревеньке, где основным промыслом была охота.

С отцом в лес ходил с десяти лет и в одиннадцать уже бил белку в глаз, в прямом смысле слова. Из мелкашки, конечно. Окончил школу-интернат, потом армия. Отслужив, в деревне уже жить не смог, скучно было. Молодость брала своё – хотелось движения и каких-то перемен. Поболтался по России-матушке, а потом судьба и забросила меня в украинский Донецк, где устроился на металлургический завод, встретил свою любовь, родил сына...

После окончания курса снайперов попал наконец-то на линию разграничения. Да.

Убивал! Много убивал! Думал, легче будет. Но нет, легче не становилось. Наверное, смертей должно быть больше. Ненависть грызла так, что ночами зубами скрипел. Даже мой напарник Мишка поначалу доводил это до моего сведения. Потом – ничего, привык, перестал внимание обращать. Когда удавалось подобраться к бандерлогам поближе, видел в прицел их усадые рожи и стрелял прямо им в хари!.. Стрелял, стрелял, стрелял!.. С удовольствием чувствуя, как в моё плечо толкается их смерть.

Не стали мы с Мишкой пользоваться обнаруженной штабом дорогой. Решили не рисковать и идти постаринке. Вышли часов в одиннадцать вечера, отмахали километров десять в сторону и уже там потихоньку перебрались на украинскую территорию. И, стараясь держаться подальше от дороги, вернулись почти к тому самому месту, откуда вышли.

Дальше не пошли, дождёмся, когда рассветёт, осмотримся и решим, что делать дальше.

Часов в девять утра по асфальтированной дороге, бегущей с одной стороны уже известной нам лесополосы, начали шнырять машины: и поодиночке, и в составе небольших колонн, и военные, и гражданские, проскочили несколько бэтээров. Над каждой машиной без исключения развевался жовто-блакитный флаг, а то и не один. Если с военными всё было понятно, то гражданские, скорее всего, нацепили флажки, чтобы обезопасить себя от защитников украинского отечества, путём демонстрации приверженности к идеалам украинской же демократии.

– Как ты думаешь, – спросил вдруг Мишка, когда мы, зама-

скировавшись возле дороги на небольшом пригорочке, осматривали окрестности, – этот полкан – москвич? Или наш? Местные своего такого вырастили.

Я пожал плечами:

– Думаю, что наш! – Сначала, правда, мне показалось, что москвич. Только у них в тридцать лет можно даже генералом стать, про полковников я вообще молчу! Но теперь, по-видимому, и на наших эта зараза перекинулась.

Время шло, ничего интересного пока не происходило, и мы решили, что ещё часок ждём, а потом начнём потихоньку двигаться. Но наши планы круто изменились. Осматриваясь в очередной раз, я заметил, как с украинской территории прямо в нашу сторону пылят бэтээр и две «Буханки».

– Глянь-ка, – толкнул я локтем Мишку и ткнул пальцем, куда надо смотреть.

– Вот же ж ё... прст! – выдал напарник, полюбовавшись на безрадостную картинку. – Что делать будем? Домой рванём? Здесь недалеко наша тропа есть.

Домой мне не хотелось, очень не хотелось. Тварь, которая убила мою семью, здесь пока. А если он сменит позиции? Резонанс о смерти ребёнка уже пошёл! Вполне может и сбежать. Ищи его потом. Если дела так и дальше пойдут, он, чего доброго, своей смертью подохнет, а этого я допустить никак не мог. Решение пришло само собой. Вернее, это самое решение приехало в виде расхлябанного, раскрашенного в камуфляжные цвета УАЗика.

– Так! Мишка! Давай цепляй на голову ихнюю кепку и айда на дорогу! – прошипел я и, вытащив из-за пазухи кепи с жёлто-синим флажком, напялил её себе на голову.

– Степаныч! Ты чего, на этот раз головушкой ночью в полткнулся, что ли? Мы ж с тобой на дороге будем, как три тополя...

– Вот именно, что будем. Обязательно будем. И попросимся, чтобы нас подвезли. Тем более, что вон, как раз и транспорт нарисовался! – И я, уже не скрываясь, встал и направился к дороге, размахивая, как мельница, руками.

– Оттуда? – кивнув в сторону серой зоны, спросил сидевший рядом с водителем мужик.

– Ага, оттуда, – буркнул я, расположившись позади него на

заднем сиденье. – Шуганули нас, еле смылись!

– Это бывает! – хохотнул мужик. – Сам до ранения хаживал, а потом всё, москали зацепили, отбежался! – и он постучал кулаком по своему бедру, показывая, по всей вероятности, куда его зацепили.

Кто это были такие, я не смог определить. Ни одной нашивки на форме не было. Да и самой формы-то не было! Какая-то смесь камуфляжа с «горкой». Подраненный москалями пассажир в годах, несуетливый, с неизменными усами и бритой головой, но не профессиональный военный, это сразу было заметно. Наверное, такой же, как и я, несколько лет под ружьём, не больше.

Второй – водила, молодой, года, наверное, двадцать два-двадцать три, может, чуть больше. Стрижка короткая, безусый. Этот на военного больше походил. Но опять же, чёрт его знает!.. Одет так же не в масть. Складывалось впечатление, что они выбирали себе одежду из кучи, в которую она была свалена. Находили, что получше, и надевали, не обращая внимания на то, что она у них получалась разного цвета.

– До кого направляетесь? – поинтересовался пожилой, когда мы уселись и пристроили стволы. – Если судить по винтарям, то до Дениса?

Я откровенно вытаращился на него и спросил:

– Ты, братан, от жизни отстал! Где тебя носило-то? Денисенко уже неделю как перебрался на полтора десятка километров южнее! До Черенка мы подались.

– А! Да-да-да!.. – хлопнул тот себя по лбу. – Как же, как же, знаю! Вася Черенок! С такой фамилией и кликухи не надо! – и он засмеялся, запрокинув бритую голову. Закашлялся, опустил стекло, смачно харкнул в окно, а потом, обернувшись к нам, сказал:

– А вот про Дениску забыл. Старею, видать, старею, – и он горестно покачал головой.

Я хмыкнул про себя: «Стареет он! Проверяльщик хренов! Наша разведка получше вашей работает. Ни разу ещё не подводила».

– Сколько москалей-то завалили? – спросил, мельком глянув на нас, водитель. Видно было, что хочется ему поговорить, скучно ему с таким напарником. А тут сразу двое свеженьких

попутчиков, да ещё и из запретной зоны пришедших. Как тут лясы не поточить про москалей треклятых...

Я посмотрел на усатого и, встретившись с ним взглядом, пожал плечами. Тот, встрепенувшись, ткнул водителя кулаком в плечо и прорычал:

– Ты, Сёма, рули лучше молча, коль не ведаешь, какие вопросы задавать можно, а какие нельзя. Он фыркнул и, откинувшись на спинку сиденья, повторил:

– Москалей завалили... надо же!.. Ты вот лучше скажи, – вдруг спросил он, – а чем ты-то сам от москаля отличаешься? У меня хоть усы вон есть! – и он ладонью пригладил длинные, обвисшие почти до подбородка усы. – А у тебя что? У тебя, Сёма, ничего, у тебя даже усов нет. Не растут они у тебя! Москаль ты, Сёма! – наконец выдал он и довольно расхохотался.

Ехали быстро, даже догнали пару воинских затентованных «Уралов», которые проехали десятью минутами раньше.

– Обгоняем? – спросил водила, коротко глянув на усатого.

– Да не, не стоит, – пробурчал тот, близоруко всматриваясь в идущие впереди машины, – отстань подальше от них, чтобы выхлоп не глотать, и едем за ними, не торопясь, а то и так быстро прём, на месте ждать придётся, – он повозился на сиденье, а потом, словно разговаривая сам с собой, пробормотал: – Терпеть не могу ждать...

Дальше ехали молча. Водила молчал, потому что обиделся, а усатый – потому что хотел спать. Он постоянно клевал носом, и когда голова падала на грудь, как конь дёргался, вскидывал голову, чтобы опять тут же начать клевать носом.

– Что, решили горилкой нервную систему подлечить? – засмеялся усатый, когда я попросил остановиться возле небольшого магазинчика, и мы с напарником выбрались из машины.

– Ага, как же, полечишь тут, – засмеялся Мишка, – здесь ничего крепче газводы нету! Защитники Отечества всё реквизируют, давненько уж завозить перестали.

– Это точно! Бойцы всегда в тонусе должны быть, по-другому никак, иначе разбегутся!.. – заржал усатый и захлопнул дверцу машины.

– Как думаешь Степаныч, кто это? – спросил Мишка, глядя

вслед машине и пристраивая винторез на ремень.

– Да хрен его знает, Миш! На бандерлогов или ещё на какую дрянь, вроде, не похожи, никаких цацек на себя не наклепили, – ответил я и внимательно осмотрелся.

– Что это вдруг – не похожи?.. Просто не каждый любит обвес носить, и всё.

– Ну, во-первых, трезвые они, хотя это не есть основной показатель, но значимый. Говорит, что ранен был? Брехня, в нынешние времена, настоящий вояка не будет хвастать ранением, полученным именно на этой войне. Скорее всего, рисовался перед новенькими, то бишь перед нами, а может, даже и перед своим водителем. Во-вторых, ты видел их рацию в машине?

– Видел, и чё? – хмыкнул напарник. – Рация-то причём?

– При том... плохенькая у них рация, слабенькая, да и сама машинка старовата. По этим признакам вроде на ВСУшников похожи, но сам же видел, не военные они. А бандеровцев западные покровители, да и местные спонсоры, нехило так снабжают, не держат они такого барахла.

– Ну да, похоже на то, – пробормотал Мишка и, перехватив бесшумку поудобнее, спросил: – А может, они того, по нашу душу! Присмотрелись. Торопиться им некуда, мгновенно сбегать мы не сможем. Понаблюдают за нами, а потом и возьмут, тёпленькими.

– Всё может быть, поэтому будь готов, если что...

– Всегда готов! – по-пионерски ответил Мишка и хихикнул.

– Хватит ржать, – прошипел я и осмотрел пустую улицу, – прятаться надо, чем быстрее, тем лучше. И, продолжая озираться, направился к неизвестно каким чудом сохранившемуся здесь, и что самое невероятное, продолжающему функционировать магазину.

Магазинчик был небольшой, однако, невзирая на это, рядом с окном был пристроен стол с тремя расшатанными стульями, по всей вероятности, для тех покупателей, которые пожелают прямо здесь и употребить свою покупку.

Я сел за стол и, осмотревшись, спросил у продавщицы – упитанной, улыбчивой женщины, одетой в модную по нынешним временам вышиванку.

– Что-то у вас здесь никого нет? Ни на улице, ни по оградам. Неделю назад другая картинка была!

Продавщица перестала улыбаться и, оглядев меня с ног до головы, тяжело вздохнула:

– Так попрятались все, мил человек! Страшно под бомбы-то попасть... вот и разбежались кто куда.

– Под какие такие бомбы? – не понял я. – Они же вроде как по домам не бьют.

– Бить-то не бьют, – опять вздохнув, сказала женщина и смахнула с прилавка несуществующие крошки, – Да вот только с нашей стороны, говорят, несколько дней назад к ним прилетело!.. Женщин да деток побило! Вот и боимся, что ответить могут.

– Ну да, ну да, – пробормотал я, выглядывая в окно, – всякое в наше время бывает. Вы, наверное, правы, поберечься людям надо.

– Сами-то что хотели? Если водочки, то нету её, давненько уже нету.

– Да не, – нам бы простой водички пару бутылочек, – улыбнулся продавщице стоящий возле прилавка Мишка и положил на прилавок пару помятых купюр, – желательно холодненькой, если есть, конечно. Жарко...

– Есть, хороший мой, есть холодненькая, как не быть-то, – засуетилась продавщица и нагнулась куда-то под прилавок. Покопошилась там и, вынырнув через несколько секунд назад, поставила на прилавок две запотевшие поллитровые бутылки с водой. – Может, ещё чего? Может, покушать?.. Пирожки с капусткой есть, свеженькие!

Мишка вопросительно посмотрел на меня.

– Бери по парочке, как раз и перекусим! – Мишка кивнул и добавил ещё купюру.

Пирожки мы заточили прямо там, в магазине, благо, что из окна улица просматривалась в обе стороны. И, если что, меры успели бы принять!

Если откровенно, то нам повезло! Дико, невероятно повезло! Здесь не было военных – ни армейцев, ни бандеровцев. В ожидании ответки разбежались все. Скорее всего, украинская армия сюда и не заходила, ни о чём таком наша разведка не докладывала. Зато бандерлоги водились! Это я знаю точно, сам видел, и не только видел!.. Выбирались мы с Мишкой пару раз на их территорию, хорошо тогда поработали.

– Что делать будем? – спросил напарник, когда мы, доев пи-

роги, покинули магазин и спрятались в палисаднике явно брошенного дома. – Может, рванём к воинской части, откуда батарею видно, заодно и окрестности рядом с входом в коллектор осмотрим?

– Не, Миш, опасно! Не такие уж мы с тобой гении маскировки и разведки! Если вход под охраной окажется, чем отбрезхиваться будем? А если вдруг нашумим, значит, нам дорога только в серую зону и останется, если, конечно, живы будем...

– А что тогда?

– А мы, Миш, прямо по дороге, не скрываясь, потопаем скорым шагом прямо к батарее.

– Очумел?! Заметят же на раз!

– Конечно, заметят! В первую очередь местные жители и заметят, им, в отличие от бандеровцев, бежать некуда, дома они. По подвалам сидят...

– А если позвонят кому? Наблюдателей у них здесь не может не быть.

– Ну и пускай звонят, патрули в прифронтовой территории никто не отменял. Тем более, что мы с тобой в их цвета выпачканы, вроде как свои.

– А если нарвёмся...

– А если нарвёмся на их патруль, то действуем по обстановке.

– Ну, ты наглец Степаныч! Мне нравится...

– А мне нет, – прошипел я и, прижимаясь к заборам и домам, побежал в сторону расположения батареи.

Один раз нам повезло, успели заметить группу людей раньше, чем они, нас. Упали на землю и, как раки, пятясь задом, сдали назад, а потом, опять вскочив, рванули через узкий переулочек на другую улицу.

Попались, когда уже прошли почти весь частный сектор и вышли к двухэтажным домам. Пригнувшись, я высунулся из-за палисадника, осматривая улицу, и буквально всей кожей почувствовал, что на меня смотрят. Обернулся и, заметив на другой стороне улицы троих военных, внимательно нас разглядывающих, стал тыкать пальцем вверх и махать рукой – прячьтесь мол.

Те недоумённо уставились в небо, а я, приняв слегка в сторону, чтобы не оказаться на линии Мишкиного огня, демонстра-

тивно поглядывая в небо, короткими перебежками сам побежал к ним. Нагнать – так уж по полной программе!

– Вы чего так выперлись? – спросил я, выпучив на них глаза.
– Жить, что ли надоело?

– Чё это вдруг жить надоело? – спросил самый старший по виду мужик и махнул рукой, чтобы в меня не тыкали стволами.
– Чё нам тут может угрожать? Мы вроде как дома, – хохотнул он, и меня обдало густым запахом перегара.

– А вас теперь могут пристрелить прямо оттуда, – ткнул я пальцем в небо, – и дом родной не поможет! Неужто ещё не видели?..

– А чего мы там должны увидеть? Авиации-то у сепаров нету, – задрал голову вверх второй и, сняв с головы кепи с трезубцем, вытер ею потное лицо.

– Дрон вы должны были увидеть! – рявкнул я и со злостью уставился на старшего, всем своим видом давая понять, что его веселья не поддерживаю, – И не простой дрон, а дрон, из которого можно за километр запросто дырку в голове сделать.

– Да ладно! Брешь! – не поверил старший, но благоразумно подался поглубже под раскинувшиеся ветки черёмухи,azole которой они и стояли.

– Ага, специально вас искал, чтобы побрехать, – окрысился я и, сунув ему под нос СВД, сказал: – Уже целый час за ним охотимся, но его, падлу, сбить трудно, всё время движется...

В это время, как будто в подтверждение моих слов, где-то недалеко, за домами, раздались один за другим два выстрела.

– Вот чёрт! – выругался я. – Там наши были!.. Сидите пока здесь и не высовывайтесь! – и, не обращая больше внимания на забившихся под черёмуху бандеровцев, махнув напарнику рукой, побежал в сторону, откуда раздавались выстрелы.

Вечер и ночь провели в старом полуразвалившемся сарае, который доживал свой век на краю картофельного поля, в сотне метров от хозяйского дома. Владельцы у поля были, убежать не стали и спокойно занимались своими домашними делами, совершенно безбоязненно расхаживая по двору. Не поверили, наверное, что наши могут открыть стрельбу из орудий по жилым домам. К сараю же даже не делали попыток приблизиться, по всей вероятности, давно уже поставили крест на когда-то нужной постройке.

Батарею обнаружили без труда, ещё с вечера. Бандеровцы разместили её прямо во дворе стоящих буквой «П» трёх кирпичных двухэтажных домов. Им даже не было нужды маскировать орудия, они знали, что, если наши узнают о ней, всё равно ответить не смогут.

Слишком близко к домам орудия были размещены.

Рано утром, под прикрытием разросшихся кустов сирени, которая, как сорняк, за несколько лет заполонила всё вокруг, подобрались к ближайшей двухэтажке и, стараясь не шуметь, через окно забрались в пустующую квартиру, расположенную на первом этаже.

Эту квартирку я заметил уже давно, в ней не уцелело ни одного окна, причём причину разрушения стёкол мы так и не смогли установить. В пределах видимости не было ни одной воронки от крупнокалиберных снарядов, взрывной волной которых могло бы выбить стёкла. Ни пулевых отверстий, ни осколочных, ничего такого. Скорее всего, окна были просто выбиты изнутри, и теперь квартира, словно обидевшись на то, что с ней сотворили, оскалилась на мир острыми осколками стёкол.

Приоткрыв дверь квартиры, несколько минут прислушивались, и только убедившись, что в подъезде никого нет, стараясь даже не дышать, поднялись на второй этаж, где, соблюдая максимальную осторожность, через подъездный люк потихоньку забрались на чердак.

Позиция была на загляденье. Одно из слуховых окон как раз выходило на батарею. Крыша под окном круто уходила вниз и не мешала обзору. До орудий недалеко, метров сто пятьдесят, не больше. В случае чего, отступить смогли бы быстро, скатиться с чердака до первого этажа – дело нескольких секунд, но мы рассчитывали, что в таком темпе ретироваться не придётся. Стрелять из СВД по вполне понятным причинам было невозможно, грохот будет такой, что нас даже с другого конца посёлка вычислят! Из «винтореза» же – в самый раз! Никто ничего не услышит. Пока разберутся, что, кто и откуда, мы уже будем далеко...

Молейко нарисовался вечером, я уж было подумал, что всё, сегодня нам не повезёт. Но нет! Вот он! Гад! Приехал! Выбрался из патриотичной жёлто-синей «Нивы» и, не торопясь, этак по-барски, начал осматривать своё хозяйство. На пьяные вы-

крики своих бойцов, кучковавшихся возле деревянного стола со стоящей на нём бутылкой с мутной жидкостью, он благоразумно внимания не обратил. Понимал, что это не вооружённые силы, эти могут спяну и морду набить. Постоял немного, а потом, как будто почувствовав неладное, начал с тревогой осматриваться.

– Пора, Степаныч! – прошептал Мишка. – Эта сволочь заподозрила что-то, как бы не смылся!..

– Не успеет, – усмехнулся я, и навёл сетку прицела на пах убийцы своей семьи. «Винторез» дёрнулся, клацнув затвором, и Молейко согнулся, схватившись руками за низ живота. Он заорал не сразу, постоял скрюченным пару секунд, пока жуткая боль не захлестнула его мозг полностью, а потом, завалившись на бок, завизжал. Он орал громко и страшно, не переставая тянул и тянул на одной ноте, как будто у него вместо лёгких были установлены кузнечные меха.

– Это ещё не всё, сука! – ощерился я и, прицелившись ему в коленную чашечку, нажал на спусковой крючок. Визг резко оборвался и перешёл в хрип. Молейко, продолжая зажимать пах одной рукой, пытался другой рукой дотянуться до искалеченного девятимиллиметровой пулей колена. Я перевёл прицел на его лицо и с удовольствием увидел перекошенный в крике рот, из которого обильно текла кровь.

– Миш! – повернулся я к своему напарнику, лежащему рядом со мной. – А ведь он себе язык откусил! И опять прикинул к прицелу, злорадно прошептал: – Но я ещё с тобой не закончил! Продолжим... – и следующим выстрелом раздробил лежащему на земле человеку второе колено.

– Надо уходить! – раздался над самым ухом Мишкин голос. – Ты слышишь, Степаныч! Всё! Уходим!.. Степаныч... – и напарник вдруг захихикал: – Степаныч!.. Хватит храпеть, а то всех бандерлогов распугаешь.

– Да всё, всё... проснулся уже, – пробормотал я и сел, привалившись к печной трубе спиной. Подождал, пока сердце перестанет скакать в груди, вытер рукавом взмокшее лицо и спросил:

– Чё там? Новости, есть какие?

– Не, пока ничего нового, тихо, – ответил напарник и, сплунув, добавил: – Если завтра не появится, надо будет сва-

ливать...

– Согласен, – пробормотал я и прикрыл глаза, чтобы Мишка не заметил моего страха.

Я боялся! Реально боялся того, что, когда придёт время, я не выдержу, и всё произойдёт, как в этом сне. В этом кошмаре, где я перестал быть человеком. В кошмаре, в котором мою душу терзала радость осознания того, что от моей руки в муках умирал человек, пускай даже такая мразь, как этот Молейко.

Он появился, когда уже начало темнеть. Пришёл пешком, в компании двух военных.

Это были именно военные, форма которых была оснащена всеми положенными атрибутами вооружённых сил Украины. Сам же Молейко был одет в камуфляж без знаков отличия. Скорее всего, специально не обозначал себя как кадрового военного, чтобы обстрелы не приписали украинской армии.

Все трое остановились посреди двора, прямо напротив заданных кверху стволов орудий. Поговорили о чём-то, энергично жестикулируя руками, а потом разошлись каждый к своему орудью и начали копошиться возле их щитков.

– Прицелы, суки, снимают! – прошипел Мишка и, положив бинокль, взялся за СВД.

– Даже не думай! – цыкнул я на него. – Успеешь ещё...

– Ты тоже не тяни, а то стемнеет, и хрен мы его больше увидим! Сматываются они...

– Вижу... – пробормотал я и, отойдя от слухового окна на пару шагов, упёрся плечом в вертикальную стойку, поддерживающую крышу. Несколько раз глубоко вздохнул, а потом, выдохнув, поймал в прицеле «винтореза» стриженный затылок Молейко, копошившегося возле орудийного щитка, и плавненько потянул спуск.

Клацнула затворная рама, и раздался показавшийся мне оглушительным под шиферной крышей хлопок. Я опять посмотрел в прицел и увидел, что Молейко замер, просунувшись головой вперёд, к орудийному казённику. Его тело неподвижно стояло на коленях, привалившись к станине, из-под которой уже начала расползаться чёрная лужа.

Выбрались из дома удачно. Спокойно спустились с чердака в

разгромленную квартиру и под прикрытием сирени выпрыгнули из окна. Никто нас не увидел, и мы ни на кого умудрились не нарваться. Нам повезло, что труп Молейко не упал. По всей вероятности, какое-то время на него вообще не будут обращать внимания – стоит себе на коленях человек и стоит, работает.. Это давало нам хорошую фору во времени.

Обратно шли той же дорогой, на улицах по-прежнему было пусто. Пару раз, правда, встретили парный патруль, который, к своим обязанностям относился совершенно по-хамски. Первые даже не удосужились поинтересоваться, кто мы вообще такие. Скорее всего, решили, что если идём с их стороны, значит, свои. Вторые оказались бдительнее, даже поинтересовались, кто и откуда, однако, услышав всё про того же Черенка, заведовавшего снайперскими делами, махнули нам рукой и потопали дальше.

До магазинчика добрались без особых проблем. Забрались в уже знакомый палисадник и, осторожно поглядывая между заборных жердин, размышляли, где зайти в серую зону – здесь, прямо отсюда, напрямки, либо же опять отмахать конец в сторону и уже там податься к своим. Со вторым вариантом были проблемы, пришлось бы ждать темноты, что не есть хорошо, так как после убийства Молейко довольно быстро сложат два плюс два и начнут шерстить территорию. Да и первый вариант, честно говоря, – паршивенький, здесь частенько ходили и мы, и они. Так что, можно нарваться по-крупному..

– Степаныч! А если мы опять уедем!.. По-наглomu сядем и уедем! – сказал вдруг Мишка и мотнул головой в сторону магазинчика. – Гляди, что-то советское прибывает.

– Едем! – не стал я долго раздумывать и, присмотревшись к старенькой шестёрке, остановившейся возле магазина, выбрался из кустов. Подождал напарника и вразвалочку направился к машине, лениво поглядывая по сторонам.

– Здорово, батя! – поздоровался Мишка с выбравшимся из машины мужиком и, заглянув в её салон, спросил:

– Куда едешь-то?

– И вам не хворать, – настороженно ответил мужик, с опаской поглядывая то на меня, то на Мишку, – до дому я еду, вот решил внукам конфеток прикупить...

Этот мужик не мог быть подставой! Да и вообще, подставу

за столь короткое время нереально организовать. И потом, невозможно так сыграть обывателя, напуганного собственными защитниками. Будь он моложе, держался бы по-другому, поувереннее, что ли... Молодые не так ценят жизнь, как люди, уже умудрённые годами. Этому было за шестьдесят с гаком, с приличным таким гаком. Одет просто, тёмные штаны, серая, покрытая пятнами пота футболка и красная, замусоленная бейсбольная кепи. И ещё руки, таких рук не может быть у военного. Грубые большие ладони, узловатые суставы. В поры кожи и на лице, и на руках навсегда въелась угольная пыль.

– А чё хотели-то? – тяжело вздохнув, спросил мужик, осмотрев пустую улицу.

– Ты, батя, не согласишься ли увезти нас на десяток километров во-о-о-н туда? – спросил Мишка и показал пальцем в ту сторону, откуда тот только что приехал.

– Коли по-хорошему просят, что ж не увезти-то, можно и увезти, – пробормотал мужик, обречённо пожав плечами. Опять загрузился в машину, запустил двигатель и, подождав, пока я устроюсь на переднем сиденье, негромко сказал:

– Странные вы какие-то! У меня дважды машину просто забирали! Водитель им не нужен был. Благо, хоть не сожгли!.. Благодетели... – и совсем уж тихо, себе под нос, думая, что я не услышу, добавил: – Недобитые...

– Ну! И как прикажете всё это понимать? – обратился к нам комбат, когда мы с Мишкой перестали возиться, удобнее устроиваясь за командирским столом.

– А что, собственно, Вы должны понять? – наивно осведомился я и, переглянувшись с напарником, в недоумении пожал плечами.

– А я сейчас объясню, – хмыкнул комбат и, опёршись могучими руками на жалобно застонавшую столешницу, наклонился к нам.

В такой позе командир был похож на гориллу. Представив, как комбат бьёт себя в грудь кулачищами и ухает, я поспешно отвернулся, чтобы он не заметил моей улыбки. Он заметил.

– Какого чёрта ты ржёшь, как конь?! – рявкнул комбат и, выпрямившись, заложил руки за спину. – Ночью мне передали перехваченные переговоры, из которых следует, что кто-то,

подобравшись к Молейко, с близкого расстояния снёс ему полбашки девятимиллиметровой пулей, выпущенной предположительно из «винтореза», так как выстрела никто не слышал! И он покосился на Мишкину бесшумку, которую тот пристроил рядом с моей снайперкой в небольшой пирамиде, установленной возле входа. – А насколько мне известно, – уже спокойнее добавил он, – выйти вы должны только сегодня вечером. Поэтому готов выслушать ваши версии этого, несомненно, радостного события.

– Может, он в карты большую сумму проиграл, а отдавать не захотел? Сами же знаете его... Гад! Вот его свои же и того... порешили. Карточный долг – это, знаете ли, серьёзно... – явно сдерживаясь, чтобы не засмеяться, ответил Мишка и, желая найти в моём лице поддержку, выразительно покосился в мою сторону.

– Ну а что, версия как версия, вполне имеет право на жизнь. Сами ведь знаете, какие нравы царят у бандеровцев. Тут тебе и пьянки, и азартные игры, и скандалы с драками! И даже – кто бы мог подумать, девицы легкомысленные! – согласно кивая, поддакнул я.

– Идите вы, знаете куда, со своим карточным долгом и девками! – вздохнув, сказал комбат и, сев на подозрительно заскрипевший под его тушей стул, добавил: – Это всё было бы, конечно, очень хорошо, если бы эту операцию планировал и разрабатывал не лично наш... – комбат споткнулся и, покосившись на дверь, продолжил: – молодой звёздный друг из штаба.

– А что такого?! Какая разница, кто планировал? Дело-то сделано! И сделано чисто! – удивился Мишка и, совершенно не по-уставному поставив на стол локти, уставился на командира.

– Для него – большая! – вздохнул комбат. – Это его детище, и пройти ликвидация должна была по его плану. Он прекрасно понимает, что не дорос ещё даже до звания подполковника, не говоря уж о трёх звёздах. Ему надо продемонстрировать руководству, что он в состоянии проворачивать сложные операции!.. А тут – на тебе!.. Исполнители гладенько провернули всё на свой страх и риск... по своему, так сказать, плану, а он, получается, как бы и не при делах. Значит, при таком раскладе лавровой ветки ему не положено.

– Другими словами, дитя обиделось, что вышло не по его? –

спросил я и, усмехнувшись, посмотрел на комбата.

Ответить тот не успел, с грохотом распахнулась дверь, и в блиндаж стремительно зашёл полковник. Мы встали. Следом за полковником вошёл уже знакомый нам капитан от разведки.

Сесть нам полковник не предложил, но и сам не сажился. Стоял, переводил взгляд с меня на Мишку и обратно. Он был в ярости, это просматривалось невооружённым взглядом – челюсти сжаты, желваки так и перекатываются, будто он что-то пережёвывает, подбородок вздёрнут, ноздри раздуваются...

Я, грешным делом, подумал, что сейчас заорёт. К его чести, не заорал, сдержался. Посмотрел на комбата и задал ему совершенно идиотский, по моему мнению, вопрос:

– Скажи, майор, почему эти двое, – кивок в нашу сторону, – не выполнили приказ?

– Насколько я знаю, приказ выполнен... – начал было комбат, но полковник договорить ему не дал.

– Эти двое нарушили приказ, отступив от утверждённого плана, чем поставили под угрозу срыва всю операцию!

– А почему бы Вам об этом у них не узнать? – спросил вдруг комбат, которого этот цирк, по всей вероятности, совершенно не устраивал, и он, не спрашивая разрешения у старшего по званию, сел на своё место за столом и вызывающе стал разглядывать полковника.

Я тяжело вздохнул. Ситуация из-за пустяка пошла в разнос и, чего доброго, может навредить хорошему человеку.

– Вы позволите, товарищ полковник? – спросил я и, пододвинув стул к столу, сел.

Полковник удивлённо посмотрел на меня, словно увидел говорящий холодильник.

– Да, конечно, старшина, прошу Вас! – вмешался, не дожидаясь ответа полковника прибывший с ним разведчик, взмахом руки предлагая сесть ещё и Мишке.

– Так почему же всё пошло не по плану? – спросил уже он и тоже сел за стол.

– Это элементарно, – пожал я плечами, – нам просто хотелось ещё пожить.

– В смысле, пожить?

– В том смысле, что если мы знали об этом коллекторе, то о нём могли знать и там!.. Неужели никто не удосужился рассмо-

треть этот вариант?

– Ну почему же не удосужились, очень даже рассматривали, но всё же было принято решение, что на той стороне об этом коллекторе не знают, поэтому вам и был предложен это путь, – и он покосился на продолжающего стоять полковника.

Заметив взгляд капитана, полковник сел и, побарабанив пальцами по столу, спросил:

– Так почему же вы не только не выполнили ясный и чёткий приказ, но и не вышли в назначенное вами же время? – подрагивающим от напряжения голосом спросил он.

Я вздохнул: «О чём говорить с человеком, который не слышит, что ты ему говоришь? Он разве не слышал моего ответа? Не понял его? Слышал. Понял. А если слышал и понял, тогда с ним надо по-другому, чтобы наверняка дошло».

– Мы пошли другим путём, так как подозревали, что нас там будут ждать, – чётко, по-уставному доложил я и, дождавшись, когда до собеседника дойдёт смысл сказанного, добавил: – Как впоследствии выяснилось, наши опасения были не напрасны! Возвращаясь назад после выполнения задания, мы прошли возле выхода из коллектора и обнаружили там засаду. Грамотную засаду. Если бы мы подошли к ней не сзади, мы бы её не засекли. Нас ждали на выходе из коллектора.

– Что ты... несёшь!.. – прорычал полковник, и его лицо пошло красными пятнами.

– Товарищ полковник, – слегка повысил я голос и встал из-за стола, – я далёк от мысли, что нас отправили этим путём специально, чтобы мы нарвались на бандеровцев. Но, видя Ваше недовольство тем, что мы не придерживались плана, невзирая на то, что задание нами выполнено, расстояние до этой мысли стремительно сокращается!..

Не дожидаясь, когда полковник перестанет, как рыба, открывать и закрывать рот, я, сделав знак Мишке, пошёл к выходу.

Когда мы отошли от штаба уже метров на двести, нас догнал капитан и, придерживая меня за руку, спросил:

– Сколько человек вы смогли обнаружить и на каком расстоянии они находились от выхода из коллектора? Это важно!

– А чёрт его знает, сколько их было, и на каком расстоянии они находились, – усмехнулся я, – мы ещё из ума не выжили, чтобы шарахаться возле возможной засады.

Капитан несколько секунд ошарашенно смотрел мне в лицо, а потом, посмотрев в сторону штаба, задумчиво произнёс:

– Значит, вы это придумали как бы в воспитательных целях, что ли?

Я молча пожал плечами. Проверить это никто не сможет, значит, правда то, что я сказал.

– Ну что же, может, оно и к лучшему, – не дождавшись от меня ответа, усмехнулся вдруг капитан, – пускай теперь помучается, в следующий раз будет слушать не только себя. Сам бы я тоже ни за что в жизни в эти катакомбы голову не засунул. Вы, ребята, не держите на него зла, он умный парень, просто молод ещё, самоуверенности в нём пока выше крыши. Обломается со временем!.. И он, взмахом руки попрощавшись с нами, скорым шагом направился обратно в штаб.

– Обломаться то обломается, – пробормотал напарник, когда капитан отошёл на приличное расстояние, – хорошо, если за время собственного облома он никого угробить не успеет, – и, положив винторез, как ляльку, на руки, с мечтательным вздохом добавил: – Э-э-э-х! Водочки бы сейчас холодненькой стаканчик!.. Да щец бы наваристых!.. Да дивчину сговорчивую!..

– Ну и что же ты хочешь от меня услышать?! – прошипел я, заметив, как напарник, косится в мою сторону, вместо того, чтобы наблюдать за окопавшимся в трёхстах метрах от нас противником. – Ты уже два дня вопросительно сопишь и спишь за моей спиной!.. Ничего я не почувствовал, Миша!.. Ничего!.. Оттого, что я прострелил череп этой сволочи, легче мне не стало!.. Если ты, конечно, именно об этом хочешь узнать!

– Об этом, – пробормотал Мишка и, шмыгнув носом, припал глазом к трубе, потом опять покосился на меня и негромко сказал: – Знаешь, Степаныч, я надеялся, что тебе всё-таки полегчает... вроде как отомстил же!..

– Я тоже на это надеялся, ты уж поверь, очень надеялся... – вздохнул я и сел на невесть откуда взявшуюся в окопе табуретку. Помолчал, разглядывая усиленную досками земляную стенку, и повторил: – Очень!.. Но там, – ткнул я большим пальцем в небо, – видимо, всё по-другому расписано. Что-то должно быть ещё, вот только знать бы, что...

– Ого! Смотри-ка, Степаныч! – хохотнул вдруг Мишка, не отрываясь от своей трубы, – А у нас оказывается новости! Походу, вместо бандерлогов ВСУ-шников пригнали! Глянь сам, форма у этих армейская.

Вздохнув, я поднялся, устроил винтовку на упоре поудобнее, посмотрел в прицел и еле сдержался, чтобы не отдёргнуть от него голову. Прямо мне в глаза смотрел молоденький пацан, лет восемнадцати, не больше. Как и моему сыну... Белобрысый, курносый, с явно просматривающимися веснушками. Из-под лихо сдвинутой на затылок кепки поблёскивают любопытные глаза, не ведающие ещё страха. Он смотрел в нашу сторону и, наверное, не понимал, почему нас надо бояться. Он не знал, кто мы такие, и высунулся в надежде увидеть, с кем ему предстоит иметь дело.

– Что же ты каску-то даже не надел? – пробормотал я и, прицелившись чуть выше и левее его головы, потянул за спусковой крючок. Увидев, как возле его головы взвился фонтанчик земли, опустил на корточки, поставил винтовку между колен и закрыл глаза.

– Степаныч, ты что, промахнулся, что ли?! С такого-то расстояния?.. – раздался удивлённый голос напарника.

– Нет, Миша, не промахнулся!.. – улыбнулся я и, буквально физически ощущая, как скатывается с моей души глыба несостоявшейся смерти этого голубоглазого мальчишки, добавил: – Напротив, Миш, это мой самый удачный выстрел... самый удачный...

Андрей ЭЙСМОНТ
Бийск

БОЛЬНО

Укрыта жухлая трава
нежнейшим снегом,
великий праздник Покрова
пропитан негой.

Но звон – как плач колоколов
по убиенным.
Им вереница пацанов
идёт на смену.

Рыдает, стонет нынче Русь
в нападках фальши.
Врагов невиданный союз!
И как жить дальше?

Как будто сотню лет тому –
вновь брат на брата.
И бьются, бьются! Не поймут,
в чём виноваты.

И снова плачут на Руси
иконы в храмах...
В крови сыночек попросил:
«Не плачьте, мама!»

Глаза у тысяч матерей
взывают к Богу:
«Спаси от смерти сыновей!
Свет им в дорогу».

И Богородица с небес
всех окрестила.
И падал снег на храм, на лес,
и больно было...

ПОД ВОЙ ОСИПШЕГО СНАРЯДА

Вздымали черти чернозём
на огороде бабы Нюры,
Вгрызались с визгом в отчий дом
упёртой дюже старой дуры.
Орали нервно в ухо ей
под вой осипшего снаряда:
«Беги! Ползи! Быстрей, быстрей!
Тебе теперь чего здесь надо?»

На образа перекрестясь,
она в окно клюкой махнула:
«Я здесь когда-то родилась,
впервые воздуха вдохнула.
Мне с материнским молоком
в далёком жутком сорок первом
достались этот старый дом,
клочок земли, стальные нервы.

Молилась: «Господи, спаси
и сохрани больные души!
Открой им светлые пути!».
И Бог её печально слушал...
Слезой прозрачной по свече
тепло стекало прямо на пол.
Молилась днём, среди ночей...
Господь вникал. И с нею плакал.

ТОЧКА

Солнышко встаёт над пепелищем,
Нежно гладит рыжего кота.
Одинокий кот – голодный хищник.
Жизнь – не жизнь – сплошная маята.

Разомлел на коврике, пропахшем
Дымом, гарью, проклятой войной.
Вместо дома – ветхий грязный ящик.
По ночам снарядов волчий вой.

Он дремал, вздыхал и долго думал:
Отчего всё так и почему.
Кто послал в счастливый тёплый угол
Гром и смерть с названьем «Точка-У».

Там, где солнышко встаёт над пепелищем,
Рыжий-рыжий опалённый кот.
Он не бродит, никого не ищет,
Просто так – домой хозяев ждёт.

ВЕСНОЙ ЕЩЁ НЕ ТО БЫВАЕТ

Кивнул подснежник головой,
счастливый к брустверу прижался.
Над ним смертельный жуткий бой,
весь мир от страха в землю вжался.

Визжали пули. Скрежет. Лязг.
Кровавый след на дне окопа.
А он далёк от всяких дряг –
пустые хлопоты Европы.

Теплели синие глаза,
смотря на это чудо света.
И по щеке ползла слеза,
от солнца вешнего согрета.

Прониклась ясностью душа,
что хрупкий мир, нежнейше-тонок.
И замерла, едва дыша,...
и потянулась как ребёнок...

И смерть ушла, потупив взгляд.
Сто раз кукушка куковала.
Неразорвавшийся снаряд...
Пусть миг, но счастье ликовало....

И тишина. И ветерок.
Цветок на бруствере кивает.
Улыбка. В каске паренёк...
Весной ещё не то бывает...

Евгений БУНТОВ
Екатеринбург

Не безумствую, не ропщу.
Только дней подъедая крохи,
я приметы войны ищу,
сердца всплеск затаив на вдохе.

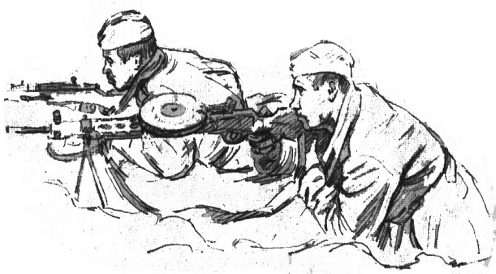
В одиночных прострелах звёзд
застревая бессонным взглядом,
ощущаю – уже всерьёз –
как беда затаилась рядом!

Дня осколки уносит прочь
водостока окопный ров.
И на окрик стреляет ночь
пустоглазьем глухих дворов.

Липкой памяти не соврать.
Груз предчувствий, как мусор – в грудку –
заставляет в хмелю орать:
не хочу, не могу, не буду!

Но сбиваясь на ротный шаг,
вновь встаю под ветров знамёна.
Под тельняшкой – где душа –
автоматным ремнём клеймёно!..

Иную долю поищи –
И возвращайся ниоткуда!
Земли могильные прыщи
Таят вселенскую остуду.
И душу нечем веселить,
Когда под сердцем млечный омут.
И невозможно по-другому –
Все беды с Родиной делить!

Устав лежать в простуженной земле,
сквозь толщу лет, поросшую травой,
с младенческой улыбкой на челе
солдаты возвращаются домой.

И, соблюдая вечности закон,
у женщин – тех, что ждут, не разлюбив,
в утробах шевельнулись – так легко
оборванную жизнь возобновив.

Из смерти преждевременных оков
опять они являются на свет.
Но память неопознанных веков
уже томится в детской голове.

Судьбы круговорот глухонемой.
Течёт меж пальцев времени вода.
Солдаты возвращаются домой,
чтоб вновь уйти однажды навсегда.

ДОНБАССКИЕ КУПЛЕТЫ (ополченские)

Что ж ты, Киевская Русь, на меня наводишь грусть?
Пробуждает непокой плач бандуры над рекой.

Гаснут свечи у икон. Прах Бандеры ветерком
закружило, понесло – лютой болью проросло...

Зол майдан, да пуст карман, во всю голову дурман!
Зелья вкус давно не нов от заморских колдунов.

Перепахались умы в цвет коричневой чумы.
В бездну скользкая тропа под знамёнами УПА.

Что ж ты, Киевская Русь, на меня наводишь грусть?!
Стёрта память добела. Кривду в Раду – ну, дела!

Ничего святого нет. И раскольник Филарет
Прикрывается крестом, словно фиговым листом.

Ввысь бы взмыть – да пала ниц. Власть воров на власть убийц
Поменяла, понеслась... За три гривны продалась.

Что ж ты, Киевская Русь, на меня наводишь грусть?!
Ноги в пляс – лишь зуб оскаль! «Кто не скачет, тот москаль»...

Плачут пращуры с небес. Автомат наперевес.
Люд разлили не водой – межславянскою враждой.

В мутной бешеной воде ловят рыбку, да не те...
Не Петро и не Игнат, а хазарский каганат!

Но от века не потух на Донбассе русских дух.
Знамя Спаса на крови, мир славян благослови!

Ой, ты, Киевская Русь, о тебе, родной, молюсь.
Чтоб очнулась, гой еси, колыбель святой Руси!

Дмитрий КАЮШКИН
Бийск

Отцы и дети фантазмагория

Иногда мирная размеренная жизнь приобретает чудовищный окрас. И то, что вчера казалось абсолютно невозможным, немислимым, из разряда иррационального, сегодня воплотилось в кошмарную реальность.

Стопроцентно утверждать, что подобным образом рассуждал Денис Игоревич Овчаров или именно таким умозаключениям соответствовало его ощущение происходящего – не представлялось возможным даже среди ближайшего окружения. Причина заключалась в немногословности и неизменной армейской выдержке вполне зрелого и состоявшегося отца маленького дружного семейства.

Тем не менее, события настоящих дней воспринимались им остро, болезненно и в некоторой степени драматично. Нет, не было никакой растерянности, истерии, паники. Да её, в принципе, не могло и быть, ибо по складу характера и богатому жизненному опыту отставной офицер, а ныне закалённый хаосом девяностых и нулевых опытный производственник, о котором коллеги отзывались не иначе как «от бога», умел держать себя в руках и трезво оценивать любую жизненную перипетию. Даже ту, в которой сейчас оказалась вся Россия. Желали или нет сами россияне оглушительно-нежданной развязки событий? В сложившейся ситуации уже мало что зависело от их намерений и

предпочтений. Впрочем, как и во все времена.

Война! Хоть страшное слово и не звучало с экранов телевизоров, а заменялось скупой малопонятной большинству аббревиатурой СВО, но ощущение войны не просто витало где-то в вышине, а проникало в каждый дом, пронзало сердце каждого равнодушного гражданина. Да, это была именно она – война. Жестокая, немилосердная. С её страхом, кровью, героизмом, непониманием и... предательством. Война за существование русской нации.

– Папа, ваше поколение просрало великую страну, – именно такими грубыми, на грани фола, и режущими душу словами восемнадцатилетний сын Дениса Овчарова – Артём беспелляционно высказал отцу наболевшее. – И нам, нынешнему поколению, придётся исправлять ваши ошибки, возрождая порушенную державу, – добавил твёрдо, ничуть не сомневаясь.

Возразить было что. И в то же время – опровергнуть юношеский максимализм оказалось сложно и больно. Доля правды... Да чего уж юлить, – устами юноши сказанное разило верно и беспощадно, в самую точку. «И откуда он только набрался идеологических догм и принципов, которые, вроде бы, в современном потребительском обществе, отнюдь, не приветствуются и даже отвергаются?» – задавался вопросом отец. Поразмыслив, довольно усмехался, прекрасно понимая – без отцовского его влияния не обошлось.

Старшему Овчарову хотелось спорить, отстаивать свою позицию, кинуться грудью на защиту предпринимательства, ещё с десяток лет назад бывшее смыслом его жизни. «Сын, ты не прав! – вскипали отцовское сердце и разум. – Мы искренне ждали и верили в перемены. Сытые по горло идеологией, навязанной номенклатурой и вывернутой наизнанку, жаждали глотка свободы. И что уж кривить душой – ради этого призрачного будущего отринули идеи коллективизма и социального равенства. Пусть и не все из нас, но немалая часть тех, кому сейчас перевалило за полтинник».

Душа Овчарова разрывалась между безграничной любовью и тревогой за будущее сына и скупой гордостью за его непростое мировоззрение. В памяти всплывал разговор, состоявшийся чуть более полугода назад. Тогда сын пришёл из школы с последнего звонка, взъерошенный, разгорячённый.

С порога, едва скинув обувь, юноша поделился новостями:

– Ты знаешь, что сказал нам Юрьич, на прощании со школой?

«Юрьичем» выпускники звали самого уважаемого из коргорты учителей – историка – рано поседевшего низковатого и щуплого мужчину с глубоким пронзительным взглядом и едкой нескрываемой иронией к доминирующей среди школьников безграмотности и полному незнанию предмета, особенно среди старшекласниц. Уж чем ему не угодили представительницы слабого пола, одному Богу известно. Поговаривали, что всему виною первая жена, тоже, кстати, учительша, с которой мужчина в кои-то годы благополучно расстался и, едва вступивши в пенсионный возраст, связал свою жизнь с моложавой длинноногой красоткой. Казалось бы, учи себе на радость подрастающее поколение, сей «разумное и вечное»... Но, нет, Юрьич выгорал. Он на полном серьёзе собирался распрощаться со школой и заняться научной деятельностью. Как истинный профессионал своего дела мужчина трезво оценивал будущее российского образования. Похоже, противостоять наступающей «тьме» уже не было ни сил, ни желания. Даже его интеллигентский либерализм и отчасти критичное отношение к определённым периодам советского прошлого не добавляли успеха в битве за умы и души подрастающего поколения, которое, по мнению историка, ничем в этой жизни не интересовалось. При всей своей характерной неоднозначности Юрьич пользовался непререкаемым авторитетом у старшекласников. Только ему одному на День учителя будущие выпускники смело, с присущей молодецкой удалью и бесшабашностью, могли преподнести в качестве подарка продуктовый набор из бутылки кисломолочного Тана, солёных орешков и пары упаковок каши быстрого приготовления, зная, что их поступок будет оценён любимым преподавателем «по достоинству и с пониманием». Под стать выпускникам и мальчишки-десятиклассники, вручили мэтру бутылку добротного коньяка в самодельной деревянной коробчонке, на которой собственноручно лазером выжгли занимательную и высокоумную, по их мнению, надпись: «каждый коньяк, без сомнения брэнди, но далеко не каждое брэнди – коньяк». Креатив «неучей» Юрьич оценил и снисходительно принял подарки...

– Мне вас жаль, парни, – произнёс учитель, с тоской глядя на веселящуюся молодёжь.

– Почему, Николай Юрьич? – первым вскинулся пронырливый Пашка, вечный троечник. – Это потому, что мы тупые?

– Нисколько вы – не тупые. Вы продукт своего времени. И во многом ничем не хуже нас. А в чём-то даже и лучше, – задумчиво ответил Юрьич, сделал паузу и продолжил. – Вам придётся воевать. И очень скоро.

Никто из выпускников не отреагировал на его слова. Лишь немногие пожали плечами, не понимая о чём речь. Какая такая война? Ежели в Сирии, так это где-то далеко, да и воюют, исключительно профессионалы. А у нас впереди университеты, для многих европейские, в Праге, Лондоне, Берлине. И наши столичные ничуть не хуже, с перспективой дальнейшей работы в крупных международных компаниях. Примерно так подумало большинство. А впрочем, они пропустили откровение Юрьича мимо ушей.

Если для старшеклассников сказанное историком пронеслось вскользь, едва задев их умы, чего, мол, чешет стареющий авторитет, то для Дениса Игоревича услышанное прозвучало словно пророчество. В очередной раз защемило сердце. Старший Овчаров остро почувствовал, что это не просто слова. И профессионал своего дела, такой как Юрьич, не будет разбрасываться ими почём зря.

После вещих слов прошло чуть более восьми месяцев. Предсказание учителя сбылось в полной мере. Нагрянуло внезапно, одномоментно. Оглушительно накрыло каждого. Ещё вчера по набережным южных приморских городов, беспечно фланировали отпускники и влюблённые парочки, радуясь раннему приходу весны, где-то в глубокой Сибири, искромётно матерясь, вездесущие дворники вступали в последний бой со снежными заносами, а на «окраине» уже рвались «калибры» и раскатисто гремела артиллерийская канонада. Танковые колонны и десантные подразделения взламывали многотонные рубежи бандеровской нечисти.

Наступил момент истины. Даже самым далёким от политики, отвергающим любую причастность к решениям властей, а также маловерам, нигилистам и скептикам, не говоря уже о провластных элитах, пришло время определиться. С кем ты?

Со своей армией, брошенной в пекло, проливающей кровь и штурмующей нацистские бастиионы, возведённые зигующей армадой последователей Бандеры и Шухевича на щедрые вливания заокеанских и европейских последователей неонацизма? На стороне «золотого тельца», сытого беззаботного существования или так называемых «общемировых ценностей» и западного миропорядка?

Для Овчарова не существовало сомнений. Свой выбор он сделал сразу. И дело даже вовсе не в озвученных сверху целях войны. О них ещё можно было разглагольствовать, чего-то недопонимать, пытаться расшифровать мудрёные понятия «денацификация» и «демилитаризация», неожиданно ворвавшиеся в общественный лексикон.

Это его армия сражается и погибает на русской земле, это по его городам и сёлам наносит удары враг, это русских людей уничтожают без малого десятилетие при молчаливом равнодушии и попустительстве всего «цивилизованного» мира, это русские солдаты ежедневно проявляют чудеса мужества, стойкости и героизма. Это его страна едва ли не впервые за всю историю существования не стала ждать коварного нападения, а нанесла упреждающий удар, сохранив жизни сотен и сотен тысяч русских людей.

Причём, это не был оголтелый ура-патриотизм и бесхребетный «одобрям-с». Разухабистая протухшая пропаганда, годами потоком льющаяся с голубых экранов давно уже благополучно почилa «за бортом» сознания Дениса Игоревича.

Мог ли Овчаров рассуждать иначе? Ведь он, как никто другой, ясно видел разрушительные последствия преступных антинародных деяний погрязшей в коррупции провластной верхушки – экономику страны, порушенную правящим олигархатом, полную деградацию образования и культуры, замаскированную под модный термин «оптимизация».

Сейчас пришло время оставить распри и сплотиться для победы над врагом. Поступить по-другому во все времена и во всём мире называлось ёмким и не имеющим двойной трактовки позорным словом – предательство. И совсем не значило, что сознание Овчарова перевернулось или, как говорят ныне, переформатировалось. К «разбору полётов» ещё предстояло вернуться и «раздать всем сёстрам по серьгам», в том числе

и тем, кто ещё недавно славил власть и призывал к патриотизму, а нынче из-за бугра поливал Родину грязью, успев «переобуться в воздухе». Но это будет уже потом, после победы. Неминуемой и однозначной. Несмотря на яростные попытки её не допустить, а говоря иначе – украсть.

История – занимательная штука. Денис Игоревич ясно помнил свои школьные времена. Ещё в начале восьмидесятых ему довелось писать сочинение на тему «Чему нас учит история». И он с предельной откровенностью скользил «пером» по бумаге, отчаянно доказывая свою точку зрения и приводя в качестве примера слова испанца Сервантеса о том, что «история – сокровищница наших деяний, свидетельница прошлого, пример и поучения для настоящего, предостережение для будущего», или фразу русского гения Ломоносова о «народе, не знающем своего прошлого». Нынче всплывали на ум совсем недавние события. Вот он вместе с Артёмкой обсуждает его школьное эссе на ту же самую тему. И сын приводит иные цитаты. Среди них Гегель – «история учит лишь тому, что она никогда ничему не учила народы», Хаксли – «уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков». «О времена, о нравы!» – так и хотелось воскликнуть отцу. Но он принимает точку зрения сына – да, история никогда никогда ничему не смогла научить.

Ныне Овчаров пытался понять, так всё же, когда он был прав, в своей далёкой юности или сейчас? Превентивный удар по врагу – это ли не урок, извлечённый из кровавого и гибельного сорок первого? А недобитая и амнистированная бандеровщина, поднявшая голову спустя чуть более полувека? Или проигранная Крымская война и оставленная один на один с врагом николаевская Россия, преданная и брошенная всеми союзниками? И пять разделов Речи Посполитой прошли впустую для потомков и нынешнего поколения англосаксов? Неужели всё повторяется вновь? Ведь получается, весь мир – страна невыученных уроков! Может он был прав и тогда, и сегодня, как прав сейчас его сын? А истина – это и есть вечные сомнения? Недаром «колесо истории» – тот же замкнутый круг, а бесконечные витки исторической спирали рано или поздно повторяют друг друга. В чём же тогда различия между невыученными уроками, забытыми и усвоенными...

Николай Птуха находился в запое почти неделю. Жена Марина с жалостью смотрела на мужа, но и она никак не могла повлиять на ситуацию. Это уже не просто запой. Николая было необходимо срочно лечить, его состояние уверенно деградировало в сторону хронического алкоголизма. Болезнь прогрессировала, и справиться с ней без посторонней помощи не представлялось возможным. Главное, донести эту мысль до сознания мужа. Пока он сам не поймёт, что ему нужна помощь, никаких подвижек к выходу из тупика не получится. Примерно так рассуждала Марина, беззвучно глотая слёзы.

– Ну что уставилась? – Николай вызывающе кинул взор на супругу. – Думаешь, я алкаш. Да? И бросить пить не смогу? А вот и не угадала!

Мужчина перевернул над раковиной бутылку водки, опорожнённую на четверть, и вылил всё содержимое.

– На, любуйся! Говорил же, опрокину пару стопочек и брошу, – произнёс он слегка заплетающимся языком. – У меня всё под контролем. И нечего смотреть с упрёком.

Марина молчала, понимая, сейчас бесполезно что-либо обсуждать. Она уже знала, что последует дальше. Пройдёт ещё примерно час, который Коля проведёт бесцельно блуждая по квартире, после в нём начнёт нарастать озлобленность и даже агрессия. Он начнёт распахивать все дверцы кухонного гарнитура, в поисках горячительного, заглядывать в холодильник, жадным взглядом рыская по его полкам. После шарахнет кулаком по столу или ещё хуже, разобьёт костяшки пальцев ударом о стену и стремглав выскочит за дверь. Чтобы через некоторое время вернуться с очередной бутылкой водки, утолить страждущую плоть и вновь демонстративно на глазах жены вылить остатки спиртного в раковину. И так по кругу несколько раз подряд. Пока не упадёт и не забудется в беспамятстве. А может, опять исчезнет из дома, и, вернувшись через сутки-другие мятым, потрепанным, с разящим запахом перегара, начнёт заново судорожно восстанавливать клиентскую базу, извиняться по телефону перед посетителями собственного массажного салона, основанного лет пять назад и дающего небольшой, но стабильный доход.

Приобретённая ещё в далёкой молодости профессия масса-

жиста стала основной в его жизни. Связав себя узами брака ещё в студенческие годы, Николай и Марина вот уже около двух десятков лет шли по жизни рука об руку. Оставив бесплодные попытки обзавестись потомством – врачи вынесли безапелляционный вердикт относительно здоровья Марины – супруги занялись карьерой и в некотором роде преуспели. Первой удалось реализовать свои замыслы Марине – она открыла в своём родном волжском городе косметический кабинет, а после, благодаря первой заработанной на покраске ногтей прибыли, на стезе предпринимательства отметил и Николай.

Едва почувствовав свободные деньги, поняв, что уже нет никакой необходимости экономить последнюю копейку, мужчина ударился во все тяжкие. Нет, он не изменял жене направо и налево, но тяга к спиртному, зависание в питейных заведениях и клубах сначала по выходным с друзьями, а после и ежевечерне – стало нормой. Другие женщины? Сие покрыто мраком, но если и так, то Николай умело скрывал интрижки и повода для ревности не давал. Тем более, по своей натуре он был, скорее, ведомым в браке, да и по характеру чуточку флегматичный и незлобивый – относился к Марине трогательно и с участием. Творческие способности мужчины тоже играли немалую роль в их отношениях. Николай увлекался живописью, так, для себя, на чисто бытовом уровне, пробовал писать тексты для песен, которые исполнял на гитаре вместе с такими же любителями. Вот эта «богема» и вовлекла его в порочный круг. Заставить высокорослого широкоплечего мужчину, годами за сорок, делать что-либо против его воли, конечно, нереально, но мягкотелость и слабохарактерность Николая лишь благоприятствовали «скатыванию в пропасть».

– Николаша, одумайся, подумай обо мне, о моём больном сердце, – напрасно зывал материнский глас. Наталья Сергеевна, коренная волжанка, а ныне жительница Крыма, перешедшего «под руку» России, не переставала в телефонных разговорах увещевать сына встать на путь разума. – Ведь у меня только вы с Владиком и остались.

Около года назад Наталья Сергеевна проводила в последний путь мужа-украинца, уроженца Херсонской области, и забота о детях и внуках заполняла всю её жизнь.

В отличие от брата, младший – Владислав, вместе с супругой

и двумя маленькими детьми благополучно проживал в граде Киеве, работая программистом на западную телекоммуникационную компанию.

Гордиться младшим, переживать за старшего – таков, казалось, удел любящей матери. Но жизнь вносила свои коррективы, переворачивая и круша не только сложившийся быт, но и сознание.

– Дениска – это ты? – ранним утром взволнованный голос из динамиков мобильного, стряхнул окончательную дрему с Дениса Овчарова.

– О, привет, Наташ, рад тебя слышать, что-то случилось?

Денис и вправду был приятно удивлён звонком родной тётушки. Хоть расстояние между Забайкальем и Крымом с десятков тысяч километров, но каждое общение с любимой родственницей навевало тёплую ностальгию о редких встречах заботливых близких, разбросанных ныне судьбой.

Наталья Сергеевна была годами намного взрослее своего племянника. Несмотря на это он по-прежнему, как и с раннего детства называл свою тётю исключительно по имени и никак иначе. Ведь так звал родную сестру и его отец, ушедший из жизни много лет назад. А уж теперь, оставшись старшим в роду по мужской линии, Овчаров тем более не мог изменить не только собственным детским привычкам, но и во всём старался подражать своему отцу. Прошедшей ночью мужчина вернулся с таёжной заимки – охотничал с друзьями, и прозвучавший звонок стал для него приятной неожиданностью.

– Опять Коля чудит? – Денис опередил с ответом собеседницу.

– Да что же это творится! Разве не знаешь? – пугающий надрыв в голосе Наташи окончательно прогнал сон.

– Да что случилось, я несколько часов назад домой вернулся.

– Он с ума сошёл! У него крыша, что ли, поехала?

– О ком ты?

– О нашем верховном. Он же Украину бомбит! Убийца! Это же война!

Ошарашенный новостью, Денис впал в молчаливый ступор и судорожно стал тыкать пальцем в «иконки» мобильного.

– Как там Владик? У него всё нормально? – наконец справившись с волнением и прочитав в сети первые новости, переспро-

сил Денис.

– Пока, вроде, у них тихо, но я себе места не нахожу. Что будет-то, что будет, – запричитала тётушка и зарыдала в трубку. – Это как же так можно, в наше время и бомбить? – сквозь рыдания прорывались её слова.

Как только мог, Овчаров успокоил Наталью. А впрочем, какое там спокойствие. Он прекрасно понимал, что теперь материнское сердце будет там, вместе с младшим сыном, и все его потуги ни к чему не приведут.

Чтобы несколько отвлечь тётю, Денис словесно попытался перехватить инициативу:

– У Коли с Мариной, надеюсь всё хорошо?

– Да какое там, – едва слышно произнесла Наталья. – Всё хуже и хуже, запивается совсем, к разводу дело идёт.

– Мы сделаем следующее. Ты сейчас перестанешь плакать. Держи меня в курсе, как будут дела у Владика. Мы здесь на ситуацию пока что никак повлиять не сможем. А с Колей я попробую ещё раз поговорить, и решим все вместе, что дальше делать. Хорошо?

– Ой, Дениска, совсем я тебя замучила нашими проблемами. Вот почему с моими постоянно что-то случается? Вас ведь отец сумел воспитать. А мои? Ты уж при случае вправь Кольке мозги. Он ведь только тебя и слушает. Ты ж у него заместо отца, в авторитете.

– Так, Наташ, прекрати причитать. Всё будет хорошо. Да и тебе грех жаловаться на сыновей. Вон, Владик какой молодчина! Всего сам добился. Есть чем гордиться.

– Ой, что будет-то, спаси и убереги их Господь, – вновь зарыдала Наташа.

Закончив разговор и нажав «отбой» Овчаров задумался. Услышанное необходимо осмыслить, скрупулёзно перечитать и пересмотреть всё в сети. Хоть Интернет и взрывался победными хрониками и бравурными маршами, тревога не отпускала.

Шёл первый день войны...

Минула неделя. Позвонил из столицы Артёмка. Общение с сыном затянулось надолго. Фронтовые сводки, предательство элиты и гламурного шоу-бизнеса, бескомпромиссная вера в неминуемую победу... – расхождений во мнениях между отцом и сыном не существовало. Разве что, старший Овчаров был менее

категоричен в суждениях. Артёмка молод, порывист, горяч. Что и говорить, если уже на первом курсе университета вступил в ряды «Левого фронта», получил заветную красную книжицу. Втайне разделяя устремления сына, Овчаров не хотел открыто выражать свою поддержку. Раз уж сын решил пойти столь рискованной дорогой, то пусть сам и набивает шишки. Но подстраховаться всё-таки решил – позвонил бывшему сослуживцу, а ныне оппозиционному функционеру, попросил присмотреть за Артёмкой, как бы «дров не наломал». Заручившись пониманием, несколько оттаял.

– Знаешь, папа, абсолютное большинство моих сверстников, в том числе из универа, не понимают, для чего мы вторглись на Украину, зачем нам это было нужно. И выступать против, считается даже модным, подобно фронде. Причём, это непонимание в молодёжной среде достаточно искреннее.

– Ничего удивительного. Ты же видишь и знаешь, каков уровень преподавания был в школе, каков он сейчас у вас в университете. Сам же буквально на днях рассказывал, мол, доцент кафедры макроэкономики с полной уверенностью поясняет студентам, что все беды в нашей экономике исключительно из-за огромной протяжённости территорий...

– А по-моему, мы пожинаем плоды деидеологизации, развращённости сытой жизнью.

– С тобой трудно спорить, знаю твою идейную непримиримость. От себя добавлю, хоть Россия безусловно права в этой непримиримой битве с неонацизмом в лице всего западного мира, но и она никогда за последние десятилетия даже близко не была образцом справедливости и показательным примером для остального мира. Гораздо хуже, что мотивацию наших действий сейчас не понимает не только молодёжь, но и немалая часть старшего поколения.

Основания для сказанного были у Овчарова более, чем весомые.

Заливистая трель мобильного заставила мужчину открыть глаза и стряхнуть остатки сна. Часы показывали второй час ночи. На экране смартфона красовался вызов от Николая. Овчаров обречённо вздохнул. Ему бы сбросить звонок в такой неурочный час, но он дал обещание Наташе поговорить с её сыном.

Денис догадывался, что Коля, наверняка пьян, ну, может

выпивши. Впрочем, сути это не меняло. И ночные звонки от нетрезвого братца происходили довольно часто. Хотя, чему удивляться? Для жителей европейской части России наличие других часовых поясов в родной стране нередко оказывалось новостью. Взять, к примеру, москвичей. В свою бытность предпринимателем Овчаров немало пообщался с разными столичными менеджерами, маркетологами, мерчендайзерами из когорты «белых воротничков». И поначалу его изумлению не было предела – служебные звонки от подобной братии, штурмующей высоты бизнеса, звучали обычно после десяти вечера. И неподдельное удивление для многих из них вызывала новость, что за пределами Садового кольца тоже, оказывается, продолжается Россия с её временным многообразием. Так что, Коля со свойственной ему привычкой был не одинок.

– При-вет, братишка! – голос Николая прозвучал тягуче и несколько развязано.

– Здравствуй, Коля, что-то случилось? – дрёма окончательно сошла на нет, и Денис приготовился выслушивать длительные душевные излияния брата.

– Новости слышал? – беспокойные нотки промелькнули в голосе Николая.

– Ты про Украину? Да, в курсе.

– У Владика беда.

Сердце Овчарова «ухнуло вниз».

– Сегодня в их дом ракета прилетела, – чуть заикаясь, то ли от волнения, то ли от дозы спиртного продолжил Николай.

– Живы? – вымолвил Денис.

– Да, успел с женой и ребёнком выскочить, едва документы похватали.

– И где они сейчас?

– Уехали под Чернигов, в деревню к родителям жены. Пока будут там, после, может, в Польшу переберутся.

– А мама знает?

– Знает, она с Владиком на связи. Всё рыдает и капли от давления глотает.

– Слава Богу, что живы все. А ты по-прежнему пить продолжаешь?

– Не, я чуток, самую малость. Но им я этого не прощу.

– Кому им?

- Как кому? Ясно дело, комиссарам.
- Вот с этого места давай поподробнее.
- Чего тут неясно? Моя бы воля, пошёл их резать.
- Ты каких комиссаров имеешь ввиду?
- А то не понимаешь. Всех, кто наверху сидит и решения принимает. Они же из красных выросли.
- Да вроде мы все из красных вышли. И ты не исключение, – Денис попытался разрядить тему.
- Они за каждого украинского хлопчика ответят, – в совершенно несвойственной ему манере Николай продолжал озлобленно гнуть свою линию.
- А за убитых детей, за всех мирных жителей Донбасса кто-нибудь ответит? – не сдержался Денис.
- Это совсем другое. Там наёмники из России всю кашу заварили.
- Пусть по-твоему и наёмники, но в чём виноваты обыкновенные жители Донецка, которых уничтожали целых восемь лет?
- Мне до них нет дела.
- А если после Донбасса они пошли бы в Крым. Там, где сейчас твоя мать. Тоже резать и убивать.
- Ну, может, пошли, а может, и нет.
- Овчаров остро почувствовал, что продолжать разговор не имеет смысла. По крайней мере, сейчас.
- Ложись спать, после поговорим. У нас уже полночь. И держи меня в курсе, что происходит у Владика. Договорились?
- О кей. Да, про тебя наши из Канады вспоминали в разговоре по телефону. Только я мало что понял. Про какие-то фотки чесали.
- Денис пожал плечами. Он тоже не понял, о чём речь. Вот настроения Николая были ясны, точно также, как и его дремучесть. Всё смешал в кучу, и комиссаров, и власть, и наёмников. Пусть даже выпивши, но против своих? Или обида за брата кипит? Ну ладно, Владик на Днепре, ему за прошедшие десятилетия могли промыть мозги, но ты же коренной волжанин, с рождения и до настоящих дней. Или здесь вовсе другое? Овчаров вспомнил, как года два-три назад на полном серьёзе обсуждал с Николаем его планируемую эмиграцию, то ли в Чехию, то ли Словению. Оба горячо осуждали коррумпированную власть,

разрушенную экономику, гонения на свободу слова. И никаких разногласий между ними не возникало. Обдуманное решение «валить за бугор» поддерживали оба. Ну, по крайней мере, такие мысли и желания не вызывали отторжения. Так что же переменилось сейчас? Неужели снова, брат против брата, сын на отца... А может история опять даёт знать, не прощая забытых уроков?

Вот и Наташа давеча напомнила о себе. Сама позвонила. Денис осторожничал, боялся нечаянным словом нанести непоправимый урон родственным узам, в разговоре больше молчал и слушал. Она же всё-таки мать, и чтобы не творилось вокруг, её сердце всегда будет с родными детьми.

– Мама, мама, – кричал в трубку Владик. – Что же вы сидите дома? Выходите на улицу, с плакатами, транспарантами, свергайте тираническую власть. Вас поддержит вся Европа, весь мир. Ещё немного, и мы победим!

– Сынок, сыночек, ты о чём. Какая такая улица, – виновато оправдывалась мать. – Побойся Бога. У нас такое запрещено.

206

– Вы же крымчане! Вы душою с нами. Это они вынудили вас принять гражданство, насильно затащили в «тюрьму народов». Пришло время скинуть оковы!

– Сыночек, миленький, вы-то как, как детки?

– Плохо, мама, очень плохо. Днями прячемся в деревне в подполе, по ночам выходим воздухом подышать. Где-то вдалеке взрывы гремят, но у нас пока тихо. Я даже работать удалённо успеваю, пока интернет есть.

– А детки, детки как? Егорушка и Лизонька, хоть здоровы?

– Слава богу, здоровы. С продуктами только беда, магазины не работают. Но хуже, что слухи пошли, мол, мужчин всех на фронт или в тероборону забирают. Авось, пронесёт.

Наташа дословно пересказывала разговор Денису, глотая слёзы.

– Ты же понимаешь, Дениска, ну что я ему ещё могла сказать? Что мы только в последние годы зажили в Крыму по-человечески. Пусть и медленно, но жизнь ведь налаживалась.

– А как же сумасшедший и убийца, который невинных бомбит?

– Да это я сгоряча, в эмоциях. Что с меня взять, глупая русская баба. Или украинская? Я теперь и сама не знаю. Для меня

все едины. А кто там прав аль виноват – это уж вы, мужики, промеж себя сами разберитесь, – отвечала Наташа.

Овчаров всеми фибрами души почувствовал, как где-то там, под Симферополем, на расстоянии в десятки тысяч вёрст, устало махнула рукой одинокая пожилая женщина и тут же поднесла к влажным глазам скомканный в ладони платок.

События развивались стремительно. Сводки с фронтов поступали довольно скупо, но крупницы информации просачивались через глобальную сеть, телеграмм-каналы, звонки родных, близких, друзей и знакомых. Как удар, прозвучала весть об отходе российских войск из-под Киева. Хоть власть и пыталась выставить подобный шаг, как жест доброй воли, но каждый более-менее разумный понимал, что война – это не только победные марши, но и просчёты и даже предательство.

– У меня никаких сомнений, что враг будет разбит, – высказался в разговоре с отцом Артёмка. – Да, ошибки. И обойдутся нам дорого. За них придётся расплачиваться жизнью наших солдат.

– Ты, безусловно, прав. Победа будет за нами. Но меня не меньше волнует и то, что происходит в стране. Только посмотри. В экономике никаких позитивных сдвигов. Укрепился рубль? Так это за счёт спроса на энергоресурсы. А где поддержка производителей и разумные ставки по кредитам для них? И есть ли вообще производство в родной стране? Учитывая, что из-за бугра мы продолжаем тащить буквально всё. Информационную войну на данном этапе проиграли напрочь. На экранах телевизора по-прежнему правят бал предатели и перебежчики. Весь гламурятник если не поливает грязью нашу армию, то по-прежнему беспечно поёт и танцует, нетерпеливо ожидая возврата к сытым денькам. Оправдания в адрес перевёртышей звучат едва ли не в самых верхах. Будто и нет войны. Как в первую и вторую чеченскую. Где-то там, в горах Кавказа гибли наши парни, а страна вовсю плясала и веселилась. Неужели опять всё повторяется?

– Будем надеяться, что нет. И прилагать к этому все силы.

– Вот и я говорю, что надежда умирает последней. Уже сейчас надо думать и решать, как будем жить после победы. Учитывая заявления верхов, менять нашу внутреннюю политику в сторону лучших традиций советского периода пока никто и не

собирается. В будущем нельзя исключать вариант погружения в жесточайшую диктатуру.

– А чего ты хотел, папа? Капитализм. У нас ведь по сути ничего не изменилось. Каков был базис, таким и остался. С чего вдруг начнёт меняться надстройка...

Едва заметная улыбка тронула лицо Овчарова. Это ж надо, как завернул! Вот, что значит идеология! Нам так не дано. Радоваться за сына или плакать – ну, нет однозначного ответа!

Денис Игоревич начинал уставать от своего моби́льника. С начала войны не проходило и часа, чтобы не тянуло заглянуть в сеть и проследить последние новости. Было ясно, операция на окраине буксует, армия и власть пытаются оперативно реагировать на ежедневно меняющуюся фронтовую обстановку и мировые вызовы. Первые позитивные шаги наметились и в медиа-пространстве. Мужчина с воодушевлением воспринял новость о блокировке Инстаграмма. Вообще удивительно, что рупоры вражеских голосов продолжали изрыгать грязь во всех сетях. В условиях военного времени это был непростительный промах.

Никакого сожаления в расставании с инстой Овчаров не испытывал. Как на дрожжах росли ряды пользователей «Телеграмм», тоже, кстати, находящегося под контролем Запада, радовались своему воскресению позабытые многими «Одноклассники», ожидала феерического взлёта российская VK. По большому счёту на все эти сети Денису Игоревичу, выражаясь интеллигентно и мягко, было «наплевать. Но пробежаться напоследок глазами по своей страничке в Инстаграмме всё же решил, скорее, по привычке, отдавая дань моде. Тем более и уведомление высветилось от «Виктор Полторака».

«Кто такой? – задался вопросом Овчаров, что-то знакомое промелькнуло в имени. – А-а, так это же канадские родственники, супруг Светланы, кажется, про него упоминал Николай в последнем разговоре».

Светка! Воспоминания молодости нахлынули потоком. Вот он, юный выпускник-лейтенант, в тужурке с золотыми погонами в своём первом отпуске на волжской земле. Впервые он увидел и её – изящную, смешливую и задорную девчонку семнадцати лет. Племянница Светлана гостила у своей тётушки Натальи Сергеевны. Юные, заводные брат и сестра – Дениска

и Светка, впервые увидев друг друга, сразу оказались на одной волне. Песчаные пляжи Волги, море шампанского в шумных компаниях, ночные дискотеки... – веселью не было предела. Временами двенадцатилетний Колька ревностно бросал недовольные ревнивые взгляды на Дениса. Как же так? Колькина двоюродная сестрёнка, у него в гостях. А всё внимание – молодому офицеру.

Единственная встреча. И последняя. Больше пути Дениса и Светланы никогда не пересекались. В середине девяностых промелькнула весть, что Светка вышла замуж и уехала в Канаду. Десять лет назад забрала к себе свою престарелую мать.

«Ну, точно, по мужу-то Светка теперь – Полторак, – вспомнил Овчаров. – У обоих украинские корни».

Сообщение в Инстаграмме обескуражило мужчину.

«Денис, как тебе не стыдно! В то время как ваша армия бомбит города Украины и убивает мирных жителей, ты ещё размещаешь на своей странице фото с красными знамёнами. Я стыжусь, что мы называемся родственниками. Если хочешь, могу выслать тебе видео со зверствами российских оккупантов, и ты увидишь всю правду».

Вот так, кратко и лаконично. Поначалу Овчаров не понял, о каких красных знамёнах идёт речь, а после вспомнил, что на одной из фотографий, скинутых ещё по осени в Инстаграмм, запечатлён его сын Артёмка со своими однопартийцами по Левому фронту на Красной площади и под красными знамёнами. «Странно, при чём здесь красные стяги почти полугодовой давности? – подумал Денис Игоревич. – И нынешние события. Где здесь логика?»

А впрочем, был ли смысл искать логику в сообщении Виктора? Тем более отвечать, вступать в переписку, заочную дискуссию. Овчаров отчётливо помнил свои первые статьи в интернет-сети, посвящённые героизму советских воинов в Великой Отечественной войне, проблемам формирования патриотизма в школьной среде. Тогда, лет семь-восемь назад, проба пера начинающего внештатного журналиста заводской малотиражки, вызвала в комментариях к его работам живой отклик неравнодушных читателей. В общей среде диссонансом прозвучали строки профессора из Канады, тоже из украинской диаспоры. И смысл их сводился к одному – мол, вы, россияне, одурманенные

пропагандой, так до сих пор и не знаете всей правды о Второй мировой. И только мы, представители просвещённого Запада, владеем самой правдивой и единственно верной информацией. И готовы вам раскрыть глаза. Овчаров поддался на «провокацию» и вступил в переписку с «маэстро». А после пожалел. Когда аргументы представителя интеллектуальной украинско-канадской элиты иссякли, тот перешёл на оскорбления и ругательства. Урок от общения Овчаров запомнил на всю оставшуюся жизнь – никогда не вступаю в полемику с неизвестными заочно, по переписке в сети.

И в этот раз, прочитав сообщение от канадского родственника, Денис Игоревич скользнул глазами по комментариям внизу под текстом, судя по всему, от многочисленной диаспоры Полторака. Отзывы пестрили набившими оскомину тошнотворными бандеровскими лозунгами «Слава Україні», «Героям слава», жовто-блакитными флагами и одобрительными смайликами.

«Ведь они реально верят в то, что пишут», – с горечью подумал Овчаров. – Российская армия, спецоперация, красные знамёна, зверства оккупантов... Это ж надо, что за каша в головах».

Ему хотелось отмахнуться от прочитанного, забыть, но почему-то не получалось. И снова мысли возвращались к далёкой и кровавой гражданской, отгремевшей столетие назад. Но тогда в основе противостояния была всё же идея. Причём, своя у каждой из сторон. Монархисты с верой в царя и отечество, большевики с лозунгами о справедливом будущем, белое движение с их консолидацией на почве антибольшевизма, анархисты с безграничными свободами личности и отрицанием всякой власти... Среди противоборствующих сил – многочисленная солдатская масса, в большей мере деревенская необразованная, не разделяющая ничьих идей, но готовая за землю-матушку, которая может прокормить всех и вся, принять любую из сторон.

И, конечно, интеллигенция... Как там отозвался о ней Ильич? Стидно вслух произносить. Да ладно! «Гуано» нации... Ох, и за что он так приложил! В основной массе обеспеченная, ухоженная, сытая, довольная, одновременно талантливая и высокомерная, готовая, подавшись в бега, изрыгать проклятия в адрес отчизны, одновременно оплакивая родные берёзки, а после, продавшись за посулы, возвратиться из так называемой эмиграции на родимую сторонку, как ни в чём не бывало. Ну да, были и

просто примазавшиеся, ради личной выгоды и доступа к благам.

А здесь и сейчас? Махровая дремучесть и зашкаливающая ненависть. Может, оголтелая русофобия и фанатичный национализм, дрейфующий в сторону нацизма, и есть их идея? Но как же так, это же родные близкие люди. Разделённые навечно не только континентами... Впрочем, всему есть объяснение. Но будет ли прозрение, и если наступит, то когда?

Овчаров вздрогнул от пронзительного рингтона. Тревожная задумчивость вмиг улетучилась – на экране мобильного высветилось имя сына.

– Они не поймут нашей правды, – невозмутимо ответил Артёмка, выслушав отца. – По крайней мере, сейчас. Прозрение наступает очень медленно, – рассудил по-взрослому. – Так что, правильно, раз не стал ему отвечать. Кроме проклятий ничего бы не увидел в ответ.

– Ты прав и на этот раз, – горько усмехнулся Овчаров. – Отрезвление наступит, рано или поздно. Точно также как у нынешней гламурной элиты. Кто-то из них уже кусает локти после неосторожных слов.

– Да какое там кусает! – взорвался Артём. – Поняли, что бабло из рук уплывает, и скоро на паперти стоять придётся. Тут-то и протрезвели. А народец у нас добренький, всё готов «любимчикам» простить. Уже заново на первых каналах перевёртыши вальяжно красуются, интервью направо-налево раздают. Будто и не было предательства.

– Завидую тебе в твоей непримиримости. Я так не могу. Бывает же, ляпнул кто-то из них по дурусти, а после одумался.

– Нет, папа, с предателями может быть только один разговор – суд, тюрьма или пуля. Ничему история их не учит. Если бы не было тридцать седьмого, никогда б сорок пятый не наступил. Вот такая мягкотелость их и подпитывает. Поверь мне, пройдет ещё некоторое время, пусть год, два, пять, десять..., и каждый, кто сегодня против войны с нацистами, кто сомневался, шарахался из стороны в сторону, будет с глубоким стыдом и раскаянием вспоминать своё неверие и отступничество. И придумывать оправдания.

Эх, молодо-зелено! Принимать ли безоговорочно сторону сына? Овчаров не находил ответа. Хотя внутренне и склонялся к тому, что иметь молодому человеку собственное мнение

и твёрдую позицию намного лучше, чем их полное отсутствие. Сразу вспоминались слова из любимой им книги Стругацких, сказанные благородным доном Руматой кузнецу Кикусу: «Кто не трогает, тех больше всего и режут». Так что, приспособиться или отсидеться – не получится ни у кого...

Родительские размышления были прерваны резким криком авиалайнера. На табло высветилась надпись «пристегнуть ремни», самолёт заходил на посадку. Под крылом сверкающим малахитом расплескались безбрежные волжские просторы. Срочному авиаперелёту предшествовал вчерашний телефонный разговор с Мариной Птуха, Колиной супругой.

«Сил моих больше нет, он уже вторую неделю не выходит из запоя. Если раньше ещё как-то мог контролировать своё состояние, теперь – сам видишь. У него на почве пьянства начинаются галлюцинации: то мания преследования, надо всё бросать, бежать прятаться, то умывается слезами по поводу несчастной любви, непонятно какой и с кем. И всё это заливается литрами алкоголя. Работу забросил, клиенты массажного салона разбежались. Он в таком состоянии или руки на себя наложит, или в дурку загремит. Я уже не в силах на что-либо повлиять». Душевный крик Марины Овчаров воспринял со всей серьёзностью.

Сомнений в том, лететь или нет, у Дениса не было. Николая он застал в полном беспамятстве, на диване в гостиной.

– Вот он, во всей красе, полюбуйся, сейчас пробудится – и по новой, – в отчаянии молвила Марина, и слёзы хлынули рекой.

В тот же день Денис встретился с психологом, рекомендованным знающими людьми. По мнению Овчарова встреча оправдала ожидания. Собеседник больше молчал и слушал, после разложил «по полочкам» подноготную состояния Николая. В основном подтвердив то, о чём Овчаров так или иначе догадывался. Это была уже не просто алкозависимость, это была прогрессирующая страшная болезнь. Тяжёлая, трудноизлечимая, требующая немедленного комплексного подхода, тем более, учитывая, что Николай уже дважды лежал на детоксе в специализированных элитных клиниках и даже некоторое время продолжал проходить там реабилитацию. Самостоятельно справиться с болезнью Николай Птуха уже не мог.

Ещё через день Овчаров поместил Николая в закрытый реабилитационный центр далеко за городом. Операция по до-

ставке больного в «клинику» стоила немалых усилий. Во-первых, добиться согласия больного, который долго не понимал, чего от него хотят, и даже в пути умудрился «напоследок» незаметно принять «на грудь» из тщательно скрытой заначки. В центре Денис лично ознакомился с условиями содержания, разрешительными документами, квалификацией врачей и обслуживающего персонала. Совместно с Николаем подписал все документы, дополнительно оформил контракт с индивидуальным врачом и психологом.

Теперь оставалось только ждать. Когда сознание Николая окончательно прояснится, очистится от алкогольного дурмана, и брат явно осознает, где сейчас находится. Сбежит ли из центра – никакие запоры, решётки и закрытость никогда и никого не удерживали – или поймёт необходимость лечения?

– Это что за богадельня? Куда вы меня сдали? – прозвучали по телефону первые внятные реплики Николая. – Тут же сплошная нищета, деревянные кровати, тумбочки, ни компов, ни телека, даже телефоны с разрешения врачей. Тут все только и делают, что рисуют и вслух книжки читают, – продолжал распалаться Николай. После чуть подостыл. – Не, я больше трёх дней здесь не вытерплю. Отосплюсь – и на волю.

Как оказалось после, минимальный срок – три недели, отведённый специалистами, Николай выдержал, хотя и рекомендовалось не менее трёх месяцев. Одной из методик лечения, заранее оговорённых с психологом, как раз и была шоковая терапия – вывести Николая из зоны комфорта, поместить в спартанские условия, противопоставленные уюту и комфорту элитных реабилитационных клиник, в которых пациентов, мягко говоря, «облизывают» сверху донизу за их кровные. Основные этапы предстояло ещё только пройти: медицинские процедуры, работы с психологами в группах, индивидуально... Едва заметные проблески надежды забрезжили на горизонте.

В суматохе забот Овчаров успевал перекинуться парой слов и с Артёмом. Сын сообщал о сборе гуманитарной помощи для жителей Донбасса. Самостоятельно, с товарищами по партии, без всякой указки сверху. Рутинная, требующая самоотдачи и времени работа. Артёмка сбрасывал фото отцу. Вот активисты расклеивают объявления, а это уже на улице – принимают от

неравнодушных горожан продукты, средства гигиены, пакуют в коробки. Как бы ненароком мелькнула мысль, что сын что-то умалчивает, чего-то недоговаривает. Но после забылось. Овчарова ожидали крутые перемены.

Подновлённая защитной краской, но полностью заляпанная грязью и глиной, боевая машина пехоты на скорости под сорок, громыхая гусеничными траками, вылетела с бездорожья на асфальт, пронеслась ещё несколько сотен метров и резко остановилась. Впереди виднелись крыши домов украинского села. Следом на автостраду прямо с пашни стали переваливать и остающиеся БМП-2 с буквой Z на борту. Крышка люка откинулась, на броню стали выбираться взмокшие усталые бойцы. «Командирам взводов прибыть в штабную машину», – прозвучала команда по рации.

– С минуты на минуту ждём подхода колонны с гуманитарным грузом, – сообщил подошедшим офицерам начальник штаба добровольческого батальона. – Задача изменилась, будем сопровождать колонну до пункта В. Есть сведения, что укры готовят засаду, – показал точку на карте.

Взводный из первой машины, невысокий коренастый мужчина с едва заметными морщинами на лице, почерневшем от копоти и пота, с волевым упрямым взглядом всмотрелся, вдаль. Со стороны населённого пункта показалась приближающаяся вереница грузовиков с гуманитарной помощью. «А вот и они», – прошептал потрескавшимися губами офицер без видимых знаков различия. Это был Денис Овчаров. Прямо с Поволжья, сообщив жене, что задерживается, Денис Игоревич рванул в Ростов. Не без помощи армейских друзей, в течение нескольких суток он был зачислен командиром взвода во вновь сформированный добровольческий батальон и уже вторую неделю выполнял боевые задачи на Луганщине.

Колонна грузовиков подошла вплотную и остановилась. Денис Овчаров ещё не знал, что в одной из машин сопровождающим груза, находится его сын Артём и что до конечной точки маршрута им придётся пережить немало драматических событий.

...Будильник в телефоне надрывался переливчатой трелью. Его хозяин с трудом разомкнул веки и поморщился от головной боли. С улицы через раскрытую форточку гремели слова из песни певички-трансгендера Верки Сердючки, достаточно пронафталиненной, но всё ещё популярной в массах. «Хорошо, всё будет хорошо...», – не переставая, словно молотом, стучало в ушах.

Денис Овчаров поднялся с постели и подошёл к окну, намереваясь захлопнуть створку. Через едва поднятые веки он тут же разглядел на торце соседней многоэтажки огромную свежую цветастую афишу в полстены. На билборде красовалась блондинистая длинноногая моделька с карликовым мопсом на тонких руках. Надпись гласила: «В 20-00 на сцене дворца культуры выступает популярная певица Светлана Лобода. Ведущий вечера Иван Ургант». Овчаров поморщился, словно от зубной боли, прикрыл форточку и щёлкнул кнопкой на пульте телевизора.

По первому каналу шёл новый выпуск «Модного приговора» с Александром Васильевым. Передача тут же переключилась на рекламу. С голубого экрана лилейный голос и милое личико Чулпан Хаматовой извещали россиян, что Bank of Amerika открывает филиалы по всем городам страны и повышает ставки по вкладам...

«Папа, перезвони мне», – гласила надпись в СМС-сообщении...

Июнь 2022 г.

Не брат

«На нейтральной – далеко не уедешь».

Из телеграмм-каналов
военных корреспондентов.

Чтить традиции – считалось делом чести для каждого из нас. Хотя и собирались нечасто, всего раз в год, на день рождения родной кадетки¹. Неспешно вели беседы, выпивали. Кто по полной, а кто и слегка пригубив. Разнящиеся возрастом, одни в преклонных годах, на заслуженной воинской пенсии, другие и вовсе молодых лет, ушедшие со службы сразу после «вышки»², с малыми звёздами на погонах – все мы называли себя братьями. Иногда проскальзывало и совсем своё – братуха. Основания для подобного «тезоименитства» родились не на пустом месте – не всякому подростку судьба дарит возможность познать крепость братских уз в жёстких и подчас невыносимых армейских реалиях, весьма далёких от комфорта семейного очага.

216

Судьба она такая, любому даёт свой шанс. И всяк выбирает свой путь. Вот и сейчас за льющимися речами звучали воспоминаниями о незабвенной юности «в сапогах», о годах службы в далёких гарнизонах. Словно бесценную реликвию, трепетно покачивали на ладони, принесённый кем-то кадетский пятиугольный красный погон с буквами СВУ³ и прикрученным потемневшим «крабом»⁴. Передавали по кругу потёртые фото, чёрно-белые, выцветшие от времени. С едва заметной грустинкой в глазах единодушно смеялись, воскрешая в памяти лица друзей и лихие проказы молодости. Молча вставляли, до боли за скулами сжимая челюсти и поднимая третий тост за ушедших. После очередной опрокинутой стопки некоторых пробивало на откровенность.

Нынче без душевных излияний тоже не обошлось.

– Представляете, ведь и я попал с этой СВУ, – вполголоса доверчиво молвил Сашка, несостоявшийся танкист, по здоровью комиссованный в 90-х из бронетанковых войск и подрабатыва-

1. Кадетка – Суворовское военное училище.

2. Вышка – высшее военное училище.

3. СВУ – Суворовское военное училище.

4. Краб – нагрудный знак об окончании СВУ.

ющий музыкантом на вечеринках и свадьбах.

Впрочем, петь и танцевать, так и сохранилось его хобби с времён кадетской юности, а нынче увлечение музыкой и способности к вокалу превратились в основной источник дохода.

– Ставил музыку давеча на свадьбе, здесь же в банкетном зале. Репертуар подобрал по просьбе брачующихся. Несколько композиций исполнил сольно. Всё, вроде бы, продвигалось неплохо, своим чередом. Ну, поднабрались гости, вразнос пошли. И я соответственного музыкального жару прибавил, чтобы танцевалось и пелось. Да тут, откуда ни возьмись, тещенька жениха нарисовалась. Поддатая ладом, дородная, вся в поту, разгорячённая крепкими парами. Что-то, говорит, твоя музыка, тапёр, тухлячком отдаёт. Да, да, прям такими словами. Думаешь, мне обидно? Нисколько. Привычный к подобным закидонам. А она наседает, за грудки хватает. «И за что я тебе только деньги плачу! – шипит прямо в ухо. – Ну-ка врубай Сердючку, да погромче». «Помилуйте, мамаша, – отвечаю спокойно, стараюсь в руках себя держать, не нарываться. – Нынче времена изменились, как-то не принято вражеские песнопения ставить, поймут неправильно». А она кровью налилась, зенки выкатила, орёт, мол, по миру пойдёшь, нищеврод. Типа, знай, кому перечишь. Ну и далее в таком духе, что-то про жалобу начальству на меня, после которой вылечу как пробка... Я про себя посмеиваюсь, откуда ей, бедолаге, знать, что сам на себя работаю, и никто мне не указ. Так она такой визг подняла, пальцами толстыми в синтезатор тычет, провода вырвать норовит, Сердючку требует...

– Ну и что в итоге? – не выдержал Михалыч, чуть флегматичный седовласый полноватый здоровяк в звании полковника, разменявший седьмой десяток и сидящий вполоборота к рассказчику.

– Что, что... Достала меня эта истеричка.

– А ты? – упрямо поднажал на Саню полковник.

– Врубил эту Сердючку. «Жениха хотела...» назло этой камарилье поставил. Пусть, думаю, наслаждаются. Добилась своего, мамаша, в пляс пустилась.

Я молчал и не сводил глаз с его лица, ожидая продолжения. Внутренний голос мне подсказывал, что оно будет не столь оптимистичным. Он же старательно уводил взгляд, упрямо не же-

лая встречаться глаза в глаза.

– Ну, включил и включил, а дальше-то что? – раздались заинтересованные голоса.

– А дальше – и вовсе полный треш. Выхожу в перерыве в коридор, поднять сигареткой. За окнами темень, так ещё и свет едва-едва над головой мерцает. Только затянулся, откуда не возьмись железная рука, хватить меня за горло и к стенке. Чувствую, задыхаюсь, туфли от земли оторвались. Я даже пикнуть не успел, захрипел, ногами засучил, глаза навывлет. Передо мной тело габаритами, ну, пара таких как я, плечи, что тот шкафина, и ростом исполинским. В глаза мне смотрит и рычит со свистом: «Что ж ты, сучий выродок, включил...» Поначалу-то я не понял, о чём речь. А он и продолжает: «Ты же всем нашим в душу плюнул». Тут до меня и дошло, что хозяйка заведения ранее предупреждала, мол, в соседнем зале то ли контрактники, то ли добровольцы выздоровление после ранения отмечают.

– Вот это ты, Санёк, попал!

– За что боролся...

– Ответочка прилетела...

– И не говори, едва ужом вывернулся, попытался ему втолковать, что не при делах. Так он меня ещё пару раз к стене приложил, сплюнул, и к своим подался, – Саня поспешил скорее завершить историю. – Вот, как видите, живой и невредимый.

Довольный, что выслушали до конца, чистыми и невинными глазами обвёл каждого из нас.

– Нехорошо получилось, – будто толкуя с невидимым собеседником, процедил сквозь зубы Михалыч, так и не удостоив рассказчика своим вниманием. Из его слов нельзя было понять: одобряет он поступок Сашки или выражает недовольство.

– А как же совесть? Она тебе ничего не шепнула? – тут уж не выдержал я и вмешался в разговор.

– У меня был выбор? – непонимающе отозвался Сашка.

– Могли и денег не заплатить за вечер, – кто-то из присутствующих постарался разрядить накаляющуюся обстановку, поняв «куда дует ветер».

– Да, был, – продолжил я несколько отстранённо, не желая усугублять ситуацию, но, уже понимая, что на этом не остаюсь. – У тебя был вариант послать всё это дерьмо подальше и при этом остаться мужчиной.

Сашка моргал глазами, вращая головой по сторонам, ища поддержку, которая не заставила долго ждать. Кто-то из рядом стоящих, приобняв, похлопал его по плечу.

И вновь подал голос Михалыч:

– Стоп, стоп, стоп, горячие финские парни. Забыли эту историю и друженько наполняем под рубчик.

Среди притихшей компании раздалась дробные глухие звуки – кто-то стучал вилкой по стеклу, призывая всех прислушаться к слову отставного полковника.

Господа офицеры глубоко выдохнули, понимая, что эксцесса удалось избежать.

Весь оставшийся вечер в моей голове крутилась фраза из некогда популярной песни – «Брат ты мне или не брат...» На душе было мерзостно и тошно.

Любопытно: у меня ли одного?

Кадр из фильма «Летят журавли»

Сначала приходит Победа, а потом её осознание, понимание, и с этого начинается возрождение, в том числе и нашей глубинной исторической памяти. Да вот же, да было же это уже не единожды!.. И обжигались мы уже – и на собственных ошибках, и на измене, и из-за собственной не то глупости, не то доверчивости, и хоронили Россию так называемые «партнёры». Но что-то случается – беда ли, горе ли – и тогда всматриваемся до боли в глазах в прошлое своё, и память воскресает, возвращается нам с лихвой. И многое из происходящего вокруг, что мы вознесли по недомыслию своему в ранг общечеловеческих ценностей, оказывается вдруг лживым, надуманным, не сущим... да просто ошибкой оказывается, сиюминутным затмением, что прискорбная весть, точно та похоронка, прилетевшая к нам в дом, мол, нет больше человека, а буквально через мгновение оказывается, что он – вот он, на пороге стоит!.. Живёхонек! Нет, не зря, не зря само слово Родина в русском языке женского рода и находится в одном ряду: Родина – Мать – Жизнь... Об этом тоже помнить стоит.

Но, чтобы не случилось чего-то страшного, чего-то необратимого, чтобы наши разум и память вернулись к нам в полном объёме, – надо остановить лихо ныне свалившееся на нас, хоть там, хоть у самой крайней черты. А для этого просто нужно быть убеждённым, как в своё время, отстаивая Отчизну, свято верили наши прадеды, деды, отцы, что любой враг будет разбит и Победа будет за нами!

Сергей Филатов

Валерий НЕУДАХИН
Бийск

Почтальон

Аржана спряталась в любимом месте – за большим камнем на берегу Катуня. Этот укромный уголок облюбован ею давно, никто в селе не знал, сюда можно пробраться по неприметной тропинке. Небольшая площадка выступала над волнами реки, что крутила воду в глубоком омуте. Особенно страшно здесь в половодье, когда наклонись и рукой до поверхности достанешь. Брызги летят от удара воды о тело камня, и при удачном броске на твёрдую стенку образуется облако из водной взвеси. Солнышко порой сверкнёт и превратит окружающий мир в радугу. Пусть живёт недолго, но радость и успокоение приносит.

Сегодня десятый күні мамыра – май. Воды в Катуня много, но не перехлестывает берега, потому уютно и спокойно. Спокойно ли? На душе Аржаны тяжело и сумрачно, никакие краски весны не способны разбудить её радость. Она с тоской смотрит на склоны гор, расположенные на противоположном берегу. Вершины и утёсы сегодня осыпаны розовым – цветёт маральник. Удивительное сочетание чёрно-серых тонов с праздничной краской цветка, переходящее с подъёмом в голубое небо. Весна пришла в горы, время обновления и радости. Скоро склоны покроются зеленью трав и деревьев. Альпийские луга осыплет разнотравьем и у подошв гор развернётся скатерть жарков (купальницы азиатской). С новой удивительной силой пробьются в привычных местах родники, выплескивая на по-

верхность хрусталь воды из подземных кладовых.

Рады этому времени все обитатели гор. Верный друг алтайца – конь, нетерпеливо перебирает копытами, ожидая время подъёма на летние пастбища, высоко в горы. Ждёт тепла и пастух, а за ним тянется вся живность. К свежему яркому, теплему солнцу поднимается молодая поросль кедровника, и изумруд хвои рада просыпающаяся живность. Запахом своим дурманит можжевельник, а от него не отстают травы. Сурок давно покинул нору, предсказывая тепло. Оживилось зверьё, показывая миру своё потомство, торжественно возвещая, кто воем, кто писком о продолжении рода.

Только на душе Аржаны не осталось места для радости. Всё выгорело от тяжёлых мыслей, виновницей которым, является она сама. Как могла так поступить? Почему не выполнила того, что ей доверили люди. Они ведь не просто возложили на плечи ответственное задание, а вручили в руки свои судьбы. Комсомолка, некогда лучшая звеньевая на ферме. Её работой гордились, ею восхищались. Потому и важное поручили не кому-нибудь, а ей. Как она могла нарушить, оступиться? Соврать и носить в себе больше месяца чудовищную вещь?

223

Руки продолжали теребить конверт, содержимое которого известно одной Аржане. Бумага вытерлась на углах, так часто брала в руки, чтобы отнести и вручить. И в очередной раз отступала, боялась решительного шага. Сколько матерей и жён получили похоронки на своих мужей. «Пал смертью храбрых в бою, умер от ран, пропал без вести», – сколько боли сносили эти строки за четыре горьких года войны в сердцах женщин. Заплачет очередная, прижмутся к ней подружки и соседки. Погорюют вместе, так легче, и опять за работу. Пока не вскрикнет в другом конце села следующая вдова.

Им легче. Как Аржане письма такие в дом нести? За калитку шагнуть, словно на минное поле. Старая Айсулу бывшая письмоносец, не выдержала и года такой работы. Надорвалось сердце вести такие в дома носить. Заболела и скоро «уехала» на постоянное место, на кладбище, оставив трудное дело на рассмотрение людское. Долго решали, кому перепоручить, и сошлись на мнении – лучшей девушке, любимице села. Неизвестно из чего исходил народ, но только казалось – не будут грубить новой почтальонше. А может, чисто психологически –

такое доброе сердце и жизнелюбие уберегут от дурных вестей село. Полетят нехорошие вести мимо их селения, куда-нибудь дальше по Чуйскому тракту. А то и совсем мимо Алтая. Да разве убежишь от судьбы. Отодвигать беду от себя, чтобы к другим она ушла, тоже негодно.

Первое время утешала, плакала вместе с получательницей очередного казённого конверта. Только чем дальше, тем тяжелее боль носить в сердце приходилось. Встанет и молчит, словно умерло в ней что. Люди стороной обходить старались, чтобы не попасться лицом к лицу в тесных улочках. Аржана тоже тактику выработала: с доброй вестью, с треугольником солдатским издавела встречной хозяйке машет, радуется. Люди сердцем отмякнут, обнимут и расцелуют. Коли конверт четырёхугольником, старается подойти к дому стороной, дожидаться кого из соседок. Всё легче втроем весть страшную принять в первый момент.

За три года изболелось сердце. Посёлок маленький, а не осталось двора, в котором она не побывала бы со страшным известием. Просила не один раз освободить её от этой обязанности, да парторг отметил – только достойным такое ответственное дело может доверить. Кто, если не Аржана, может с этим справиться. Заберётся за камень, наревётся и вновь работает день, а затем письма носит.

В этот раз оступилась, укрыла. Не смогла весть дурную принести в дом Ёлёнчи. Старая женщина часто болела, сносило её сердце на дорогах Алтая. Да к тому же за год получила похоронок на мужа и старшего сына. Еле откачали. Уговорили подруги жить ради младшего сына, воевавшего на фронте. Врагу хребет уж сломали, авось судьба пожалеет и убережёт Бануша (Ванюшку, на русский лад), конец битве приходит. Не пожалела война – пришла тяжёлая весть в марте. Как поступить? И Аржана решилась: отложила конверт. Спрятала его от глаз людских до поры до времени. Не выдержит сердце старой женщины, нельзя на себя смерть очередную принять. Как сказать, что сын её «пропал без вести». С этого дня и начались мучения девушки: сказать нужно... и сказать нельзя. Каждый день начинался для неё с размышлений, что делать? Конверт этот она носила под сердцем, чтобы ненароком никому на глаза не попался. И плакала над ним и над судьбой своей.

В апреле пришло письмо от воина. Обрадовалась, да только сравнила даты и поняла, этот треугольник где-то задержался в пути и пришёл после извещения о смерти. Теперь две страшные бумаги прятала от старой женщины.

Сегодня особенный день. По радио ещё не объявили об окончании войны, да только молва народная бежит быстрее официальной почты, принесла весть. Всё! Кончились мучения народа, ушли прочь бессонные и страшные ночи в ожидании дурных вестей. Ещё будут похоронки, сколько война опалит напоследок, но стало легче. Обратил народ внимание на то, что цветёт багульник и горы розовые от радости за этот народ, одержавший победу в страшной бойне.

Мысль пришла сразу, словно возникла ниоткуда. Аржана вручит февральское письмо от ещё живого Бануша тётушке Ёлёнчи в этот радостный день. Пусть сердце старой женщины порадует-ся вместе со всеми. А дальше, как получится. Будь проклята эта страшная должность – почтальон. Хотя бы сегодня принесёт радость в дом, пусть у самой на сердце тяжёлый ком. Девушка выбралась из своего укрытия и побежала к дому старой женщины.

Село праздновало. С работы всех отпустили ради такого случая. Из каждого двора слышались смех и плач. От радости – сломали врага, и от горя, что не все домой вернулись. Аржана порхала от принятого решения об облегчении участи Ёлёнчи. Подходя к калитке, увидела во дворе незнакомого мужчину. В военном галифе, раздетый по пояс, через полспины бордово-фиолетовый шрам, он играючи рубил дрова. Руки соскучились по простому крестьянскому труду и теперь работой песнь пели, гимн Победителя. Кто это?

– Бануш, иди к столу, – послышался крик хозяйки.

Девушка увидела накрытый стол в глубине двора, женщин, собравшихся ради праздника.

– Аржана, душа моя. Проходи в гости, Бануш вернулся. В госпитале лежал, отпустили домой. Что с тобой, доченька? – подхватила на руки падающую девушку.

А та зашлась в рыданиях, не в силах остановиться. Её успокаивали всей компанией, а почтальонку трясло от напряжения последних месяцев. Не в силах сказать плакала навзрыд, а руки судорожно мяти потёртый конверт, стараясь спрятать его по-дальше.

Виктор КИСЕЛЁВ
Кемерово

КОНЦЕРТ В СМИРНОВКЕ К 9 МАЯ

Живёт без света третий день Смирновка,
Но к празднику Победы снизошли...
Нет, свет не дали – керосинки жгли,
Но руководством явлена сноровка:
Лекарство и артистов привезли.
...Был микрофон, гитара и поэты,
И сельские свидетели войны
С неловкостью державшие конфеты,
Что были им под праздник вручены.
Пусть микрофон порой визжал фальцетом –
Артисты были все слегка пьяны,
Но бабушки, вниманием полны,
Всех слушали.
И плакали при этом.
...Концерт закончен. За клубами пыли
Автобусы артистов унесли,
И старики их строго не судили:
Спасибо, что приехать-то смогли...
...Росли цветы, наполнились травы соком,
И яблони бесхозные цвели...
В лазурном небе чистом и высоком

Над вдовами, что по домам пошли,
Над стареньким кладбищенским покоем,
Над зеленью заброшенной земли,
Летя усталым и неровным строем,
Смирновку отпевали журавли...

2013

Клянёт нас запад словно супостата:
Россия – зло! И чтоб её сгубить,
Они возьмут и чёрта в члены НАТО,
Они фашизм готовы возродить,
Наполеона, Гитлера, Пилата,
Иуд, готовых ложью нас травить...
А чем Россия им мешает жить?
Не потому, что недрами богата:
Она – укор давно продавшим честь.
...Россия потому и «виновата»,
Что просто на Земле Россия есть.

2014

Террористы? Что они взорвали?!
Раду, Киев? Запад крепко спит.
Вот в Луганске ночью спят едва ли...
Не восток вы даже расстреляли:
Вами мир украинский убит.
...Украина, а самой не жутко?
Украина, ты ж кому-то мать...
Чьи команды слушаешь ты чутко?
Как ты смеешь жизни отнимать?
И летает истребитель низко...
«НЕ УБИЙ!»
Но сладок звон монет.
И лежит в крови «сепаратистка»
В пять своих,
ещё неполных, лет...

2014

ОСЕНЬ 41-ГО ГОДА

Земля подмёрзла в ноябре... И немцев стая
Волоколамское шоссе забрать мечтает.
Чтоб к Рождеству, да по Москве – парадным шагом...
А там Панфилов и бойцы... Оно им надо?
...Приник к прицелу ПТР стрелок Рахимов:
«Патрон, Володя! Бью в упор, а, вроде, мимо...»
Петров Володя здесь не зря, с Урала родом,
Патрон подаст – и с винтаря по тем уродам.
...Заголосит, забудётся мать в родном аиле,
И на Урале всей роднѣй заголосили.
Погиб Рахимов, с ним – Петров,
так было надо:
Они седьмого по Москве прошли парадом!
...В руке бойца патрон зажат – душа на воле.
...Четыре «панциря» горят
на русском поле.

Хроника. К подножью мавзолея
Свастики фашистские летят
Судьбами поверженных солдат.
Сколько фрау ждали их жалея!
Kinder, Kirche, liber Faterland...
Но ещё мы видим детский взгляд
В небо, где стервятники летели,
Чёрный дым с людьми горящих хат,
Как вы млеко пили, яйца ели.
Треблинку, Освенцим, Бухенвальд...
Там вы хоть кого-то пожалели?
Колом в глотке стал вам Сталинград!
Здесь вам не парижские бордели,
Здесь – непокорённый Ленинград!
Вы таких не видели преград.
Здесь вы смерть воочию узрели!
Здесь, где насмерть русский встал солдат!
...Только годы быстро пролетели,
Вновь нацисты разевают рот,
И Европа жаждет передела,
И в лицо спасителям плюёт:
Кайтесь, мол, и скопом и раздельно...
Каяться?! Да я себя извёл:
Дед, прости!
Ты бил врагов под Ельней.
Я стреляю тоже хорошо:
Защищать страну обычай древний.
Ты погиб, но бой не прекращён
И, похоже, бой наш не последний,
Ведь свои иуды из штабов
Без боёв сдают мои деревни...
Дед, твоя не дрогнула рука –
Ты прости, что я терплю пока!

*К 70-летию начала
Великой Отечественной войны*

Рассвета луч возник в квартире,
Пусть я сегодня выходной,
Я третий день встаю в четыре –
И тишина в квартирном мире,
Но я разбужен тишиной
И той войной, где победили,
Лишь кровью заплатив большой...
Я третий день встаю в четыре,
Лежит под Ельней дед в могиле,
Войною сломлен батя мой.
И я – запаса рядовой,
Я третий день встаю в четыре, –
Но пусть не дремлет часовой! –
Чтобы за Бугом спозаранку,
Под предрассветной тишиной,
Моторы не прогрели танки,
И не убили нас с тобой.
...Я третий день встаю в четыре,
Наверно, возраст мой такой...
Курю на лоджии родной.
Пусть спят спокойно молодые –
Я подежурю над страной.
...Сегодня Триполи бомбили,
У дочки в школе – выпускной.
...Я третий день встаю в четыре.

2011

Виктор КОВРИЖНЫХ
(1952-2022)

с. Старобачаты
Беловского района

ВЫШИВАНКИ

Для последнего часа свиданья,
упиваясь небесным огнём,
вышиваешь иглою Майдана
вышиванки на теле своём.

Лягут крестик с веночком и строчки,
алой кровью наполнятся швы.
Обернутся воронки в цветочки,
а траншеи в ажурные листы.

Чудный месяц на теле и звёзды.
В честь высоких заморских гостей
вспыхнут росы, как чистые слёзы
в небеса унесённых детей.

Дым и горечь полынного хлеба,
гарный хлопец над полем ржаным.
Блещет жовто-блакитное небо
над коханым простором твоим.

Ради воли высокой и цели
гайдамаки от мира сего
для любимой тебя не жалели
ни себя, ни родных – никого.

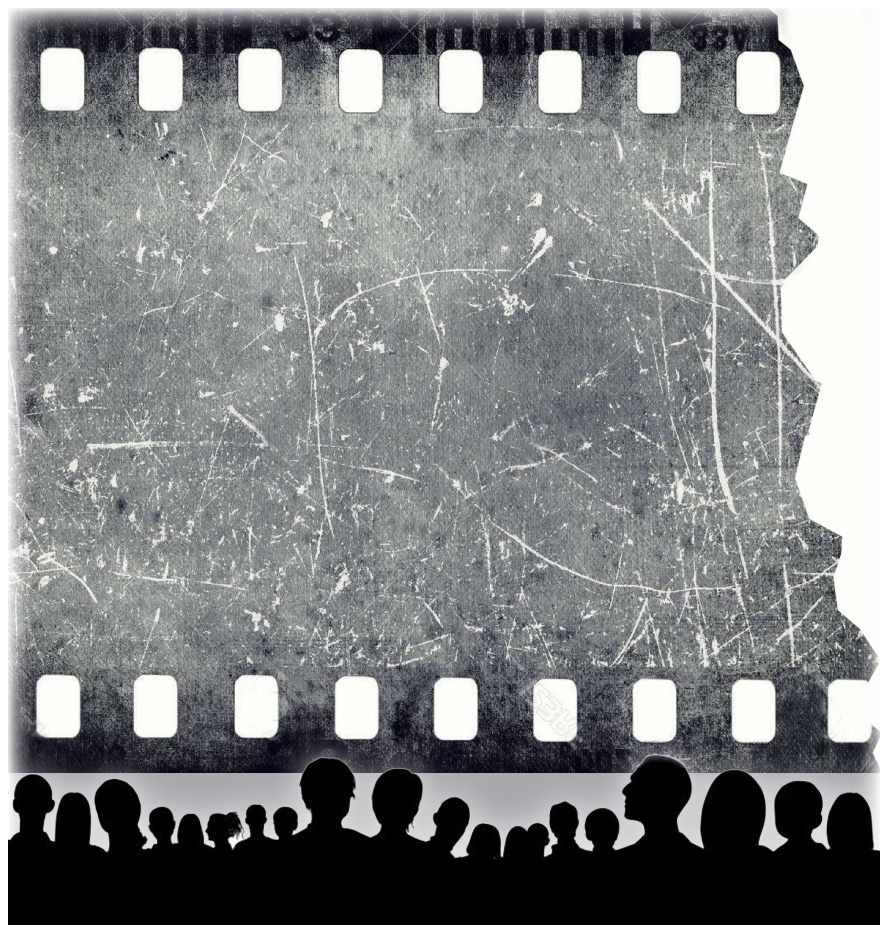
Захлебнувшись сыновней любовью,
по следам самостийных годов
напитают москальской кровью
вышиванки вишнёвых садов.

Возойдут из поганого склепа
в золочёный державный жупан:
посполитовый гетман Мазепа,
незалэжный Бандера Степан...

Вышиваешь, себя обряжаешь,
как в последний готовишься путь.
Ждёт жених из предтечных пожарищ,
звонкой песней прострелена грудь.

С рушниками придут за тобою,
вознесут на престол к образам.
И в церквах твоих ветер завоюет,
и откроет всем вям глаза.

Протокольные речи назначат,
рухнет птах на средину Днепра!..
Только русское сердце заплачет
по тебе, дорогая сестра...

Кадр из фильма «Они сражались за Родину»

Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет неважно. Одно дело жить и бороться, когда есть куда вернуться, другое дело, когда отступать некуда. Я думаю, что русского человека во многом выручает сознание этого вот – есть еще куда отступать, есть где отдышаться, собраться с духом. И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно, та жизнеспособность, та стойкость духа, какую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу.

Василий Шукшин, «Слово о «малой родине»

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей ФИЛАТОВ. В поисках глубинного Слова	3, 5, 21, 54, 125, 157, 221
Анастасия ЕРОХИНА. Больше, чем навсегда (рассказ)	6
Диана МАЛЬЦЕВА. Дорога из Мариуполя (отрывок из стихотворения)	13
Ксения РУДНЕВА. Кусочек сахара (рассказ)	15
Виталий КУДИНОВ. Солдат (рассказ)	22
Сергей ДОНБАЙ. «Читаю книгу о войне». Кадры хроники. Военное детство. Братские могилы. Второй фронт (стихотворения)	31
Анатолий КРАСНОСЛОБОДЦЕВ. Война. Мои отец и мать. Родина (стихотворения)	36
Идалия ШЕВЦОВА. «А мой отец погиб тогда» (стихотворение)	39
Дмитрий ШАРАБАРИН. Слово. Психическая атака. «За полосой полоса». Россия (стихотворения)	40
Нина БУЙНОВА. «Уже привыкли. И – не больно». Катерина. Ветеран. В деревне (стихотворения)	46
Вячеслав КИСЛИЦЫН. «Умолкли, устали кукушки». Домой возвращаются птицы (стихотворения)	51
Сергей ФИЛАТОВ. Где-то идёт война (повесть)	55
Андрей РАСТОРГУЕВ. «Разлом идёт на глубину, круша». «И когда мы весело курочили». Митинг. «Только душа сподобится». «Время сделало оборот». «Он не пишет, не спит, не кричит». «Хоть ещё Россия велика». «Гражданская питает не изюмом». «На границе ветрено и скверно» (стихотворения)	85
Борис БУРМИСТРОВ. Родова. «Вся надежда нынче на мессию». Заповедь. «Вы говорите, что стихи грустны». Клеветникам России. Ответ русофобам. Прошение за сына (стихотворения)	94
Наталья МУРЗИНА. Тыловая. «О, чистый лист и неизвестность». «Сегодня снег, как очумелый». «Предновогодним торжищем страна увлечена». «Знал солдат войну не понаслышке». «Опять метель в окне гудит». «Ну давай о хорошем! Ну хватит уже о войне». «Снегу-то выпало сколько в твой ослепительный день» (стихотворения)	101
Александр КЕРДАН. На поле брани. «Надо о мире, а я – о войне». Узелок для тёти Риммы. На смерть дяди Пети. На третьей мировой. Новороссия (стихотворения)	109

Дмитрий МУРЗИН. «За окнами хмуро и сиро». Новое кино. «Накосячил наш конь с бороздой». «Старый виски в правильном бокале». «Выйду на улицу – будто и нет войны». «На здорового мужика». Тишина перед Рождеством. «Отчего, скажи, сегодня солнце так тускло» <i>(стихотворения)</i>	116
Вячеслав ЛЯМКИН. Патриот дядя Ваня <i>(рассказ)</i>	126
Любовь КАЗАРЦЕВА. «Для человека в мире законном». Точка отсчёта. «Сегодня я в стальном строю». «Упал в сплетенье наших рук». «Крым зацветает к апрелю» <i>(стихотворения)</i>	131
Алексей КУЗИН. Шинель. «Славно птице-ворону» <i>(стихотворения)</i>	136
Александр ШАЛОБАЕВ. «В час, когда я завершу». Игра в войну. «Поле боя впереди» <i>(стихотворения)</i>	138
Евгений КУЗНЕЦОВ. «Фронтовые отцовские письма я снова читаю». «Еду потихоньку на родную дачу» <i>(стихотворения)</i>	141
Ольга БЕРЕГОВЫХ. Война. День Победы. «Небес материя отмерю» <i>(стихотворения)</i>	143
Наталья ДЕНИСЕНКО. «Из моего окна не увидать фронта». «В мире стало столько смертей». «Всё на войне, как в жизни». «Старики остаются». «Дерись, как в детстве, сам, не чуя боли». Россия, вставай <i>(стихотворения)</i>	146
Людмила НИКОРА. Я вернусь. «Похоронка опять. Молодой...». Носочки <i>(стихотворения)</i>	153
Андрей ПУЧКОВ. Удачный выстрел <i>(рассказ)</i>	158
Андрей ЭЙСМОНТ. Больно. Под вой осипшего снаряда. Точка. Весной ещё не то бывает <i>(стихотворения)</i>	184
Евгений БУНТОВ. «Не безумствую, не ропщу». «Иную долю поищи». «Устав лежать в простуженной земле». Донбасские куплеты <i>(стихотворения)</i>	189
Дмитрий КАЮШКИН. Отцы и дети <i>(фантасмагория)</i> . Не брат <i>(рассказ)</i>	193
Валерий НЕУДАХИН. Почтальон <i>(рассказ)</i>	222
Виктор КИСЕЛЁВ. Концерт в Смирновке к 9 мая. «Клянёт нас запад словно супостата». «Террористы? Что они взорвали?!». Осень 41-го года. «Хроника. К подножью мавзолея». «Рассвета луч возник в квартире» <i>(стихотворения)</i>	226
Виктор КОВРИЖНЫХ. Вышиванки <i>(стихотворение)</i>	233
Василий ШУКШИН. Из очерка «Слово о «малой родине»	237

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

сборник прозы и поэзии

Редактор-составитель – С.В. Филатов.

Редакционный совет:

Л.В. Казарцева, Д.В. Каюшкин,
А.Б. Кердан, Д.В. Мурзин, А.П. Расторгуев.

Дизайн – М.Б. Косарев.

Для оформления использованы рисунки Олеси Климентьевой и художников-фронтовиков 1941-1945 гг. (из открытых источников).

На обложке и на титульном листе – кадр из художественного фильма «Восхождение» Ларисы Шепитько по повести Василя Быкова «Сотников» и фотография Ильдара Маматова горы Пикет в селе Сростки на родине В.М. Шукшина.

Подписано в печать Формат..... Усл. печ. л..... Тираж Печать офсетная. Заказ №. Отпечатано в типографии издательства «Матрица». г. Бийск, ул. Мерлина, 27.

